

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Следующий год – 2017-й... Разговора о революции не избежать. Ни в обыденных речах, ни в теоретических. Не ограничивая предмет размышлений общественно-политическим контекстом, имея в виду также социальные и экзистенциальные последствия радикальных изменений в науке, технике и технологии, мы предложили коллегам обсудить ряд проблемных узлов в концептуальном поле революции.

Дискурс революции: методология и язык, вопросы историографии. Содержательная мысль требует выразительной формы. Здравый императив, который вполне может оказаться вариацией диалектического посыла. В диалектике, философском учении о развитии, революционному сюжету по традиции отводится одна из приоритетных позиций. Но и вне диалектических методов, смыслов, лексем, диспут о революции, разумеется, не табуирован.

Социальная революция: причины и предпосылки, сущность и конкретика явления, проблемы легитимности и масштаба. Тут, казалось бы, всё привычно и ясно – и, вместе с тем, извечно дискуссионно. Особенно в плане глубины революционных пертурбаций: судьба человеческой природы и сущности, а не только слом и перековка общественно-политических конструкций раз за разом упрямо вносится в повестку дня. Крайне любопытен и смысловой ракурс оправдания революции: он фокусируется то на объективной, то на субъективной стороне социальных экстремумов.

Роль личности и масс, социальных групп и институций в революционных преобразованиях общества; революционная стихия и государственные устои. Вновь – знакомые темы, не перестающие оттого быть актуальными. В частности, в контексте рассуждений – и серьезно аргументированных, и откровенно спекулятивных – о «цветном» окрасе революционных событий.

Революция и террор: жертвенность и жертвоприношения во имя прошлого, настоящего, будущего. Когда, в поединках и баталиях, на кону человеческая жизнь, совсем не до шуток. Но ту же жизнь до конца, наверное, не понять без осмысления присущей людям героизации и эстетизации смерти. Впрочем, здесь интересно выслушать и возможные возражения.

Революционная теория и практика в историческом споре общественно-политических систем. Кому-то проти-востояние социализма и капитализма (сегодня, в обозримой ретро- и перспективе) представляется первейшим историческим антагонизмом, кому-то – лишь внешним фоном экзистенциальных борений, невзгод и удач. Схоже и с революцией. Для кого-то она – панацея от главных бед; для кого-то – период эмоциональной разрядки, заведомо короткий (как и отрезок торжествующей справедливости), но неумолимо манящий; для кого-то – циничный социальный лифт; для кого-то – катастрофа: крушение былого, имеющегося, ожидаемого.

Научные революции: интерналистская и экстерналистская интерпретации. Возможно, не на площадях, не в партийных штабах или подполье, не в тиши сановных кабинетов готовится прорыв и вычерчивается вектор движения народов, стран, континентов. Быть может, решающая роль принадлежит тут академическому сообществу, его лидерам, проектам и наработкам. Как бы то ни было, парадигмальные сдвиги в науке не следует оставлять без рассмотрения.

Революции в технике и технологии: перспективы человечности и соблазны трансгуманизма. Не исключено, что и наука в настоящее время не является уже авангардной, непосредственной производительной силой общества. Поспособствовав становлению технократии, она, и доводов тут порядочно, подчинилась ей, её сомнительной логике и не менее сомнительным капризам. Грань бесстрастной бесчеловечности, постгуманности, увы, похоже, достигнута. Однако и контраргументы радикальных технологических прогрессистов нельзя огульно, без разбора сбрасывать со счетов.

Такова, пунктирно, тематическая матрица нашей конференции. Надеемся, её материалы, хотя бы избирательно, привлекут внимание взыскательных коллег и любознательных читателей.

Сведения об авторах

Александр Васильевич **Грехов**, доктор философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Алексей Николаевич **Фатенков**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 94

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ Г. ЛАСКИ (1930–1940-е гг.)

Е.Г. Блосфельд, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия), e-mail: ya.gara2011@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов видного деятеля британского лейборизма 30–40-х годов XX века Г. Ласки на проблемы государства и социальной революции. Отмечается эклектизм и противоречивость Г. Ласки, но в то же время верность идее общественного консенсуса. Автор отмечает колебания Ласки между социал-реформизмом и радикализмом в зависимости от исторических условий.

Ключевые слова: государство, демократия, свобода, консенсус, социальная революция, марксизм.

THE QUESTIONS OF A SOCIAL REVOLUTION IN THE WORKS OF H. LASKI (1930–1940s)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views of the famous British labourist leader of 1930–1940s H. Laski on the problems of state and social revolution. The author underlines the eclecticism and contradictions of H. Laski but at the same time his loyalty to the main idea of social consensus. The author points out fluctuations of H. Laski from social-reformism to radicalism according to the historic circumstances.

Keywords: statement, democracy, liberty, consensus, social revolution, Marxism.

Гарольд Ласки (1893–1950) – видный социолог и журналист, профессор Лондонского университета, один из лейбористских лидеров 1930–1940-х годов, член исполкома лейбористской партии в 1946–1949 гг. (в 1945–1946 гг. – председатель).

В своих теоретических трудах он много внимания уделял вопросам государства и революции, перехода к социализму, тем более, что этому способствовала ситуация предвоенных 30-х и военных 40-х годов XX века. Он – один из создателей доктрины «демократического социализма». В англо-американской историографии его работы получили самые противоречивые оценки. Думается, что в свете современных дискуссий его взгляды представляют определенный интерес.

На протяжении всей жизни он обращался к опыту Великой Французской революции, не без основания видя в ней зародыш позднейшего развития социализма. Она для него – своеобразный мост к марксизму. Он развивает этот взгляд подробно в лекции 1930 г. «Социалистическая традиция во Французской революции». Он считал современным аналогом ее Великую Октябрьскую революцию, имея в виду при этом огромное значение и воздействие Октябрьской революции на судьбы людей. Эта мысль неоднократно высказывалась им и в других работах.

Характеризуя всех деятелей Французской революции, включая М. Робеспьера, как буржуазных радикалов, а не социалистов, верно отмечает, что в то время для социализма

и не было никаких условий. Связь же с социалистической традицией Ласки видел в проявившихся в ней социалистических идеях раннего времени, выраженных в идеологии «бешеных» и Г. Бабёфа.

Он писал, что в бабувизме социализм впервые был поставлен на практическую почву, только у Бабёфа социализм проявил себя как метод [1, с. 14, 24, 31]. Однако Ласки модернизировал теорию Бабёфа, приписав ей марксистскую идею пролетарской диктатуры и руководящей роли пролетариата в революции.

Отмечая противоречие идеалов Французской революции XVIII в. с наступившим в результате нее господством буржуазии, Ласки писал, что революция способствовала перелому в общественном сознании. До революции разделение классов покоилось на традиции, после нее оно ничего общего не имело с традицией, люди впервые увидели, что традиция может быть разрушена, антагонизм классов стал восприниматься как антагонизм интересов, основанных на собственности. Люди впервые увидели, что государство может быть разрушено и использоваться как инструмент в руках тех, у кого власть. В этом рассуждении – начало переосмысления Г. Ласки идеи общественного консенсуса в применении к анализу государства и его роли.

Он приходит к выводу, что государство как приоритетная сила общества никогда не выражало полное общественное согласие, оно выражало политическое господство того класса, который уже имел экономическое господство. В работе «Введение в политику» (1931 г.) он писал: «Государство ...выражает волю тех, кто господствует в экономической системе» [5, с. 17].

Демократию Г. Ласки рассматривал как форму государственного правления и как систему социально-экономических отношений. Он подчеркивал, что государство буржуазной демократии может обеспечить своим гражданам только формальную, а не реальную свободу, так как оно не обеспечивает своим гражданам подлинного равенства и полной уверенности в будущем [7, с. 408].

Причину противоречий буржуазной демократии, причину ее ограниченности Ласки видел в том, что она покоится на принципах частной собственности. «Частная собственность, – писал он, – более несовместима с демократическими институтами» [6, с. 30]. Либеральная доктрина, по мнению Ласки, должна быть заменена «социалистической доктриной, мирной или немирной» [2, с. 13].

В 1943 г. он писал: «Как бы ни было громадно преимущество капиталистической демократии над фашистским обществом, капиталистический характер общества находится в противоречии с его демократией» [8, с. 17].

Как мыслил Г. Ласки преодолеть противоречия буржуазного общества и буржуазной демократии? В работе «Государство в теории и практике» он прямо подчеркивал, что деятельность современного буржуазного государства ведет к революции. С выводом о неизбежности революции мы неоднократно встречаемся и в других работах Ласки.

Отмечая непримиримость интересов в классовом обществе, видя причину противоречий буржуазного общества в господстве частной собственности, он вслед за К. Марксом обосновывал необходимость установления общественной собственности на средства производства.

Но включал ли Ласки в понимание революции политический переворот, ставил ли вопрос о коренной ломке государства или полагал возможным осуществление общественной собственности в рамках старого государства?

Испытывая влияние марксизма, Г. Ласки определил суть революции как переворот в общественно-экономических отношениях, а не просто захват власти. В то же время он понимал необходимость завоевания власти и коренной ломки существующего государства для установления общественной собственности и подлинной демократии. Он неоднократно предупреждал об опасности возможного использования органов буржуазной демократии в интересах реакции и недопущения революционных перемен.

Однако в начале 1930-х годов он надеялся, что переворот в социально-экономических отношениях может быть достигнут в недрах самой буржуазной демократии. В работе «Демократия в кризисе» он выражал совершенно обоснованное понимание социальной революции: «Подъем нового класса к политической власти всегда ... синонимичен социальной революции, и существенной характеристикой социальной революции является перераспределение экономической власти» [3, с. 54]. Но здесь же мы встречаем такое заявление: «Капиталистическая демократия должна понять, что либо надо расширять благополучие рабочего класса, либо защищать свои привилегии» [3, с. 233]. Это заявление свидетельствует о непреодоленности им идеалистических представлений о государстве и противоречит его же высказываниям о революции. Буржуазная демократия ничего сама по себе понять не может, но она может обеспечить более плавное демократическое течение революции. Но и только, иначе она не будет буржуазным государством.

Впоследствии Ласки отходит от своей веры в возможность трансформации буржуазной демократии в социалистическую. Он писал, что «социализм не может быть преподнесен на золотом блюде» [8, с. 7]. Г. Ласки подчеркивал: «Когда демократические институты угрожают капиталистическим основам общества, капиталисты прибегают к контрреволюции, чтобы ликвидировать демократические институты» [8, с. 18].

Однако и в 1930-е, и в 1940-е годы Ласки видел и понимал революцию, прежде всего, в ее конституционной, парламентской форме, рассматривая ее как реформу лейбористского правительства. «Достижения, которые проистекают из самой техники конституционализма, – писал он, – глубже, даже если они более медленны, чем те, которые подразумеваются революционной инициативой» [4, с. 213]. В 1940-е годы он писал: «Мы достигли момента, когда свобода зависит от революционных форм» [6, с. 35]. Эти заявления вполне согласовывались как с его утверждениями о необходимости изменения государства вместе с изменением общественных отношений, так и с заявлением о праве правительства изменить государство мирным или насильственным путем [4, с. 110].

Вооруженное восстание Г. Ласки не включает в понятие «революция». Это вполне согласовывается с его пониманием законности и ограниченности свободы. Но это не значит, что Ласки считал всякое выступление против государства или действующего от его имени правительства незаконным. Он считал в целом ряде случаев законной всеобщую стачку, как экономическую, так и политическую, если она направлена на защиту демократических институтов, против войны, против несправедливости правительства. В этих случаях он считал ее даже необходимой [6, с. 92, 129]. Эта позиция Ласки защищала революционную деятельность пролетариата как согласующуюся с его идеей общественного консенсуса.

Г. Ласки считал возможным применение насилия со стороны конституционно победившего социалистического правительства, что прямо вытекало из его идеи о праве и обязанности государства защищать себя. Возможность контрреволюции и необходимости отпора ей учитывалась им всегда. Анализируя английскую политическую систему в 1950 г., он напоминал, что она родилась как политический компромисс в результате революции и

Гражданской войны. «Успешно бороться с контрреволюцией, – писал он, – можно только на основе революционной идеи» [7, с. 320].

В то же время он считал, что ни одна политическая или социальная группа не должна пытаться взять власть неконституционным путем только на том основании, что они уверены в правильности своих принципов, надо убедить массы в необходимости этого [3, с. 249]. Он неоднократно указывал, что революции происходят только тогда, когда массы убеждены в этом. Он ссылаясь на опыт Октябрьской революции, когда большевистская идея, которая еще до осени 1917 г. не была идеей большинства, овладела массами.

И он призывал лейбористскую партию работать по переделке сознания рабочих. И это не было данью фабианству, как доказывали порою советские, а также и ряд английских историков. Это не была фабианская идея пропитывания социализмом буржуазии. А работа в массах рабочих, на производстве была слабым местом лейбористской партии. И забота Г. Ласки и лейбористских левых об этом была очень правильной. Без такой идеологической подготовки успех социалистическим мероприятиям обеспечить было нельзя.

Было бы, однако, ошибочным считать, как К. Мартин, что Г. Ласки принял ленинское определение революционной ситуации [9, с. 88]. Ленинскую формулу Ласки заменяет формулой об осознании большинством общества невозможности продвижения к новому в рамках старого общества. Его рассуждения опять обосновываются идеей добровольного консенсуса, классовый критерий размыт.

С точки зрения марксизма, любая социальная революция закономерна и является насильем, в мирной или вооруженной форме она произошла, и это всегда – ломка государства и старых социально-экономических структур. По Г. Ласки, немирные формы революции, неконституционные действия рабочего класса – это крайность, главным образом, ответная мера на попытку сил реакции установить свою диктатуру.

В целом, анализируя рассуждения Г. Ласки о революции, ее причинах, сущности и задачах, надо отметить их эклектичность, аргументацию их различными ранними социальными теориями – от теории общественного договора, утилитаризма И. Бентама до марксизма. При этом они явно сохраняли типично английское влияние этического социализма и фабианства. Акценты изменялись в зависимости от исторических условий: они становились то более реформистскими, то более радикальными. При этом его суждения всегда отличал исторический подход к изучению проблемы и чувство реальности, а также неизменная приверженность идее социального консенсуса.

Литература:

1. Laski H.J. The Socialist Tradition in the French Revolution. L., 1930. 36 p.
2. Laski H.J. Democracy at the Cross-Roads. L.: NCLC Publishing society in London, 1933. 24 p.
3. Laski H.J. Democracy in Crisis. Charl Mill Univ. of North Carolina Press, 1933. 267 p.
4. Laski H.J. The State in Theory and Practice. L.: George Allen and Unwin, 1935. 336 p.
5. Laski H.J. Introduction to Politics. L.: George Allen and Unwin, 1936. 112 p.
6. Laski H.J. Liberty in the Modern State. L.: Faber and Faber, 1937. 212 p.
7. Laski H.J. Reflections on the Revolution of Our Time . N.Y.: Viking Press, 1943. 419 p.
8. Laski H.J. Marx and Today. L.: V. Gollanz Ltd and the Fabian Society in London, 1943. 33 p.

9. Martin K. Harold Laski: 1893–1950. A Biographical Memoir. L.: Victor Gollanz, 1953. 287 p.

References:

1. Laski H.J. The Socialist Tradition in the French Revolution. – L., 1930. 36 p.
2. Laski H.J. Democracy at the Cross-Roads. L.: NCLC Publishing society in London, 1933. 24 p.
3. Laski H.J. Democracy in Crisis. Charl Mill Univ. of North Carolina Press, 1933. 267 p.
4. Laski H.J. The State in Theory and Practice. L.: George Allen and Unwin, 1935. 336 p.
5. Laski H.J. Introduction to Politics. L.: George Allen and Unwin, 1936. 112 p.
6. Laski H.J. Liberty in the Modern State. L.: Faber and Faber, 1937. 212 p.
7. Laski H.J. Reflections on the Revolution of Our Time. N.Y.: Viking Press, 1943. 419 p.
8. Laski H.J. Marx and Today. L.: V. Gollanz Ltd and the Fabian Society in London, 1943. 33 p.
9. Martin K. Harold Laski: 1893–1950. A Biographical Memoir. L.: Victor Gollanz, 1953. 287 p.

Сведения об авторе

Евгения Григорьевна **Блосфельд**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 172.1

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНЦЕПЦИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

И.В. Дацкевич, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: ilya-dazkevitch@yandex.ru

Аннотация. Данный текст направлен на рассмотрение актуальных проблем современной политической мысли. В нём затрагивается проблема отчуждения, спада революционных протестов, истощенность традиционных подходов к осмыслению политики и необходимость новой концептуализации этого феномена.

Ключевые слова: отчуждение, демократия, сегментация, конформизм, общество спектакля.

REVOLUTION AND THE CONCEPT OF ALIENATION

Abstract. This text aims to examine urgent problems of modern political thought. It addresses the problem of alienation, the decline of the revolutionary protests, the exhaustion of traditional approaches to understanding policy and the need for a new conceptualization of this phenomenon.

Keywords: alienation, democracy, segmency, conformism, society of the spectacle.

Есть, приблизительно, два образца радикального политического акта – октябрь 1917-го или май 1968-го. Революционная мысль, моментально преобразованная в действие, и, с другой стороны, революционное действие, переходящее в разрозненные и противоречивые суждения, создающие наиболее оптимальные условия для множества маргинальных идей и околоидеологических дискуссий. «Оккупай Уолл-стрит» (Occupy Wall Street) стал повторением мая 1968-го. Но возможен ли второй октябрь 1917-го?

Говоря об этом, мы касательно затрагиваем тему отчуждения, потому как, согласно мысли Э.В. Ильенкова, отчуждения бывают не только в труде и внутри процесса производства, не только от потребляемого товара, но и где-то ещё: в самой жизни, в духовной и личной сфере, даже в интимной «близости» людей друг к другу. В современном обществе (если брать к рассмотрению преимущественно западный тип), когда обычно пользуются понятиями «демократия», «демократическое устройство» или сходными с ними, сводят саму изначально вложенную в них идею к консенсусу относительно неэгалитарного порядка, оптимально подходящего для того, чтобы наделить менее имущие слои (населения) достаточной долей власти и благополучия. «Зато те, – пишет Ж. Рансьер, – кто подчёркивают эгалитарный характер своей жизни, склонны противопоставлять демократии <самой её идеи> сохраняющуюся реальность неравенства, которое опровергает эту эгалитарность» [2, с. 65]. Даже предполагаемый коллапс социалистической модели позволяет существовать подозрению в том, что общепризнанная «демократия» являет лишь тень подлинной, т.к. последняя предполагала бы, что народ (демос) «складывается как субъект, явленный самому себе, на всей поверхности социального тела» [2, с. 65]. Однако вне политической игры существует не более трёх вариантов того, что можно назвать «социальным действием»: сегментарность, ком-

мунитарность и маргинальность. Или, если по-другому, то: разобщение, сплочение, исключение. Третий вариант не отрицается, как формальной логикой, но он выносится за скобки, как наиболее радикальный и наименее эффективный в масштабе, выходящем за пределы малых локальных групп. Выбор осуществляется между первыми двумя. Про разобщение можно сказать, что это и есть привычно называемое «демократией» и то, что неомарксист Клод Лефор понимает как места власти без соответствующего политического тела, рассеянной между различными инстанциями легитимности. Порознь между инстанциями права, закона и знания, что делает зыбкой позицию того, кто самоопределяется как «демократ», внутри сугубо политического дискурса. Эмпирическая фигура демократа выглядит противоположной развёрнутой идее демократического общества, которая, к тому же, не способна себя осуществить. Ему кажется, что сама демократия и прагматический индивидуализм движутся в почти противоположных направлениях. Первая выражается в том, чтобы, учитывая тенденции либеральной демократии, в силу возможности таковой, связывать смысл данного учения с идеей и эмпирией коллективности. Тогда как вторая является тем, что принято определять как «демократию», но что, по своей сути, представляет утопию либерального типа, грёзу о мегаурбанистических пространствах, где произвольно вершилась бы свобода индивида. Можно задаться вопросом: не предполагает ли таким или схожим образом заданная дилемма ошибочного, но выглядящего истинным представления о самой природе демократии? Возможно, что от более радикального действия многих из нас отделяет нежелание выйти из удобства конформизма или обращение к маргинальной (т.е. встроенной в существующую систему и производную из неё) индивидуалистической форме протеста. То и другое удерживает нас внутри сегментарного разделения, предоставляя негативную свободу, но, одновременно с тем, делает потенциально возможной прямую власть тех политических структур, от которых установлено и которыми поддерживается такое разделение (например, для инстанции здравоохранительной и исполнительной власти, но далеко не только для неё). С другой стороны, то, чего данное устройство явно лишает, – это позитивная свобода прямого политического действия. Вместе с тем, это и отказ от своей духовной свободы. Её человек лишается, только если таковая одновременно нивелируется общественным устройством подобного сегментарного типа и самоэлиминируется отказом от сферы духовного (от риска, жертвы) в механическом стремлении к удовольствию, связанному лишь с его сугубо физиологическими функциями сна, удовлетворения голода и полового акта, что возводится подобным обществом в своеобразный гедонистический Идеал – принципиально недостижимый, но подчиняющий себе почти всю социальную деятельность. Возможно, что именно прагматическая тенденция и является причиной той всеобщей отчуждённости, о которой, начиная с Жана Ипполита, философии существования и Ситуационистского Интернационала, принято говорить во многих идеологических и околоидеологических дискуссиях в современных капиталистических странах.

Но обратимся к идейному лидеру Ситуационистского Интернационала – французскому интеллектуалу Эрнесту Ги Дебору. В программной работе – книге «Общество спектакля» он выдвигал предположение о том, что сама революция может быть отчуждена, сразу после осуществления, превратиться в миф о себе. Например, он пишет, что если ленинизм был волюнтаристической попыткой воплощения революционной идеологии, которая подразумевает возвращение отчуждённого и решительное изменение

мира, уже сталинизм всем наглядно показал, что возвращать отчуждённое никто даже и не собирался. На этом этапе идеология уже является не оружием, а целью. Идеология, получившая в нём своё воплощение, не преобразовала мир, подобно капитализму, достигшему стадии избыточности, – она полицейским образом трансформировала его восприятие. Иными словами, «власть тоталитарно-идеологического класса означает также и власть перевёрнутого мира: чем она сильнее, тем настойчивее она утверждает, будто её не существует, <но> из противоречия и вытекает социальная организация абсолютной лжи» [1, с. 56].

С этого момента начинается власть того, что философ называл «Обществом спектакля». Спектакль – это идеология *avant tout*, и в качестве таковой, несмотря на впечатление тотальной абсолютной видимости, он оказывается дискурсом непрозрачным и эллиптическим: «помимо того, что является собственно секретным, очевидно, зрелищный дискурс замалчивает все, что ему не подходит» [1, с. 136]. Дебор выделял два типа такой власти, что предъясвляет себя как постидеологическую организацию общества, тогда как её скрытая наррация инструктурирована во все сферы социальной жизни. Первый, наиболее распространённый, представляет собой рассматриваемое ранее общество сегментарной разделённости, которым является современная западная демократия. Его он называл «рассредоточенным спектаклем». Иной особый тип «сконцентрированного спектакля» философ находит в системе государственного капитализма, в которую, по его мнению, регрессирует мир после социалистической революции, когда та отчуждена. Поэтому, говоря об СССР, он избегал термина «социализм», а как социалист, настаивал на том, что опыт, произведённый в 1917 г., ценен и его необходимо повторить, но иначе. Французский интеллектуал надеялся на ситуационистское сопротивление, идущее по пути антигосударственного марксизма, альтернативной модели социализма: он поддерживал идею независимых от политических партий органов самоорганизации трудящихся (рабочих советов), что должны были взять в свои руки власть и ликвидировать товарную экономику. Похожие идеи получили широкий резонанс в событиях майской революции 1968-го, многие ситуационистские тезисы взяли на вооружение и прочие партии, но Ги Дебор и сподвижники слабо проявили себя во время этих событий. Впоследствии они напишут, что общество спектакля превратило восстание против себя в спектакль. Им было удобно сопротивляться любым нормам, не признавая ни одной социальной директивы, но их деятельность оказалась более продуктивной для формирования новых молодёжных субкультур: таких как «панк» и «граффити». Родоначальники последней – бунтующие студенты Парижа – писали на стенах университетов их лозунги: «Искусство мертво – мы не хотим грызть труп», «Под каждой улицей – пляж», «Звонит будильник – уже унижение». Но, в результате идеологической контрверзы между попыткой преобразования общества по социалистическому типу и гедонистическим, радикально индивидуалистическим воплощением такой попытки, их ждала неудача. Ситуационистский Интернационал распался, не совершив своего радикального действия, но оказался в ситуации, когда радикальный жест-текст обречен на де-политизацию и последующее более или менее успешное потребление в виде интеллектуального товара. Быть может, именно отказ от директив, упор на индивидуалистическую независимость выступили теми скрытыми деструктивными элементами, что ослабили его изнутри. Прав был, скорее, Жан Бодрийяр, подметивший то, как идеология бунта вбирается идеологией потребления, становясь товаром, либо, как

вариант, обладание вещью в роли субстрата гипертрофированно-субъективного понимания свободы становится конечной целью любого саботажа (как это было с движением «Оккупай Уолл-стрит»).

В итоге сегментарное общество получило ещё один вариант маргинальности, что был, в итоге, коммодифицирован, поскольку в современном постфордистском капитализме подлинно разрушительной стратегией может выступить лишь прямая реализация его принципов. Подобное произошло в случае с «Оккупай Уолл-стрит», когда люди среднего стабильного достатка грабили магазины, не провозглашая лозунгов и не создавая манифестов. Они просто делали то, чему их учил рекламный месседж: они потребляли, «брали от жизни всё», обращая демократическую иллюзию в варварство.

Напротив, именно вариант масштабного коммуникативного действия, которое будет сплочено вокруг фигуры политического лидера, пока ещё остаётся в силе, как единственная неотчуждаемая реальность, но решиться на него способны немногие.

Литература:

1. Дебор Г. Общество спектакля / Ред. кол. Климов В., Кривченко М. Пер. с франц. Уриновского А. М.: Опустошитель.extremum #1, 2012. 177 с.
2. Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. 240 с.

References:

1. Debor G. Obshhestvo spektaklja / Red. kol. Klimov V., Krivchenko M. Per. s franc. Urinovskogo A. M.: Opustoshitel'.extremum #1, 2012. 177 s.
2. Rans'er, Zh. Na kraju politicheskogo / Per. s franc. B.M. Skuratova. M.: Praksis, 2006. 240 s.

Сведения об авторе

Илья Вадимович **Дацкевич**, аспирант кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 101.1: 316 (470 + 571)

КАКАЯ «КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НУЖНА РОССИИ?

И.В. Демин, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
(Барнаул, Россия), e-mail: IvanValDemin2012@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме «консервативной революции» в современной России. Обосновывается актуальность «консервативной революции», строящейся на синтезе идей динамического консерватизма, универсализма и аксиологической верти-кали трансцендирующего человека.

Ключевые слова: динамический консерватизм, консервативная революция, духовная традиция, модерн, национализм, универсализм.

WHAT «CONSERVATIVE REVOLUTION» DOES RUSSIA NEED?

Abstract. The article is devoted to a problem of «conservative revolution» in modern Russia. The author substantiates the relevance of «conservative revolution» based on the synthesis of such ideas as dynamic conservatism, universalism and axiological vertical of a transcending human.

Keywords: dynamic conservatism, conservative revolution, spiritual tradition, modernity, nationalism, universalism.

Ренессанс консервативной теории и практики в России в последние пятнадцать лет всерьез поставил вопрос о необходимости для нее еще одной революции, теперь уже консервативной. Несомненно, здесь сказались многие факторы: и усталость от ломки цивилизационной идентичности в период подражательного либерализма 1990-х гг., и настоятельная потребность в выработке общенациональной идеи, примиряющей настоящее государства с его прошлым, каким бы оно ни было. В бурной полемике интеллектуалов возникло множество очагов консервативно-патриотического характера, защищающих и обосновывающих консервативный крен. Достаточно сказать, например, об Изборском клубе, созданном в сентябре 2012 г. Его членами прямо постулируется мессианизм российской государственности, обладающей неиссякаемыми интенциями к воплощению в реальной жизни представлений об идеальном бытии, справедливости и добра. И снова, как это не раз было в истории, Россия мыслится во враждебном окружении, ее святыни растаптываются «либеральным Западом» и т.д. В общем, далеко не новая риторика о некоей традиционной православной матрице всегда воспроизводящейся «евразийской империи», провиденциально назначенной к охранению этого «евразийского пространства» и «удерживанию от зла» неумолимо закатывающегося Запада. При всей декларативной духовно-мистической «возвышенности» очередного «мобилизационного проекта» Святой Руси, поднимающегося над всеми разрывами отечественной истории, а также добивающегося «победного» соглашения между «красными» и «белыми», чувствуется какая-то неизбывная посяторонность Манифеста отцов-основателей Изборского клуба, в котором религиозные чаяния неоправданно смешиваются со светскостью всегдашнего государственного насилия: России, оказывается, вовсе не надо «скоропалительной политической реформы», *«но ей нужны обо-*

ронные заводы и алтари» (курсив мой. – И.Д.) [6, с. 6]. Примечательный вывод, напоминающий призыв Э. Юнгера к «тотальной мобилизации». Та же героика перманентной войны вкупе с неприятием либеральной эпохи, «прогнивших парламентских демократий», – слишком очевидный маркер фашистской идеологии, ответственность за которую не могут не разделить мыслители «консервативной революции» Веймарской республики. Так какая же «консервативная революция» нужна, если нужна, России сегодня, дабы не повторять ошибок прошлого?

Романтики немецкой «консервативной революции» отреклись от Модерна ввиду разрушения им коренной связи человека с традицией, «мифической родиной». Отсюда идеология «крови и почвы», дионисийского возврата к неабстрактной, абсолютной «жизни». Причем, в прошлом всегда находилась некая утопия, в соответствии с которой предлагалось провести реконструкцию, возрождение наличной социальной реальности. Это могла быть, как у предтечи «консервативных революционеров» – Ницше, утопическая античность до рационалистического яда Сократа или утопическая Московская Русь евразийцев – русского аналога «консервативной революции» в тот же межвоенный период. Эта утопическая традиция презентовалась как примордиальная ценность, спасающая от разложения современного «прогресса», а вот уже для ее восстановления задействовались радикалистские методы, связанные с «мобилизацией», постоянной борьбой с внешними и внутренними врагами – разрушителями традиции, воспеванием самоотверженных героев как выразителей единой коллективной воли нации и пр. Однако, даже учитывая благородный пафос героической элиты, спаянной надындивидуальными, по-своему духовно-метафизическими интересами общественного целого, нельзя не увидеть опасности расцветающего здесь тоталитарного склада мышления. Когда Т. Манн тонко почувствовал скрытую в претендующей на элитизм духовности, противостоящей нигилизму во всех его формах, потенцию к переходу в свою противоположность: «“Дух”, который делает, действующий “дух” разоблачает, демонстрирует абсолютный радикализм своей сути, потому что дела чистого духа могут быть всегда только наирадикальнейшими. <...> ...дело духа всегда только выродок духа» [4]. «Консервативная революция», переведенная из философских интуиций в социально-практический план, имеет тенденцию к тоталитаризации по фашистскому сценарию. Тем не менее, это не означает, что положительные презумпции философской «консервативной революции» должны быть вовсе отвергнуты. Проблема, по видимому, заключается в переводе их из плоскости иррационалистического отвержения инакомыслия в более умеренную плоскость ясперсовской рациональной коммуникации перед лицом последних вопросов, на которые ищет ответы дух каждой историчности, не способной заниматься самопознанием без преодоления собственной замкнутости в выходе к другим историчностям.

Хайдеггер, к примеру, как раз являет пример непреходящего значения проблематики «консервативной революции» в философии. Признаком неуклонного «упадка», нигилизма, в которых результируется разум Модерна, философ верно считает растворение Dasein в неподлинном существовании: «потерю себя» в «мирскости», «оторванность от корней», «господство посредственности», «забвение бытия», вытекающие всецело из нововременной «стратегии овладения» [1, с. 124]. Но «укоренение», возврат к традиции в области политической идеологии часто прочитываются как изоляционизм или даже национализм, что идет вразрез с универсальностью подлинной духовности, в том числе христианской.

После хилиастических упований Достоевского и Соловьева, у которых четко прозвучала мысль о вселенскости «русской идеи», состоящей в гармонизации человеческих отношений по пути теократического преобразования общества, созидания грядущего «братства людей на земле», всякий узкий партикуляризм выглядит глубоко несообразным с русской духовной традицией. Утопия тысячелетнего «рая на земле» не просто включает в себя, но имеет в качестве важнейшей предпосылки исключительно вселенскую Церковь, тем самым подтверждая дух истинно христианского универсализма. Именно в нем с наибольшей остротой высвечивается имманентная христианскому вероучению вера в человека, в его способность к соучастию в «мировой гармонии». К сожалению, в русском консерватизме, как правило, побеждало другое прочтение православной традиции, которое отсутствующую «веру в человека» заменяло идеей его принудительного, государственно-церковного исправления [2, с. 187]. Условно его можно назвать леонтьевским, ведь именно К. Леонтьев в споре с «розовым христианством» Достоевского–Соловьева защищал идеал авторитарной религиозности. В сущности, она еще ветхозаветная, поскольку в суровом церковном христианстве Леонтьева «превыше любви страх божий», а «выполнение церковных обрядов выше каких бы то ни было нравственных заповедей» [2, с. 184]. Крайне важно, что из такого реалистичного, далеко не розового понимания подлинного христианства начисто выветривается едва ли не главнейший христианский идеал духовного единения людей, подменяясь рабским послушанием внешним церковным канонам и институциям. И «консервативная революция» превращается во всевозможные стратегии насильственного «подмораживания» «гниющего» социального организма с обязательным использованием силовых и пропагандистских ресурсов государственной власти. В итоге – реконструкция социальной реальности по образцу идеального прошлого, но без опоры на творческие силы самого объекта реконструкции, а, значит, вариант социальной инженерии.

Недаром такое закрытое, догматическое истолкование духовной традиции оборачивается достаточно агрессивным национализмом и милитаризацией. Авторитарная духовность вынуждена поддерживать себя за счет запретов и страха. Совсем иначе обстоит дело с тем уровнем духовности, когда она открыта рациональной коммуникации с инаковым, и вследствие этого несет в своей природе универсальные константы человеческой культуры, требующие сохранения независимо от новаций социальной жизни. Иначе говоря, социальная новация возможна только в контексте универсалий культуры, традиций. В этом суть широко сегодня освещаемого динамического консерватизма, в центре которого располагается идея устойчивого развития, сохранения и укрепления идентичности [3, с. 122]. Такой консерватизм меньше всего заинтересован в торможении творческой динамики; его назначение, скорее, в корректировке этой динамики с позиций вечных ценностей, общекультурных констант.

Русская культура восприняла как греческий Логос, так и иудео-христианскую традицию, что сформировало космическое отношение к миру, где общее ценностно всегда выше отдельного, а абсолютное, вечное выше относительного, временного. Иерархия ценностей задавала духовную вертикаль, в соответствии с которой метафизический человек, обращенный к универсалиям культуры и общества, определенно значимее прагматика позитивистской эпохи, отказывающегося от «мира» в целом во имя того «обустроенного» фрагмента этого мира, которым эмпирический человек-атом овладевает в ходе своих чисто индивидуальных практик. Исходя из этого, «возвращение к истокам» как смысл «консервативной революции» в России должно сводиться к возрождению той универсалистской ду-

ховной традиции, конституируемой на основе Истины, Добра и Справедливости – абсолютных ценностей, с помощью которых мы имеем не «фаустовского человека» Модерна или гедониста-потребителя Постмодерна, а человека трансцендирующего. Но тогда совершенно прав А.С. Панарин, сближающий православие и философию Просвещения на основе пронизывающей их духовно-возвышающей аскетики благодати-прогресса [5, с. 54]. В обоих случаях, несмотря даже на секуляризацию, завершаемую Просвещением, каждому человеку и каждому народу открывается перспектива освобождения «из царства необходимости», движения к Благой (Божественной) цели и коллективного спасения. Так переосмысленный Модерн не требует радикального преодоления – дающий социальные и научно-технические новации, он способен обновляться под воздействием консерватизма, становясь более «укорененным» в традиции и тем самым снимающим остроту проблемы отчуждения современного человека. В то же время повторяю, что традиция эта фундирована не столько «жесткой силой» сущностно феноменального «сильного государства», сколько аксиологической вертикалью открывшего в себе и в мире духовное бытие человека.

Литература:

1. Бурдые П. Политическая онтология М. Хайдеггера / Пер. с франц. А.Т. Бикбова, Т.В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003. – 272 с.
2. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 472 с.
3. Кутырёв В.А. Время Mortido. СПб.: Алетейя, 2012. 336 с.
4. Манн Т. Рассуждения аполитичного. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/24/ma15.html> (дата обращения: 10.03.2016).
5. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
6. Рождение Изборского клуба // Изборский клуб. 2013. №1. С. 2–11.

References:

1. Burd'e P. Politicheskaja ontologija M. Hajdeggera / Per. s franc. A.T. Bikbova, T.V. Anisimovoj. M.: Praksis, 2003. 272 s.
2. Gajdenko P.P. Vladimir Solov'ev i filosofija Serebrjanogo veka. M.: Progress-Tradicija, 2001. 472 s.
3. Kutyrjov V.A. Vremja Mortido. SPb.: Aletejja, 2012. 336 s.
4. Mann T. Rassuzhdenija apolitichnogo. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2008/24/ma15.html> (data obrashhenija: 10.03.2016).
5. Panarin A.S. Russkaja kul'tura pered vyzovom postmodernizma. M.: IF RAN, 2005. 188 s.
6. Rozhdenie Izborskogo kluba // Izborskij klub. 2013. № 1. S. 2–11.

Сведения об авторе

Иван Валериевич **Демин**, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 101.8

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (К НЕКОТОРЫМ ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ)¹

П. Динуш, Институт политологии Словацкой академии наук (Братислава, Словакия),
e-mail: peter.dinus@tiscali.cz

Аннотация. Автор статьи определяет основные особенности и тенденции развития общества, характеризует факторы, формирующие различные политические взгляды на социалистическую революцию.

Ключевые слова: социалистическая революция, общество, политические взгляды.

SOCIALIST REVOLUTION (SOME THEORETICAL PROBLEMS)

Abstract. The author identifies the main features and trends of development of the society, characterizes the factors that shape different types of political views on a socialist revolution.

Keywords: socialist revolution, society, political views.

В 1989–1990 гг. был устранен восточноевропейский социализм, но не были устранены причины социалистической революции. Среди правящей буржуазии, для которой существование бывшего восточноевропейского социализма является неким предостережением, замечен ужас перед возможностью ее повторного революционного свержения и экспроприации. Этот страх отражается в ее усилении повысить контроль над населением, в особенности, над коммунистическим и пролетарским движением. В интересах буржуазии – деморализовать его, разлагать его преимущественно посредством идеологического воздействия, стремясь удержать его на платформе своей диктатуры, провозглашаемой свободой и демократией, тем самым обезвреживая его.

Стремление буржуазии умиротворить своего классового врага, конечно, не ново, в ее психологии класса, характеризующейся страхом перед революцией и ненавистью к коммунистам, ничего не изменилось. Способы, которыми она в прошлом устраняла и сегодня пытается устранить угрозу своего поражения, очень похожи. Они проявляются в практической политике и в теории. В политической сфере выбор «Папы бедняков» из Латинской Америки неслучаен. Задача аргентинского иезуита Дж. М. Бергольо – создавать в народных массах иллюзию борьбы за лучший, социально справедливый мир. Уже само имя папы (Франциск) должно выражать предпочтение интересам бедных, приниженных и обнищавших масс, утешаемых им словами любви, мира и покоя. Буржуазно-канцелярская пропаганда превращает его в привлекающего к себе внимание, улыбающегося «защитника угнетенных». Созданию этой ложной картины недавно способствовал Ф. Кастро. Другой фигурой, которая направляет антикапиталистическое движение в другое русло, является президент России В. Путин. Симпатии он набирает своей критикой Запада и фашизма. В стра-

¹ Разработано в рамках проекта VEGA Стратегия по преобразованию общества в контексте цивилизационного анализа, Но. 2/0072/15

нах Восточной Европы он снискал расположение коммунистического движения своими лестными высказываниями в адрес бывшего Советского Союза и социализма. Коммунистическое движение, находящееся под влиянием национальной буржуазии, в этой части Европы деморализовано национализмом, панславизмом и клерикализмом.

Однако в нашей краткой статье мы хотим обратить внимание на ситуацию в теоретическом плане. Исследуя исходные теоретические положения некоторых выдающихся сторонников «подлинно» левого течения, которые заявляют, что они критически относятся или находятся в прямой оппозиции к правящему капитализму, можно обнаружить, что их антикапитализм состоит не в замене капитализма другой социальной системой, а в критике и отказе от негативных последствий капитализма, неолиберализма и конкретных правительств, продвигающих неолиберальные принципы и правила. Их антикапитализм состоит только в отрицании «непристойной» неолиберальной формы капитализма и замены его «пристойной» формой социального капитализма. Этим самым они стремятся лишь заменить одну форму капитализма другой, т.е. взамен неолиберализма – государство всеобщего благосостояния, и продвигают обновление социального государства, восстановление «глобального кейнсианского консенсуса» или «глобального социального мира», известного в политологической, социологической и исторической литературе под названием «социал-демократический консенсус». В этом смысле они говорят о революции; на самом деле они не хотят ее осуществления и падения нынешнего режима, но предупреждают об опасности, предостерегают ее, если неолиберальная форма капитализма не будет заменена обновленным социальным государством. За их защитой примирения классов стоит реформистское социал-демократическое убеждение, что капитализм носит демократический характер. Революцией, однако, не может называться замена текущего капитализма капитализмом с «человеческим лицом», т.е. революция не может произойти путем социального изменения, представляемым мелкобуржуазными критиками капитализма, а только путем ликвидации капитализма как системы и его заменой другим общественным порядком – социализмом. Революционную ликвидацию классового господства буржуазии эти критики называют «догматизмом» или «утопизмом», а революционный исход марксизма – его «самым слабым звеном».

С нашей точки зрения, представления о возможностях революционного свержения буржуазии должны основываться на анализе текущей стадии развития капитализма. Вопросы теории революционного движения надо решать с учетом условий данной стадии капитализма. Полагаем, что текущая стадия капитализма, по своей сути, не может отличаться от империализма, по определению В.И. Ленина, т.е. империализма как монопольного этапа развития капитализма, характеризуемого господством монополий и финансового капитала. Поскольку современный капитализм продолжает оставаться монопольным (корпоративным), по всей видимости, мы все еще находимся в его империалистической стадии. Следовательно, по нашему мнению, невозможно доказательно опровергнуть и центральный социально-политический вывод ленинской теории, что империализм есть высшая и в то же время последняя стадия развития мирового капитализма, представляя собой канун социалистической революции. Принимая такой вывод, мы ни в коем случае не отрицаем факт, что со времен Ленина капитализм подвергался дальнейшему развитию.

Однако, согласно мнению наиболее цитируемых авторов левого направления, империализм сегодня уже не существует. Идеологи движения альтерглобализма М. Хардт и А. Негри провозглашают наступление новой фазы в развитии капитализма в виде Империи, в

то время как американский профессор У.И. Робинсон представляет ее в виде глобального капитализма. Теоретическим результатом их выводов является отрицание существования империализма, что, по нашему мнению, оказывает отрицательное влияние на ход классовой борьбы масс наемных работников против капитала. У. Робинсон из-за своих представлений о начале нового этапа в развитии капитализма отодвигает радикальные социальные изменения в отдаленное будущее, М. Хардт и А. Негри по тем же причинам считают Империю суверенным победителем – в альтернативном понимании мировой революции или Империи. Таким образом, капиталистический процесс развития можно в интересах народных масс, в основном, только корректировать, регулировать, перенаправлять. Понятия Империи и глобального капитализма поэтому можно рассматривать как выражение теоретического отрешения от целенаправленной, систематической и организованной борьбы против капитала, против классового господства буржуазии. Они содержат стратегию постепенных шагов, приносящих более справедливое распределение богатства и власти. Такой реформизм приведет не к революции, а к идее преобразования в сообщество «демократического социализма». Системное изменение воспринимается в нем утопически, не как свержение господства эксплуататорского класса, а как мирное подчинение меньшинства большинству, которое осознает свои задачи. Согласно этой идее, связанной с признанием сверхклассового характера государства, эволюция стремится от капиталистической демократии, т.е. демократии для меньшинства, только для богатых, «к все большей и большей демократии».

Неудивительно, что в духе упомянутых «постмодернистских» теорий политический субъект с радикальной антисистемной программой, опирающейся на революционную теорию, нерелевантен. Другими словами, ленинская форма антикапиталистической борьбы, которая характеризуется наличием плотно организованной и дисциплинированной партии с единой доктриной, является анахронизмом. Оппозиция должна все больше принимать форму эмансипированной, политически зрелой и активной гражданской массы. Хардт и Негри утверждают, что решающую роль сыграет то, как масса сумеет сформироваться в активный политический субъект. На этот вопрос, однако, они дают лишь общий ответ: действия масс могут превратиться в сознательную политическую силу только тогда, когда последняя сумеет целенаправленно и непосредственно противостоять основным репрессиям Империи, тормозить имперские инициативы, не позволяя Империи вводить и восстанавливать порядок. Однако политическая сила, сформированная таким образом, пока нигде не привела к удалению власти капитала. Классовый противник – общий, расплывчатый, неопределенный. Им не является ни империализм Соединенных Штатов, ни империализм России или других капиталистических держав, а только безграничная и неохватываемая империя глобального капитализма.

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин доказывает, что при империализме революция происходит сначала в той стране, в которой противоречия империалистического капитализма обострились до предела (определенный уровень развития производительных сил капитализма, однако, необходим). Его вывод следует из факта усиливающейся неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, в результате которого в цепи империалистических отношений возникают известные «слабые звенья», куда и должно международное антисистемное движение направлять свои удары. Хотя Хардт и Негри считают, что в процессе формирования Империи слабого звена уже не будет, если под таким подразумевать точку, где глобальная сила

наиболее уязвима, из понятия Империи вытекает, что следует начать с местных условий. Несмотря на их утверждение, что национальное государство находится в агонии, так же как до него находилось колониальное и империалистическое государство, в нем по-прежнему происходит классовая борьба.

В нынешних условиях, когда собственническое меньшинство обладает всеми средствами для управления людьми, для успешного контрастступления необходима материальная и экономическая база. Поэтому фундаментальным политическим требованием революционной партии должно быть введение или продвижение плюрализма собственности на капитал, посредством которого создается необходимая для антисистемного политического субъекта экономическая поддержка. В условиях доминирования или монополии частной собственности на средства производства революционная партия не может быть релевантным субъектом партийной борьбы в рамках существующей диктатуры собственнического меньшинства. Плюрализм собственности на капитал, который связан с наличием многоотраслевой экономики, опасен для буржуазии. Его введение подрывает политическую монополию этого класса. И последний сознает это. Поэтому, кроме других причин, – он стремится к максимально возможной приватизации государственной собственности, к как можно большему расширению и укреплению частной собственности. Чем больше доминирует этот тип собственности, тем меньше возможность для конструктивной антисистемной оппозиции, продвигающей революционное решение капиталистических противоречий.

Литература:

1. Dinušová D. Medzinárodný imperializmus alebo globálny kapitalizmus? // Studia Politica Slovaca. 2013. №1. S. 41–49.
2. Hardt M., Negri A. Empire. London: Harvard University Press, 2001. 496 p.
3. Harvey D. Záhada kapitálu. Přežije kapitalismus svou poslední krizi? Praha: Rybka Publishers, 2012. 263 s.
4. Lenin V.I. Stát a revoluce. Učení marxismu o státu a úkoly proletariátu v revoluci. Praha: Svoboda, 1954. 107 s.
5. Robinson W.I. Teorie globálního kapitalismu. Transnacionální ekonomika a společnost v krizi. Praha: Filosofie, 2009. – 362 s.

References:

1. Dinušová D. Medzinárodný imperializmus alebo globálny kapitalizmus? // Studia Politica Slovaca. 2013. №1. S. 41–49.
2. Hardt M., Negri A. Empire. London: Harvard University Press, 2001. 496 p.
3. Harvey D. Záhada kapitálu. Přežije kapitalismus svou poslední krizi? Praha: Rybka Publishers, 2012. 263 s.
4. Lenin V.I. Stát a revoluce. Učení marxismu o státu a úkoly proletariátu v revoluci. Praha: Svoboda, 1954. 107 s.
5. Robinson W.I. Teorie globálního kapitalismu. Transnacionální ekonomika a společnost v krizi. Praha: Filosofie, 2009. 362 s.

Сведения об авторе

Петер **Динуш**, доктор философии, независимый исследователь, Институт политологии Словацкой академии наук (Братислава, Словакия).

— ● —

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 323.2

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ

С.М. Елисеев, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), e-mail: Eliseevprof@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ места и роли проблемы легитимности власти в период революций. Особое место занимает проблема философского и идеологического обоснования легитимности в период революций. В качестве исторических примеров рассматриваются французская революция 1789 г. и русская революция 1917 г.

Ключевые слова: революция, легитимность, власть, режим, идеология.

THE REVOLUTION AND THE LEGITIMACY OF POWER

Abstract. The article presents the analysis of place and role of the problem of legitimacy during the revolution. A special place takes the problem of philosophical and ideological underpinnings of legitimacy in a period of revolutions. As historical examples the French revolution of 1789 and the Russian revolution of 1917 are being researched.

Keywords: revolution, legitimacy, power, regime, ideology.

Тема легитимности власти и революции не нова. Она уже дискутируется на протяжении более 200 лет. Но от этого дискуссии по проблемам принципов, правил и норм легитимации власти в постреволюционный период не становятся менее острыми.

Революции представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах и преобразуют человеческое общество. От других форм социальных изменений революции отличаются пятью особенностями.

1. Они затрагивают все уровни и сферы общества: экономику, политику, культуру, социальную организацию, повседневную жизнь индивидов.

2. Во всех этих сферах революционные изменения имеют радикальный, фундаментальный характер, пронизывают основы социального устройства и функционирования общества.

3. Изменения, вызываемые революциями, исключительно быстры, они подобны неожиданным взрывам в медленном потоке исторического процесса.

4. По всем этим причинам революции представляют собой наиболее характерные проявления изменений, время их свершений исключительно и, следовательно, особенно памятно.

5. Революции вызывают необычные реакции у тех, кто в них участвовал или был их свидетелем. Это взрывы массовой активности, это энтузиазм, возбуждение, подъем настроений, радость, оптимизм, надежда, ощущение силы и могущества, сбывшихся надежд, обретение смысла жизни и утопические видения ближайшего будущего.

Распределение революций в истории неравномерно. Большинство из них связано с современной или новейшей историей. Революции, известные как «великие», – английская

(1649 г.), американская (1776 г.), французская (1789 г.) – открыли эпоху современности; русская (1917 г.) и китайская (1949 г.) – положили начало периоду коммунизма, а антикоммунистические в Восточной и Центральной Европе (1989 г.) завершили его. «Бунтарское столетие» – так некоторые историки называют период с 1830 по 1930 годы. Большинство социологов единодушно во мнении о том, что, если какой-либо век и заслуживает титула «век революций», так это предшествующий, двадцатый. Наряду с «прогрессом», «наукой» «революция» во многом выражает сущность XX столетия [2].

Революция представляет собой радикальный тип политических изменений, в результате которых прерывается прежняя политическая традиция и воспроизводится новая политическая система. В XX веке политика России неоднократно менялась под воздействием революций. В 1905 г., дважды в 1917 г. и в 1991 г. произошли революционные изменения в политической системе общества, в результате которых трансформировались государственные и политические структуры, процессы и цели, затрагивающие распределение и направление властных полномочий по управлению российским обществом.

В период революции всегда обостряется вопрос о легитимности существующей власти. Под легитимностью, как привило, понимают признание со стороны общества правомерности политического господства.

Легитимность выражает тот факт, что граждане в явной или неявной форме воспринимают политическую систему как соответствующую его собственным политическим и моральным принципам, личностным представлениям об истинном и справедливом в политике [3, с. 26].

В этом плане легитимность власти и «право на революцию» тесным образом переплетены друг с другом. Как свидетельствует исторический опыт, политическая революция, как правило, терпит поражение, когда она направлена против политической власти, обладающей высоким уровнем легитимности. Следствием этой закономерности является правило, согласно которому, революции всегда предшествуют процессы делегитимации государственной власти. Процессы делегитимации могут происходить в силу объективных причин, например, неуклонного падения уровня жизни населения в силу неэффективного управления или поражения в войне. Но они также могут происходить и в силу субъективных причин, под которыми мы понимаем целенаправленное воздействие политической оппозиции на систему ценностей и норм существующего политического режима с целью разрушения доверия к нему со стороны общества и порождения убеждения в ее социальной несправедливости.

Идеологическая делегитимация существующей власти всегда предшествует революции. Равно как и идеологическая легитимация лежит в основе любой социальной и/или политической революции.

В этой связи напомним несколько мыслей А. Токвиля о французской революции 1789 г. В известной работе «Старый порядок и революция» он отмечал, что именно философию XVIII века справедливо считают одной из главных причин Революции. Все новые или обновленные воззрения, созданные философией XVIII века, стали не только причиной французской революции, они составляли ее существо; это самое основополагающее, самое прочное, самое истинное из ее творений относительно времени» [4, с. 13–14].

Целью «французской революции» было не только изменить прежнее правление, но и уничтожить прежнюю форму общества, она должна была обрушиться разом на все устоявшиеся формы власти, опровергнуть все признанные авторитеты, стереть традиции, об-

новить нравы и обычаи и, в некотором роде, очистить человеческий ум от всех идей, на которых прежде основывались уважение и повиновение. Отсюда ее чрезвычайно анархический характер» [4, с. 15].

Идеологические алгоритмы французской революции прослеживаются и в истории русских революций XX века. Русский марксизм начала XX века был идеологической основой Октябрьской революции 1917 г. Он же стал и основным источником легитимности Революции и установившегося в ее следствии коммунистического режима [1, с. 59–72].

Социалистическая революция, во многом копируя французскую революцию 1789 г., еще с большей яростью обрушилась на все устоявшиеся формы власти, опровергла все признанные авторитеты, включая церковь, традиции, нравы и обычаи, на которых прежде основывались уважение и повиновение. Но по иронии истории, спустя уже несколько десятилетий после революции, большевики вынуждены были вернуть церкви авторитет, некоторые дореволюционные традиции и обычаи. Одной идеологической легитимности было недостаточно для того, чтобы общество поддерживало существующую власть.

В конце существования СССР идеологическая легитимность власти стала стремительно разрушаться. Все указывало на приближение новой политической революции. В обществе стала формироваться новая альтернативная существующей система ценностей и норм. Большинство граждан относительно спокойно восприняло делегитимацию коммунистического режима и поддержало новый принцип легитимности власти – демократический. Но и он, как показывает российская практика, небезупречен.

Литература:

1. Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 125 с.
2. Белов А.А., Елисеев С.М. Политические процессы и институты в современной России. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 184 с.
3. Елисеев С.М. Легитимность власти. Концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе. – СПб.: Изд-во «Полиграфстройсервис», 1996. – 220 с.
4. Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер с фр. М. Федоровой. – М.: Московский философский фонд, 1997. – 252 с.

References:

1. Achkasov V.A., Eliseev S.M., Lancov S.A. Legitimacija vlasti v postsocialisticheskom rossijskom obshhestve. – M.: Aspekt Press, 1996. – 125 s.
2. Belov A.A., Eliseev S.M. Politicheskie processy i instituty v sovremennoj Rossii. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. – 184 s.
3. Eliseev S.M. Legitimnost' vlasti. Konceptii i problemy razvitija v postkommunisticheskom obshhestve. – SPb.: Izd-vo «Poligrafstrojservis», 1996. – 220 s.
4. Tokvil' A. Staryj porjadok i revoljucija / Per s fr. M. Fedorovoj. – M.: Moskovskij filosofskij fond, 1997. – 252 s.

Сведения об авторе

Сергей Михайлович **Елисеев**, доктор политических наук, профессор кафедры социологии политических и социальных процессов, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ «РЕВОЛЮЦИЯ»

Л.А. Зеленов, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
(Нижний Новгород, Россия).

А.А. Владимиров, Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний
Новгород, Россия) , e-mail: vladimirov-1945@mail.ru

Аннотация. В статье с диалектических позиций рассматривается понятие «революция» сквозь призму смежных категорий.

Ключевые слова: революция, контрреволюция, эволюция, консерватизм, прогресс, регресс.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE CATEGORY «REVOLUTION»

Abstract. The article examines the position of a dialectical concept of revolution through the prism of related categories.

Keywords: revolution, counter-revolution, evolution, conservatism, progress, regress.

Одной из закономерностей философского мышления является осознание сущности многих понятий через эвристическое противопоставление их смежным, ближайшим понятиям идентичного родового значения: «материя – сознание» (Ленин), «освоение – отчуждение» (Маркс), «движение – покой» (Энгельс), «свобода – необходимость» (Гегель), «опредмечивание – распределмечивание» (Батищев), «знак – значение» (Лотман).

Понять сущность революции можно при категориальном сравнении ее со смежными понятиями, которые «высвечивают» различные грани этого многомерного понятия-явления. Многие из этих понятий выявляют такие стороны революции, которые значимы в базовых аспектах философского анализа: «качество – количество», «цель – средства», «сущность – явление», «содержание – форма», «субъективное – объективное», «свобода – необходимость», «традиции – новации».

Эти аспекты диалектически-полярных противостояний требуют и соответствующего диалектического метода их анализа. Мы имеем в виду многочисленную совокупность подобных категориально-значимых понятий: контрреволюция, эволюция, радикализм, консерватизм, террор, переворот, анархия, охлократия, реформа, насилие, диктатура.

При этом мы имеем в виду, что понятие «революция» является базовым, родовым для множества своих предикативных (производных) видов и форм проявления: социальная, политическая, демографическая, научная, техническая, экономическая, сексуальная и т.д. революция. Понять каждую из них необходимо с позиций общекатегориального, родового представления о сущности революции в ее отношении к смежным понятиям: это общеметодологическое требование.

Революция в контексте «движение – покой».

Общеродовые философские понятия «движение» и «покой» позволяют конкретизировать динамическую природу революций всех видов и форм, так как революция характеризует все виды состояний объектов как их изменчивость, мобильность, отражаемые родовым понятием «движение». Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» фиксировал это, замечая, что «движение находит свою меру в своей противоположности – в покое». Если покой – это состояние устойчивости, статичности, то движение – это состояние изменчивости, мобильности. При этом движение и покой, изменчивость и устойчивость как противоположности характеризуют в единстве любой объект (общество, наука, техника, экономика, человек...) в абсолютном и относительном смысле, диалектически выступая основанием друг друга как два синхронных состояния объекта: «устойчивая изменчивость» или «изменчивая устойчивость» [2]. И это является достаточным диалектическим основанием для критики метафизической односторонности «новаторов» и «консерваторов», что нашей стране знакомо по борьбе с «новаторским» «пролеткультом» и «консервативной» «стагнацией».

С учетом сказанного революцию можно отнести к блоку понятий динамического характера: революция, контрреволюция, эволюция, реформирование, переворот, прогресс, регресс. Все они характеризуют изменчивость объектов, а движение является источником развития, появления новых качеств, новых состояний. В данном случае пока не важен аксиологический (ценностный) аспект изменений: позитивные они или негативные, прогрессивные или регрессивные. Главное – происходит преодоление стагнации, застоя, консерватизма, статичности и т.д., то есть всех состояний объекта, которые выражаются понятием «покой».

Революция в контексте «прогресс – регресс».

Таким образом, ближайшим родовым понятием для революции является понятие «изменение» (движение, изменчивость, которое с качественной, аксиологической стороны не является однозначно-нейтральным (безразличным, индифферентным), так как обладает двумя атрибутивными ценностно-значимыми качествами: «позитивностью» (ценностью) и «негативностью» (антиценностью))...

Данные качественные характеристики изменений объектов являются атрибутивными в спинозовском смысле слова, то есть являются постоянными, константными, инвариантно присущими объектам признаками. Это диалектическое единство позитивности и негативности признаков объектов аксиологически сложных для понимания ставило и продолжает ставить в тупик метафизически-однозначно мыслящих людей. Например, сегодня это характерно для оценок догматиками таких сложных социальных явлений, как «Пётр I», «народники», «реформы 1861 г.», «П.А. Столыпин», «февраль 1917 г.», «октябрь 1917 г.», «Брестский мир», «НЭП», «Ленин», «Сталин», «Хрущев», «Перестройка» и т.д.

Философские понятия «прогресс» и «регресс» или аксиологические понятия «ценность» и «антиценность» диалектически отражают противоположные атрибутивные признаки объектов, о чем нам приходилось неоднократно писать [3]. Понятие «революция» обладает позитивным смыслом, социально-ценным значением, выражает прогрессивный характер изменений объектов в отличие от негативно-значимой, регрессивной контрреволюции.

Чувствуя это, либералы-ретрограды даже приход к власти Б.Н. Ельцина, провозглашавшего «Возрождение старой царской России» в августе 1991 г., гордо называют «августовской Революцией», осознавая отрицательное отношение русского народа к понятию «контрреволюция».

Таким образом, уже более конкретно в философско-аксиологическом аспекте революцию можно трактовать как «прогрессивный тип изменений объектов», то есть как такой тип изменений, который развивает, возвышает, улучшает состояния объекта, а не приводит к его деградации, регрессу, распаду, ухудшению, к возврату к старому, пройденному состоянию. Наиболее очевидно это, например, для прогрессивного, последовательно-позитивного развития науки и техники, что получило однозначно-позитивное название «Научно-Технической Революции». А анализ «всеобщих закономерностей мирового развития» на протяжении 60 лет осуществляется Пермской философской школой во главе с профессором В.В. Орловым [5].

Конечно, при данной позитивно-ценностной характеристике революции возникает проблема критерия оценки, что нами специально исследовано как проблема меры человеческого рода, выводящей на постулаты принципа гуманизма:

- а) человек – высшая социальная ценность,
- б) человек – цель социального развития,
- в) человек – критерий оценки социальных объектов [4].

Итак, революция по второму типологическому основанию попадает в блок родственных ей позитивно-ценностных понятий: прогресс, развитие, возвышение, модернизация, совершенствование.

Революция в контексте «качество – количество».

Этот аспект анализа погружает нас в философско-категориальную область «мерных отношений»: мера, качество, количество, радикальность, постепенность, эволюция, скачок, реформирование.

Если революция выражает «перерыв постепенности» развития, качественное изменение, скачок, радикальность изменений, то эволюция связана с количественными, постепенными, реформистскими изменениями. Общее у них – изменчивость, даже прогрессивная, но медленная, постепенная, количественная, в границах данного качества, без разрушения базовой основы объекта. В истории науки качественно-революционную концепцию связывают с Кювье, а количественно-эволюционную – с Ламарком. Ч. Дарвин, как известно, диалектически связал в единую концепцию эти два подхода как единство «качественной наследственности» и «количественной изменчивости». Современная молекулярно-генетическая концепция основана на диалектическом единстве этих противоположных процессов.

Полезно также напомнить, что односторонне-радикальное понимание НТР – Научно-Технической Революции в 1950–1960-е годы было закономерно диалектически преодолено погружением проблем НТР в область более широких проблем НТП – Научно-Технического Прогресса, что привело к продуктивно-эвристическому анализу отдельных революционных этапов в общем прогрессивном развитии человеческого общества: учения о неолитической, аграрной, промышленной, научной, индустриальной, демографической, информационной, брендовой и т.д. революциях.

Революция в контексте «порядок – хаос».

Этот аспект анализа продиктован не только массовыми исследованиями с конца XX века проблем «синергетики», утверждением «синергетического метода» вслед за изданием монографии «Порядок из хаоса» [6], но и давно существующим диалектическим принципом системности и развитым на его основе «системным методом».

Рассматривать «революцию» в данном контексте обязывают широко представленные бессистемно-хаотические концепции, выражаемые понятиями «охлократия», «анархия», «бунт», «террор», «переворот», «заговор». На «жестокий и беспощадный бунт» русского народа постоянно ссылаются многие деятели как на нежелательное, хаотическое явление. На хаотичность, сумбурность, иррациональность контрреволюций, дворцовых переворотов, украинских «майданов», террористических акций, как в прошлом, так и в настоящем указывают аристотелевские понятия «охлократия» или «анархия» с субъектами «охламонами» и «разбойниками с большой дороги» (М. Бакунин). С другой стороны, соблюдение принципов организованности, плановости, системности является характерным для революции, восстания, стачки или забастовки как форм социального протеста. Об этом говорит многолетняя основательная подготовка большевиков к социалистической революции в октябре 1917 г., о чем свидетельствуют многочисленные работы В.И. Ленина и материалы съездов партии большевиков (1903–1917 гг.), например, «Апрельские тезисы» или «Восстание как искусство» – статьи В.И. Ленина 1917 г.

Конечно, диалектика заставляет признать организованный характер и контрреволюции, о чем сегодня свидетельствуют «цветные контрреволюции», необоснованно названные в демагогических целях «революциями»: их истинная цель негативная, ретроградная, но в форме (спасибо западным либералам) «организованного хаоса» – «правового беспредела», «организованного беспорядка», «майдана» (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия, Украина...). Эмоциональный бунт, аффективно-агрессивный террор, волюнтаристский переворот, психологически инициированный раскол трудно организовать, подчинить единой цели, контролировать, то есть осуществлять управленческие функции, что предполагает принцип системности. Так и возникают неуправляемые, хаотические сумбурные волны протеста или «вялотекущие бунтарские акции» [1].

«Революция – серьезная вещь», – предупреждал В.И. Ленин и к ней необходимо относиться серьезно, основательно, планомерно. Это мы и видим на примере успешной Октябрьской Социалистической революции 1917 г. Напрасно враги называют ее «переворотом», стремясь унижить, обесславить. Труднее оказалось развить ее гуманистические достижения, сохранить позитивные качества в борьбе с явной и неявной оппозицией.

Таким образом, с философско-аксиологической точки зрения революцию можно определить как системное, качественное, позитивное изменение объектов социума или универсума.

Во-первых, революция – это системное, а не хаотическое, спонтанное, сумбурное изменение объектов.

Во-вторых, революция – это качественное, а не эволюционное, количественное изменение объектов.

В-третьих, революция – это позитивное, а не негативное, регрессивное изменение объектов.

В-четвертых, революция – это изменение, а не сохранение устойчивости объектов.

Эти предикативные характеристики революции определяют ее сущность или сущностные признаки. Объектами же революции, революционных изменений могут быть самые разные явления универсума или социума: наука, техника, экономика, политика, население, образование, искусство, информация, армия, здравоохранение и т.д. Тогда названные четыре сущностных признака будут получать спецификацию, что имеет практическое значение для организации содержания социального управления в обществе.

Литература:

1. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 2000. – 352 с.
2. Зеленов Л.А., Селиванов Ф.А. Единство абсолютного и относительного // Учен. зап. ТГУ. – 1962. – № 41. – С. 27–32.
3. Зеленов Л.А., Балакшин А.С., Владимиров А.А. Философия культуры. – Н.Новгород: ВГАВТ, 2013. – 510 с.
4. Зеленов Л.А. Мера человека. – Н.Новгород: Новация, 2009. – 135 с.
5. Орлов В.В. История человеческого интеллекта. – Пермь: ИГУ, 1999. – 148 с.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.

References:

1. Bjeron R., Richardson D. Agressija. – SPb.: Piter, 2000. – 352 s.
2. Zelenov L.A., Selivanov F.A. Edinstvo absoljutnogo i otnositel'nogo // Uchen. zap. TGU. – 1962. – № 41. – S. 27–32.
3. Zelenov L.A., Balakshin A.S., Vladimirov A.A. Filosofija kul'tury. – N.Novgorod: VGAVT, 2013. – 510 s.
4. Zelenov L.A. Mera cheloveka. – N.Novgorod: Novacija, 2009. – 135 s.
5. Orlov V.V. Istorija chelovecheskogo intellekta. – Perm': IGU, 1999. – 148 s.
6. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa. – M.: Progress, 1986. – 312 s.

Сведения об авторах

Лев Александрович **Зеленов**, доктор философских наук, профессор, почетный профессор, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия).

Александр Анатольевич **Владимиров**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-правовых наук, Волжский государственный университет водного транспорта (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 141

«ПЯТНО РОРШАХА»: КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО

И.И. Кобылин, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия), e-mail: kigor55@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме исторической темпоральности в дискурсе современных представителей «консервативной революции». На примере концепции Александра Дугина анализируется сочетание активных и реактивных сил в «экстремистской метафизике», где ориентация на Традицию соединяется с «активным нигилизмом» (Ален де Бенуа) в отношении конкретного прошлого.

Ключевые слова: консервативная революция, историческая объективность, фундаментализм, либерализм.

«RORSCHACH INKBLOT»: CONSERVATIVE REVOLUTION IN SEARCH OF THE PAST

Abstract. The article deals with the historical temporality in the discourse of contemporary representatives of the «conservative revolution». Using the theory of Alexander Dugin as an example the author analyzes a combination of active and reactive forces in the «extremist metaphysics», where a focus on the «Tradition» is connected with the «active nihilism» (Alain de Benoist) in respect of a particular past.

Keywords: conservative revolution, historical objectivity, fundamentalism, liberalism.

Теоретическая проблематизация революции с неизбежностью затрагивает вопрос исторической темпоральности и ставит исследователя перед парадоксальным отношением, связывающим «учреждающее» Событие и временной порядок. Так, с одной стороны, уже в эпоху Просвещения революция стала мыслиться как «необратимое начинание», открытое непредсказуемому будущему в рамках линейного понимания секуляризованной истории. С другой – даже в самых «прогрессистских» революциях работает мощный реверсивный заряд, разворачивание в сторону прошлого. Как справедливо отмечает А. Магун: «<...> Символическое возвращение было средством ретроспективного присвоения собственного прошлого или же отрицания его ради другого начинания, способом “пере-делать” и “пере-создать” историю» [4, с. 42].

Парадоксальная, «закрученная» темпоральность, вообще свойственная революции (и окружающим ее дискурсивным полям), вдвойне присуща такому – уже самому по себе парадоксальному – дискурсу как дискурс «консервативной революции». Возникшее в Германии в 20-е гг. XX века это направление мысли, в лице современных представителей «новых правых» теоретиков (А. де Бенуа во Франции, П. Кребс в Германии, А. Дугин в России) продолжает и сегодня оказывать определенное влияние на мировой политико-идеологический ландшафт [см. 1; 5; 7; 8].

В чем же специфика «революции справа» (Х. Фрайер) и в чем ее отличие от широкого спектра «охранительных» правых идеологий? В своей типологии консервативных течений М. Ремизов указывает, что ключевой чертой революционного консерватизма является воля к «творению из ничего»: «<...> “Экстремистская” метафизика смахнула со стола, вместе с ворохом пожелтевших архивных бумаг, идею исторической объективности, посредством которой политический консерватизм долгое время связывал себе руки» [6, с. 15]. Эта тенденция хорошо прослеживается в позиции Александра Дугина, где ориентация на «Традицию» сочетается с «активным нигилизмом» (А. де Бенуа) по отношению к конкретному прошлому.

В задачу статьи не входит реконструкция противоречивых взглядов Дугина в полном объеме. Для анализа была выбрана лекция, прочитанная им в декабре 2013 г. по приглашению «Партии Великое Отечество» [2]. Текст этой лекции, во многом обусловленный медийным форматом мероприятия, имеет, как представляется, ценность симптома. Если по необходимости конспективно (и несколько вольно) резюмировать основные положения лекции, то складывается следующая картина.

1. Сегодня в обществе существует несомненный запрос на историческое знание – и это чрезвычайно позитивный факт. Однако, пытаясь разобраться в хитросплетениях истории, важно понимать, что никакого объективно-нейтрального субстанциального ядра у нее нет. Так называемые исторические факты ретроактивно конструируются политически ангажированными силами в актуальной борьбе за мировую гегемонию. Прошлое само по себе – не более чем «пятно Роршаха», обретающее связное значение только в ценностно-нагруженной пристрастной интерпретации.

2. Эта релятивность любых исторических построений, отрефлексированная западной теорией, остается слепым пятном общественно-политической мысли в России. Поскольку долгое время здесь господствовал только один – «советский» – исторический нарратив с его претензией на объективность и универсальность, мы оказались обречены на патологическую узость исторического мышления. Уникальность нынешней ситуации в том, что она дает возможность обратить, наконец, внимание на фундаментальную пустоту исторического. Вместо того, чтобы критиковать либеральные «искажения» и «фальсификации», наивно веруя в твердую фактическую основу, подлинно патриотическая историография должна сконструировать собственный «историал», изобрести собственную традицию, создать такую версию прошлого, которая смогла бы послужить оружием в битве за русские интересы на мировой арене.

3. Конструкция, впрочем, производится отнюдь не с нуля. Во-первых, все-таки существует то неструктурированное протоисторическое поле – «пятно Роршаха», которое является объектом грядущей герменевтической экспансии, тем пластичным материалом, из которого будет изготовлен новый «историал». Во-вторых, следует внимательно присмотреться к уже наличествующим репрезентациям российской истории и, прежде всего, к трем из них – дореволюционной монархической, марксистской советского периода и современной либеральной. Простое возвращение ни к первой, ни ко второй невозможно по целому ряду причин. Советский дискурс – действенный и эффективный когда-то – переживает сегодня свою «инерциальную» фазу и не может отвечать насущным созидательным задачам. Монархический еще более далек от нас, еще более архаичен и, как выясняется, не менее идеологизирован: это дискурс специфически «романовский», дающий собственные «сильные» толкования прошлого с позиции определенной династии.

Отсюда негативное отношение к «доромановской» власти (в частности к Ивану Грозному), старообрядчеству, народным движениям. К тому же в формировании этого официального нарратива (как и вообще в формировании русского исторического сознания) активно участвовали европейские историки, а, следовательно, положить его в основу актуального национально-исторического строительства означает вновь попасться в расставленную ловушку, вновь признать ценностно чуждую оптику своей собственной.

4. Как это ни парадоксально, на выручку приходит именно либеральный дискурс. «Нам огромную помощь могут оказать либералы. Потому что сегодня, именно сегодня, тот редкий случай, когда половину работы наши противники за нас сделали» [2]. Делая ставку на индивида как высшую ценность, либеральная идеология (и ее проекция на историю) отвергает все формы коллективной идентичности – расовой, национальной, религиозной, гендерной и, наконец, собственно человеческой. В результате последовательный либерализм выстраивает четкую «метафизическую» систему «абсолютного зла»: антирасизм, космополитизм, атеизм (или произвольный выбор религии), свободное определение гендерной позиции и грядущий трансгуманизм, в качестве предела разрушительного наступления «открытого общества», поддержанного западными разведывательно-аналитическими центрами и военно-промышленным комплексом. Именно перед лицом этой опасности разнородные патриотические силы, до сих пор слишком привязанные к конкретным историческим контекстам (монархисты к дореволюционному, коммунисты к советскому, язычники к дохристианской архаике), оказываются способными к настоящему «историческому творчеству».

Выступление Дугина наглядно показывает, что дискурс «консервативной революции» – это странное сочетание активных и реактивных сил. «Подвешивая» историческую объективность (задействовав при этом весь арсенал западных релятивистских теорий), Дугин демонстрирует ту активную волю, то стремление к «творению из ничего», о которых писал Ремизов. Но, как выясняется, само это «творение» – рабский, «реактивный» негатив либеральной конструкции. В свою очередь, энергия либерализма постоянно питается «фундаменталистским» сопротивлением. В результате, как отмечает С. Жижек: «Либерализм и фундаментализм формируют «тотальность»: структура оппозиции либерализма и фундаментализма такова, что сам либерализм порождает свою противоположность. <...> Проблема либерализма в том, что он не держится сам по себе: в конструкции либерализма чего-то не хватает, он «паразитичен» по своей идее, так как опирается на предполагаемую систему общинных ценностей, которые подрывает своим развитием. Фундаментализм является реакцией – конечно же, ложной, мистифицирующей реакцией – на реальные изъяны либерализма, и поэтому он вновь и вновь порождается либерализмом» [3, с. 246].

Субверсивный жест Дугина рефлексивно обнажает (и здесь он противоположен «старому», либо слишком наивному, либо слишком лицемерному консерватизму) это паразитическое сосуществование с другой – «фундаменталистской» – стороны. «Фундаментализму» и «традиционализму» тоже «чего-то» не хватает, а именно – фундамента и традиции. Более того, «традиционалист» прекрасно знает об этом. «Нехватку» может заполнить только враг, становящийся тем самым лучше любого друга. Виртуальные «традиционные ценности», утратившие разом все остатки «естественности» и «наследуемости», обретают плотность оружия только в ходе борьбы. Либерализм – это такой враг, который лучше любого друга.

Такое взаимопорождение «традиционализма» и либерализма, их вражда-дружба заново ставит вопрос об альтернативе. Если антагонизм «мультикультурной толерантности» и «традиционных ценностей» только усиливает обе позиции, являясь одновременно гарантией незыблемости капиталистического порядка современности, то необходим поиск такой точки зрения, которая бы не занимала одну из борющихся сторон, но прочерчивала новую линию конфронтации. И такой точкой мог бы стать заново продуманный коммунистический проект.

Литература:

1. Вирно П., Кайндль К., Саншайн С. Три текста о новом фашизме. М.: Свободное марксистское издательство, 2011. 36 с.
2. Дугин А. Лекция для Партии Великое Отечество. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YMrmk44w-tM> (дата обращения: 02.03.2016).
3. Жижек С. Накануне Господина. М.: Издательство «Европа», 2014. 280 с.
4. Магун А. Отрицательная революция. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 416 с.
5. Пленков Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 576 с.
6. Ремизов М. Опыты типологии консерватизма. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/02.pdf> (дата обращения 03.03. 2016).
7. Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 116–126.
8. Фрайер Х. Революция справа. – М.: Праксис, 2008. 144 с.

References:

1. Virno P., Kajndl' K., Sanshajn S. Tri teksta o novom fashizme. – M.: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo, 2011. 36 s.
2. Dugin A. Lekcija dlja Partii Velikoe Otechestvo. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=YMrmk44w-tM> (data obrashhenija: 02.03.2016).
3. Zhizhek S. Nakanune Gospodina. – M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2014. – 280 s.
4. Magun A. Otricatel'naja revoljucija. – SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 416 s.
5. Plenkov Ju. Mify nacii protiv mifov demokratii: nemeckaja politicheskaja tra-di-cija i nacizm. SPb.: Izd-vo RHGI, 1997. 576 s.
6. Remizov M. Opyty tipologii konservatizma. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/02.pdf> (data obrashhenija 03.03. 2016).
7. Umland A. «Konservativnaja revoljucija»: imja sobstvennoe ili rodovoe ponjatие? // Voprosy filosofii. 2006. № 2. S. 116–126.
8. Frajer H. Revoljucija sprava. – M.: Praksis, 2008. – 144 s.

Сведения об авторе

Игорь Игоревич **Кобылин**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Нижегородская государственная медицинская академия (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 94

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЖОНА ЛОККА

А.В. Ковалев, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия), e-mail: kovalev672007@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена раннему английскому Просвещению. Рассматриваются идеи известного мыслителя Джона Локка. Анализируется право сопротивления в политической философии Просвещения.

Ключевые слова: Англия, революция, Джон Локк, Просвещение, право сопротивления.

REVOLUTION AND THE RIGHT OF RESISTANCE IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF JOHN LOCKE

Abstract. The report is devoted to early English Enlightenment. The ideas of a famous thinker John Locke are regarded. The analysis of the right of resistance in the political philosophy of the Enlightenment is carried out.

Keywords: England, revolution, John Locke, Enlightenment, the right of resistance.

Формирование просветительской идеологии, в которой доктрина сопротивления занимает важное место, началось в Англии после революции середины XVII столетия. Просвещение было в определенной степени плодом и результатом этой революции.

Теория сопротивления впервые была использована демократическими движениями Англии в годы революции 40-х годов XVII в., когда лозунг борьбы против тирании сделался определяющим на пути революционных преобразований и отвечал интересам и чаяниям общественных демократических движений в борьбе с абсолютизмом. Спустя несколько десятилетий эта доктрина сохранялась в концепциях идеологов раннего английского Просвещения, в том числе и Джона Локка, получив свое дальнейшее развитие. Этому, в частности, способствовали попытки возрождения Стюартами абсолютистской политики в период Реставрации.

Деятели английского Просвещения в поисках ответов на некоторые вопросы обращались к идейному наследию демократических движений левеллеров, индепендентов, республиканцев периода английской революции. Просветители, хотя и высказывали зачастую негативное отношение к революции середины XVII столетия, вместе с тем, именно из арсенала демократических революционных движений позаимствовали некоторые идеи.

Доктрина сопротивления занимала существенное место в политической теории известного английского мыслителя XVII столетия Джона Локка, который одним из важнейших прав граждан считал право на сопротивление угнетению. По его мнению, этим правом люди обладали в естественном состоянии и сохранили в государственном, без него нельзя осуществить главное – право человека на жизнь и свободу.

Доктрина сопротивления деспотической власти была хорошо разработана идеологами английской революции. Неоднократно в ее защиту выступали левеллеры. Так, их лидер Джон Лильберн заявлял, что народ должен вести борьбу с узурпаторами, и утверждал, что народ имеет право менять правительство, которое не соблюдает его интересов: «Люди имеют мощное орудие для борьбы со злоупотреблениями. Для этого они должны пользоваться своим правом смены правительства. Вместо правительства, которое насилует и принуждает и не соблюдает интересов простого народа, должно быть создано правительство на пользу народа» [2, с. 60].

Несмотря на умеренный стиль своих работ и множество оговорок, Д. Локк также считал, что люди имеют право не только избавиться от тирании и угнетения, но даже не допустить их. Он заявлял о том, что народ всегда имеет право восстановить свою естественную первоначальную свободу и учредить новую власть для обеспечения собственной безопасности, если законодательный орган или глава исполнительной власти попытаются захватить абсолютную власть. Д. Локк выступал как последовательный сторонник свободы и противник тирании, считая, что граждане имеют право на восстание против систематически угнетающей их власти. Судьей, решающим, действуют ли власти вопреки оказанному им доверию, он объявил народ: «Кто будет судьей и решит, действует ли государь или законодательный орган вопреки оказанному им доверию? <...> На это я отвечу: народ будет судьей» [3, с. 237].

Разрабатывая свою теорию права народа на сопротивление, Д. Локк утвердительно отвечает на главный вопрос – имеет ли народ право на сопротивление, на восстание, исходя, среди прочего, из опыта революционных событий 40–50-х годов XVII в. и из политической практики эпохи Реставрации. Первая проблема, которая встала перед Д. Локком, – это вопрос о причинах, побуждающих людей к сопротивлению властям. Главная причина, по его мнению, – тирания, т.е. осуществление власти помимо права, беззаконие со стороны властей. Он считал, что, если законодательный орган или глава исполнительной власти действуют вопреки оказанному народом доверию и пытаются стать неограниченными повелителями жизни, свободы и имущества народа, то тем самым повергают его «в рабство деспотической власти» и «ставят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения...» [3, с. 230].

Д. Локк приводил примеры действий главы исполнительной власти, т.е. короля, нарушающего оказанное ему доверие, из политической практики реставрированной монархии Карла II и Якова II, которую он очень хорошо знал, участвуя в общественной жизни страны. Он писал о таких фактах, когда монарх «либо пытается использовать силу, казну и должности общества для подкупа представителей (депутатов парламента. – А.К.) и для поддержки ими его замыслов, либо открыто заранее привлекает на свою сторону выборщиков и предписывает им избрать тех, кого он посредством уговоров, угроз, обещаний или иным каким-либо способом обратил в своих сторонников, и использует выборщиков для выбора тех, кто заранее пообещал голосовать и издавать законы, как им скажут», к этому необходимо «еще прибавить награды и наказания, явно применяемые для этой же цели, и всевозможные превратные толкования закона, для того, чтобы убраться и уничтожить всех, кто стоит на пути к осуществлению этого замысла» [3, с. 230].

Логично ли, спрашивал Д. Локк, если каждый человек, будучи ущемленным, почувствует себя вправе уничтожить короля, свергнуть правление? Он выделил различные степени в актах тирании. Так, в случае отдельного покушения на закон и свободу потерпевший

может обратиться за защитой к закону, а сила может быть применена против чиновников короля, но не против него самого. Но, если тиранство – это система, тогда народ имеет право на восстание. Он освобождается от своих обязательств по отношению к прежнему правительству, власть переходит к народу, который свободен выбирать форму правления.

Отвечая на возможную критику своих оппонентов, английский ученый писал, что признание права на сопротивление никак не может служить возбудителем восстаний, т.к. последние не происходят при всяком незначительном беспорядке в общественных делах, когда беззаконие касается только небольшого числа людей. Но, если беззаконие, по его мнению, распространилось на большинство народа, если несчастье стало всеобщим, а злые умыслы правителей сделались очевидными, то ничто не мешает людям оказывать сопротивление незаконной силе.

«Народ, с которым все время дурно обращаются и права которого нарушают, будет готов при первом же случае освободиться от лежащего на нем тяжкого бремени», – считал Джон Локк и приводил примеры подобных беззаконий, касающихся большинства подданных, и, хотя говорил о них в несколько завуалированной форме, все же достаточно ясно, о каких событиях шла речь [3, с. 231]. Так, он писал об использовании государем своей прерогативы во вред обществу, о поощрении определенной религии в нарушение закона, т.е. о действиях королей времен восстановленной монархии, когда происходило осуждаемое большинством народа поощрение католической религии (издание королями «Деклараций о веротерпимости» в нарушение закона о присяге и других парламентских актов). Д. Локк говорил и о том, что министры и другие должностные лица подбираются таким образом, чтобы быть исполнителями незаконных, направленных против интересов народа, решений.

Революция, война, по мысли Д. Локка, – самое опасное состояние, в которое правители могут себя поставить, но жалеть их не следует, ибо, как полагал мыслитель, этого очень легко избежать: надо, чтобы правитель действительно желал добра своему народу, заботился о его сохранении и соблюдал законы, т.е. превыше всего ставил общественное благо.

Д. Локк верил в возможность предотвращения революции, не-допущения тирании, что, вероятно, и является одной из целей его трактатов о правлении. Опыт революции 1640-х годов преломляется в его теоретических работах как нежелательная альтернатива правлению, но неизбежная, если восторжествует беззаконие. В этом случае народ имеет право на восстание. Такое обоснование переворота, по Д. Локку, «ведет не к анархии», а к восстановлению законности, «к новому виду упорядоченности» в обществе [1, с. 13].

В этом смысле революция воспринимается Д. Локком скорее не как обновление, а как «сигнал нарушения нормы, порядка» [1, с. 14]. И даже в этом случае, несмотря на то, что, по его мнению, народ обычно далеко против властей не идет, правителям лучше предотвратить подобные выступления, соблюдая законность и права людей.

Провозглашая право народа на сопротивление, английский ученый, предвидя серьезные возражения оппонентов, пытался успокоить их следующим образом. Во-первых, революции не происходят часто. Во-вторых, народ медлителен, консервативен и не склонен легко отказываться от старых порядков. В доказательство этого тезиса он говорил о том, что после нескольких революций в стране сохранилась старая структура власти – король, палата лордов и палата общин, хотя был и «период бесплодных попыток» (вероятно, имеется в виду республиканская эпоха), и приходилось снимать корону с головы государей [3, с. 231].

Правда, английский философ не говорил о том, что менялось содержание этой старой структуры власти, хотя, возможно, в этом его не убеждала действительность периода правления Карла II и Якова II, когда вновь возникли попытки возрождения дореволюционных абсолютистских методов правления.

Живя и работая во времена Реставрации, когда в парламенте обсуждался законопроект о непротавлении королю при всяких условиях, Д. Локк не без оснований полагал, что некоторые сочтут его «гипотезу» о сопротивлении слишком радикальной, направленной против монархов, поэтому приводил дополнительные аргументы. Со свойственной ему, в определенной степени, практичностью он доказывал, что независимо от признания или непризнания права на сопротивление королям, если народ несчастен, то «можно сколько угодно восхвалять его правителей и называть их сынами Юпитера; пусть они будут священными и божественными, снизошедшими с неба или помазанными им; выдавайте их за кого или за что угодно – все равно произойдет то же самое», а именно – восстание [3, с. 231].

Следующий аргумент Д. Локка состоит в том, что сама личность, сама особа короля по закону является в ряде стран священной, свободной от всякого посягательства и насилия. И, наконец, он считал, что сопротивление происходит лишь тогда, когда людям препятствуют обратиться к закону для восстановления справедливости. К тому же Локк был уверен, что признание доктрины о сопротивлении не только не может содействовать возбуждению народного недовольства, но, напротив, она «является лучшей гарантией от восстания и наиболее вероятным способом воспрепятствовать ему», т.к. показывает опасность создания состояния войны в обществе «тем, кто подвергается величайшему искушению впасть в него» [3, с. 231].

Итак, несмотря на многочисленные оговорки, Джон Локк открыто признает важнейшее право народа на сопротивление властям, творящим несправедливость и беззаконие.

Литература:

1. Кеткова И.В. Политическая доктрина Джона Локка как осмысление проблем Английской революции / Деп. в ИНИОН. – Нижний Новгород, 1991. – 24 с.
2. Левин Г.Р. Памфлеты Лильберна, Овертона и Уолвина (1645–1647 гг.) // Ученые записки Вологодского государственного педагогического института. – 1942. - Вып. 3. – С. 53–73.
3. Locke J. Two Treatises of Government // The works.– London, 1751. – V. II. – P. 103–238.

References:

1. Ketkova I.V. Politicheskaja doktrina Dzhona Lokka kak osmyslenie problem Ang-lijskoj revoljucii / Dep. v INION. – Nizhnij Novgorod, 1991. – 24 s.
2. Levin G.R. Pamflety Lil'berna, Overtona i Uolvina (1645–1647 gg.) // Uchenye zapiski Vologodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 1942. - Vyp. 3. – S. 53–73.
3. Locke J. Two Treatises of Government // The works.– London, 1751. – V. II. – P. 103–238.

Сведения об авторе

Андрей Владимирович **Ковалев**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществоведения, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 130.2

РЕВОЛЮЦИИ В КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

В.П. Козырьков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: kozir3@yandex.ru

Аннотация. В современную эпоху содержание понятия культурной революции радикально изменяется, поскольку изменяется содержание и статус культуры. То, что ранее было социальной революцией, сейчас стало культурной революцией. Суть этой культурной революции в том, что происходит становление свободной индивидуальности, процесс, который протекает противоречиво и будет составлять целую историческую эру.

Ключевые слова: культурная революция, гуманизм, свободная индивидуальность.

REVOLUTIONS IN CULTURE AND CULTURAL REVOLUTIONS

Abstract. In the modern era the content of the concept of cultural revolution is radically changing as the content and the status of culture changes. What was previously a social revolution, now has become a cultural revolution. The essence of this cultural revolution is that there happens a making of a free individuality, the process that takes place contradictorily and will amount to an entire historical era.

Keywords: cultural revolution, humanism, free individual.

Со своего появления в 1917 г. понятие культурной революции вызвало различное толкование. Для одних оно означало полный отказ от наследия прошлого и создание чистой пролетарской культуры. Другие, и данная точка зрения со временем была признана официальной, рассматривали культурную революцию в качестве способа перехода от капитализма к социализму в культурно отсталой стране, каковой тогда являлась Россия. В течение последующих десятилетий о культурной революции была опубликована масса литературы, но больше пропагандистской. В многочисленных брошюрах и учебниках показывалось величие советской культурной революции, однако критический философский анализ этого понятия проводился редко.

В постсоветское время оценки сложились самые разные. Отметим крайние из них. Одни считают, что идея культурной революции «становится все более популярной на подступах к формирующемуся глобальному миру, по мере осознания того, что человечество нуждается в новом синтезе и новой системе ценностей, чтобы выйти из состояния "общепланетарного кризиса"» [1, с. 350]. Думается, что к такой оценке стоит прислушаться. Однако чаще всего советской культурной революции отказывают в каком-либо перспективном историческом значении. Так, отмечая вначале, что «культурная революция в Советской России имела огромные достижения» [2, с. 14], авторы такой оценки разворачиваются на 180 градусов и пишут: «Советская культурная революция была процессом манипулирования массовым сознанием, при котором навязывалось весьма примитивное понимание социально-политических и культурных процессов, происходящих в обществе» [2, с. 15]. Та-

кой разворот в оценке вызван тем, что, несмотря на ее достижения, эта революция совершалась, считают авторы статьи, в одном из тоталитарных обществ.

Действительно ли понятие культурной революции нужно списать в архив? Выскажу ряд соображений в попытке ответить на этот вопрос.

Во-первых, нельзя не заметить, что в общественном дискурсе пустили корни понятия, имеющие отношение к революции: переход, риск, катастрофа, кризис. Кроме того, к элементам понятия «культурная революция» можно отнести понятия «духовное возрождение», «революция сознания», «новое мышление» и др., показывающие, что понятие культурной революции редуцировано до своих частей. Следовательно, объективно идея революция, в том числе культурная революция, не ушла из общественного дискурса, так как мы живем в революционную эпоху, когда рушатся старые мировые системы и рождаются новые типы социальных систем, характер которых таков, что кто-то отказывается даже признать их обществами. Объективно идея революции не ушла, но зато ушла субъективно. Хотя в обыденном сознании она пустила глубокие корни, поэтому существует революция вкуса, сексуальная революция, революция повседневности и т.д.

Во-вторых, ее неприятие объясняется тем, что понятие социальной революции в настоящее время сводится к политической составляющей, а политическая революция редуцируется до политических переворотов, которые красиво называются «цветными революциями». И в этой многоступенчатой социальной редукции и политической процедуре уже не находится места культурной революции.

В-третьих, самая важная причина игнорирования понятия социальной революции, а вместе с ним и понятия культурной революции – непризнание Октябрьской революции в качестве важнейшего события мирового значения. Она оценивается как историческая случайность, которая изъяла Россию из русла мировой цивилизации, и наша задача состоит в том, чтобы исправить совершенную историческую ошибку, а вместе с этим восстановить культуру общества, так как советская культурная революция вызвала лишь духовный провал.

Так существуют ли революции в культуре? Что такое культурная революция? Нельзя не заметить, что мы пытаемся разделить эти понятия. Действительно, революции в культуре совершаются постоянно, и не всегда они связаны с социальной революцией. Всем хорошо известны революции в искусстве, показывающие качественные скачки в изобразительных средствах и в направленности художественного творчества, революции в науке, которые вызываются великими научными открытиями, которые с эпохи Возрождения будоражат научный мир, а затем и все общество. Были революции и в философии, которые выражались в принципиально новых идеях и подходах в осмыслении места человека в мире и в переоценке смысла его жизни. Переживались революции и в религии, преобразующие характер взаимосвязи человека с его святынями и его духовной связи с Богом. Все эти революции в культуре происходят в разное время, отдельно друг от друга и не всегда связаны с промышленными и политическими революциями. И не всегда для характеристики этих радикальных изменений исследователи использовали понятие революции, довольствуясь другими терминами: поворот, переворот, существенный сдвиг, раскол и др.

Таким образом, революции в культуре существовали всегда и происходят сейчас, когда мы видим радикальные качественные изменения в какой-то области культуры. Но существуют ли революции в культуре в целом? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выяснить, что является сущностью культуры. Ведь если верить учебникам, то существуют де-

сятки и даже сотни определений этого понятия, и тогда вряд ли можно говорить о культурной революции. Но, увлекшись описанием мультикультуральности, мы перестали обращать внимания на то, что культура едина, и своим единством она демонстрирует нечто очень важное для человека и общества, что сохраняется, несмотря на мировой кризис культуры, под знаменем которого человечество живет уже целый век. И этим очень важным обстоятельством развития культуры является единство природы человека, вызывающее единство культуры.

Итак, единство культуры в том, что в любом типе и в любой форме она является способом воспроизводства и развития человека, его свойств и качеств, потребностей и способностей, – всей его природы. Это главное в культуре, для чего она когда-то возникла, и что поддерживает ее существование, несмотря на постоянные природные и социальные катастрофы. Выживая, восстанавливая свои силы и свое достоинство, человек тем самым возрождает и культуру, так как культура и является главным духовным источником и способом его возрождения. Так было в древнем Риме, когда возрождалась греческая культура, ставшая культурной матрицей для многих народов, сама, в свою очередь, вобравшая потенциал многих других древних культур. Так было в Средние века, когда античная культура трансформировалась в новый тип культуры с акцентом на духовности человека, получившей свое абсолютное выражение в идее Бога. Так было в эпоху Ренессанса, когда происходило возвращение античных технологий воспроизводства и развития человека, но уже на основе его свободной индивидуальности, позволившей противоречиво, но ярко раскрыть творческий человеческий потенциал. И в каждой из этих эпох мы находим мощную и длительную культурную революцию. Например, хорошо известно, что культуре Средневековья предшествовала культурная революция, совершенная христианством. Без культурной революции, совершенной Возрождением, не было бы капиталистического общества.

Анализ исторического хода культурных революций показывает, как важно отличать культуру в ее содержательном виде, когда она осваивается человеком и становится духовной структурой и основой всей его жизнедеятельности, и культуру в предметно-инструментальном состоянии, когда она лишь используется как средство в процессе обучения, воспитания и самовоспитания, существуя вне человека. А поскольку она существует как что-то опредмеченное, то ее потенциал используется в идеологических, коммерческих и манипулятивных целях. В этом случае она оказывает существенное влияние на характер самой культуры в целом и на ее толкование: она начинает толковаться как основание идентификации определенной общности, как эффективная форма идеологии и прибыльный товар. Поэтому подчеркнем: в ее действительном состоянии культура существует тогда, когда освоена человеком и дана как его внутренняя, духовная структура. В ее внешних, опредмеченных формах, культура существует лишь в возможности, так как является лишь накопленным ресурсом и выступает средством, которое может использоваться в разных целях и не обязательно для воспроизводства и развития человека.

Так что культурой сейчас часто называют идеологию, которая позволяет объединяться или разъединяться. Правда, слово «идеология» не используется, а используется термин «культурная самоидентификация». Между тем культура изначально, начиная с Цицерона, а затем Вольтера, Руссо, Канта, Гердера, Шиллера, Гегеля, Маркса, рассматривалась как способ формирования и развития человека, позволяющий ему выйти из животного и варварского состояния. Но с конца XIX в. и в XX в. в творчестве К. Леонтьева, Ф. Ницше, О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби и др. под культурой стали иметь в виду нечто, что ха-

рактически характеризует нацию, народность или даже определенную социальную группу. Например, группу молодежи. Культурой стали называть системы символов, ценностей, норм, традиций и прочих элементов, которые составляет содержание образа жизни, стиля жизни. Из культуры была изъята ее сущность – гуманистический смысл, который она имела в классическую для философии эпоху. Тем самым в понимании культуры тоже была совершена революция, но с отрицательным знаком. Культура превратилась в свою противоположность, в контркультуру, то есть в средство деструкции человека, в идеологический или коммерческий инструмент манипулирования человеком. Если говорить прямо, то она стала формой капитала – культурным (символическим) капиталом. Сейчас все другие формы капитала, чтобы иметь привлекательный товарный вид, тщательно выбирают себе различные культурные маски. Стала развиваться культура, получившая название массовой. Выполняя свою идеологическую и коммерческую роль, она стала только имитацией (симулякром) культуры, не приводя к развитию человека. Тем самым культура дискредитируется. Народ дичает, отдаляясь от культуры вообще. Источником терроризма, беды нашего века, в этом случае является не культура и не конфликт цивилизаций, а низкий уровень развития действительной культуры.

Итак, понятие «культурная революция» имеет два смысла. Во-первых, это составная часть социальной революции, дополняющая политическую и промышленную революцию. Так толковалось значение культурной революции в советское время. Во-вторых, культурная революция есть общая характеристика социальной революции, без совершения которой она выливается в политический переворот, а общество приобретает не новое качество, а хаотическое состояние.

В настоящее время понятие культурной революции получает свое развитие. Во-первых, это обусловлено тем, что современная культура все больше осознается как решающий фактор в решении социальных проблем. Во-вторых, понятие культурной революции приобретает новый смысл, так как вырабатывается в преодолении деструкции со стороны массовой культуры и в преодолении нового варварства. В-третьих, в своей перспективе понятие культурной революции способно выразить процесс выработки качественно новой культуры, которая будет источником и способом развития свободной индивидуальности.

В этом направлении возник ряд противоречий. Во-первых, развиваются новые информационные технологии, позволяющие получить мгновенный доступ к сокровищам мировой культуры сотням миллионов граждан по всему миру, но реализация этой возможности наталкивается на препятствие: низкую потребность в этих сокровищах и низкую культуру пользователей Интернетом. Во-вторых, новые формы массовой и межличностной коммуникации, вызванные информационной революцией, объективно имеет антропологический характер, в то время как эта антропологическая наполненность приобретает роботизированную форму.

Литература:

1. Толстых В.И. Культурная революция // Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т.2. – М.: Мысль, 2010. – С. 349–350.
2. Петрова И.А., Авходеева Е.А. Культурные революции XX века: разрыв с традиционной культурой или ее продолжение? // Вестник Волгоградского государственного универ-

ситета. Сер. 7. Философия. – 2014. – № 1(21). – С. 13–20.

References:

1. Tolstyh V.I. Kul'turnaja revoljucija // Novaja filosofskaja jenciklo-pedija. V 4-h tt. T.2. – M.: Mysl', 2010. – S. 349–350.

2. Petrova I.A., Avhodeeva E.A. Kul'turnye revoljucii HH veka: razryv s tradicionnoj kul'turoj ili ee prodolzhenie? // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7. Filosofija. – 2014. – № 1(21). – S. 13–20.

— ● —

Сведения об авторе

Владимир Павлович **Козырьков**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии культуры и духовной жизни, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 93

РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Б.М. Кондорский, НПФ «Синбиас» (Донецк, Украина), e-mail: bmkbox@yandex.ru

Аннотация. В основе каждого основного этапа исторического развития лежали революции: неолитические, архаические, феодальные, буржуазные. Именно революции формировали потенциал последующего развития социума. В период Нового времени революции в одной стране составляют революционный период как систему, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. В зависимости от сроков наступления и характера протекания революционного периода выделены три основные группы стран.

Ключевые слова: революционный период, архаическая революция, феодальная революция, буржуазная революция.

REVOLUTION IN THE HISTORY OF A MANKIND

Abstract. At the core of each main stage of the historical development were revolutions: neolithic, archaic, feudal, bourgeois. Revolutions formed the potential of a future development of society. In the period of New Times revolutions in one country make up the revolutionary period as a system that has its own laws. Specific revolutions are only the manifestation of these processes. Depending on the timing of the flow and nature of the revolutionary period, the author identifies three main groups of countries.

Keywords: revolutionary period, archaic revolution, feudal revolution, the bourgeois revolution.

Смена одного этапа исторического развития другим всегда происходила революционным путем. Один тип сознания сменялся другим. На смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый. Архетип данного исторического этапа есть архетип исторического сознания.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития социумов.

Архаическая революция разделила два периода, два этапа исторического развития – раннюю и позднюю древность и соответствующие социумы – СРД (социумы ранней древности) и СПД (социумы поздней древности). Обычно архаической революцией называют исторический переворот, все те изменения, которые имели место в древней Греции в VII в. до н.э. и которые коснулись всех сфер человеческой деятельности [10, с. 92–100]. Следует отметить, что архаические революции происходили в первой половине I тыс. до н.э. не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии и Среднем Китае [3, с. 17].

К СРД можно отнести Месопотамскую, Египетскую, Индскую цивилизации и политические объединения бронзового века. Отсутствие в СРД личности как источника воли (в сознании людей того времени) способствовало формированию системы, в рамках которой эту

роль играли божества. Правитель выступал только в роли медиатора, транслятора божественной Силы. Только наличие подобного рода «воли» позволяло принимать решения, осуществлять управление [1, с. 38, 39; 8, с. 160, 161].

В СПД революционные изменения в сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них Силу через своего правителя, то в СПД источником Силы (политической воли) является уже сам народ (гражданская община). Народ заключает договор с богами, на основании которого получает от них Силу в «постоянное пользование». Римский народ заключает договор с Юпитером [7, с. 183], израильский с Яхве [11, с. 58], Спарта с Аполлоном [9, с. 43].

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь, Римской империи), начинается третий виток исторического развития. Феодалная революция в Европе имела место в районе IX–X вв. Внешние признаки феодализма, появляющиеся в период Меровингов и ранних Каролингов, следует рассматривать как процесс феодализации. Используемый термин – «ранний феодализм» здесь не совсем корректен. Перманентный кризис, характерный для этого периода, к тому же отягощенный регулярными набегами норманнов, способствует появлению того, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передают корпорации феодалов свою власть-собственность как синкретическое единство обеих категорий [2].

В Китае гибель империи Хань в III в. н.э. положила начало периоду феодализации, который продолжался до периода Сун почти семьсот лет. Многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий, имели только отдельные признаки, характерные для феодализма [6]. В Древней Руси также имела место только феодализация. Феодализм как система появляется уже в рамках Московского государства.

В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность на землю остается у феодалов, которые трансформируются в дворян. Появляется то, что мы называем Новым временем. Происходят изменения в сознании, которые тонко подметил в своем бессмертном творении Сервантес.

Специфика так называемых «буржуазных» революций Нового времени заключается в том, что революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий [4; 5].

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – Гражданской войной. В большинстве европейских стран (в частности, Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В СТГ – России, балканских государствах, Китае, Турции, Иране, Индии РП ограничился рамками XX в. В арабских

странах РП начался после Второй мировой войны. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих революционных процессов.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. В собственно РП его законы не совместимы с демократией. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Все политические режимы в РП имеют те или иные черты диктатуры.

В России РП пришелся, в основном, на годы советской власти. Соответственно, сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. В Китае это поняли еще в 1980–1990-е годы, что и обусловило успешное развитие этой страны. Если к настоящему времени в политической сфере российское руководство это осознано, то в экономической – пока недостаточно. Здесь реально имеют место кризисные явления. Кстати, относительная легкость перехода к исходному состоянию в европейских странах социалистического лагеря (Польше, Венгрии, Чехословакии) была обусловлена тем, что архетипический «фундамент», сформировавшийся здесь к середине XX в., носил «буржуазный» характер.

Только с окончанием РП страна становится субъектом геополитического пространства. Самое интересное, что СССР, став после войны «сверхдержавой», согласно законам РП (в котором он находился) не мог быть таковой. Для поддержания своего статуса Советскому Союзу приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению со странами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что целый ряд крупных государств (в первую очередь, страны БРИКС, Турция и Иран), став субъектами геополитического пространства после окончания здесь РП, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине и на Ближнем Востоке следует рассматривать именно в этом разрезе [4, с. 290].

Литература:

1. Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. – М.: Наука, 1972. – 368 с.
2. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Наука, 1982. – С. 60–99.
3. Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLIII, ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 16–28.
4. Кондорский Б.М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: Материалы VII Всероссийского конгресса политологов. Москва, 19–21 ноября 2015 г. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 289–290.

5. Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // 45-я на-учная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLV, ч.1. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 134–150.
6. Кондорский Б.М. Феодальная революция в Китае (к постановке вопроса) // 46-я на-учная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLVI. – М.: ИВ РАН, 2016. – С. 24–40.
7. Кофанов Л.Л. Lex и jus: возникновение и развитие римского права в VII–III вв. до н.э. – М.: Статут, 2006. – 575 с.
8. Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. – М.: Наука, 1980. – 407 с.
9. Печатнова Л.Г. История Спарты (периода архаики и классики). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. – 510 с.
10. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. – Л.: Изд. ЛГУ, 1988. – 232 с.
11. Шифман И.Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина I тыс. до н.э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. – М.: Наука, 1989. – С. 53–85.

References:

1. Berlev O.D. Trudovoe naselenie Egipta v jepohu Srednego carstva. – М.: Nauka, 1972. – 368 s.
2. Vasil'ev L.S. Fenomen vlasti-sobstvennosti // Tipy obshhestvennyh otnoshenij na Vostoke v srednie veka. – М.: Nauka, 1982. – S. 60–99.
3. Kondorskij B.M. Arhaicheskaja revoljucija v drevnem Kitae (popytka sravnitel'no-istoricheskogo analiza) // 43-ja nauchnaja konferencija «Obshhe-stvo i gosudarstvo v Kitae». Т. XLIII, ch. 2. – М.: IV RAN, 2013. – S. 16–28.
4. Kondorskij B.M. Ispol'zovanie koncepcii revoljucionnogo perioda dlja ana-liza vazhnejshih politicheskikh javlenij i sobytij // Politicheskaja nauka pered vyzovami sovremennoj politiki: Materialy VII Vserossijskogo kongressa politologov. Moskva, 19–21 nojabrja 2015 g. – М.: Aspekt Press, 2015. – S. 289–290.
5. Kondorskij B.M. Revoljucionnyj period v Kitae // 45-ja na-uchnaja konferencija «Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae». Т. XLV, ch.1. – М.: IV RAN, 2015. – S. 134–150.
6. Kondorskij B.M. Feodal'naja revoljucija v Kitae (k postanovke voprosa) // 46-ja nauchnaja konferencija «Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae». Т. XLVI. – М.: IV RAN, 2016. – S. 24–40.
7. Kofanov L.L. Lex i jus: vznikovenie i razvitie rimskogo prava v VII–III vv. do n.je. – М.: Statut, 2006. – 575 s.
8. Oppenhejm A. Drevnjaja Mesopotamija. Portret pogibshej civilizacii. – М.: Nauka, 1980. – 407 s.
9. Pechatnova L.G. Istorija Sparty (perioda arhaiki i klassiki). – SPb.: Gumanitarnaja Akademija, 2001. – 510 s.
10. Frolov Je.D. Rozhdenie grecheskogo polisa. – L.: Izd. LGU, 1988. – 232 s.
11. Shifman I.Sh. Gosudarstvo v sisteme social'nyh institutov v drevnej Palestine (vtoraja polovina III – pervaja polovina I tys. do n.je.) // Gosudarstvo i social'nye struktury na drevnem Vostoke. – М.: Nauka, 1989. – S. 53–85.

Сведения об авторе

Борис Михайлович **Кондорский**, кандидат биологических наук, начальник отдела, НПФ «Синбиас» (Донецк, Украина).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 329.14

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛ-СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗМА КАК ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ КЛАССОВОГО ПАРТНЕРСТВА

И.Г. Мясникова, Средняя общеобразовательная школа № 144 (Нижний Новгород, Россия),
e-mail: iris-@list.ru

Аннотация. В данной статье обосновывается мысль о том, что зарождение и развитие социал-реформизма в западных странах не было случайным, произвольным, зависящим от субъективных усилий явлением, это закономерный процесс, вытекающий из всей предыдущей истории данной цивилизации, и понимание этого имеет принципиальное значение для осмысления судеб и перспектив исторического развития как европейских стран, так и России.

Ключевые слова: Западная Европа, пути развития, революция, большевизм, социал-демократия.

THE PATTERN OF EMERGENCE AND CONSOLIDATION OF LIBERAL SOCIAL-DEMOCRACY IN EUROPEAN CIVILIZATION AS THE THEORY AND PRACTICE OF CLASS PARTNERSHIP

Abstract. This article substantiates the idea that the emergence and development of social reformism in Western countries was not accidental, arbitrary, independent of the subjective efforts phenomenon, it is a natural process arising from the entire previous history of the civilization, and understanding of this is crucial for comprehension of fate and prospects of historical development of European countries, as well as of Russia.

Keywords: Western Europe, ways of development, revolution, bolshevism, social democracy.

В преддверии столетнего юбилея Февраля и Октября 1917 г. предсказуемо усиливается дискуссия о событиях векового прошлого. Поэтому историко-философское объяснение явления революции, ее смысла в контексте мирового развития, оценка ее как метода политических преобразований – все это актуальные вопросы для российского государства.

Как правило, в постсоветское время революционная практика оценивается в духе американского историка М. Малиа, согласно которому революции в XX в., во-первых, лишь один из путей, а во-вторых, путь слишком дорогой и, в-третьих, по меньшей мере, путь сомнительный, так как достигнутые успехи, в конечном счете, оказались эфемерными. Порок этих революций он видит в отсутствии этической составляющей [3, с. 323–326]. Более того, «государство всеобщего благосостояния» рассматривается как альтернатива социалистической революции, которую отбрасывают революционеры, а не результат того, что возникает после нее и благодаря ей [3, с. 323–326]. Итак, проблема выбора путей развития общества в дихотомии «революция или реформы» сводится к вопросу субъективного выбора, а не выявления закономерных предпосылок и условий, повлекших тот или иной путь. И, как правило, в этом споре радикализму большевиков противопоставляется европейский социал-реформизм, как мирный и гуманный способ для осуществления преобразований.

На наш взгляд, проблема «революция или реформы» решается только с точки зрения анализа причин и объективных условий возможности реализации той или иной модели. Данный анализ привел автора к тезису о том, что реализация социал-демократической модели возможна была только в условиях западноевропейской цивилизации и, соответственно, невозможна в условиях неевропейских государств. Данный тезис нуждается в пояснении.

В чем сущность социал-демократической теории и практики? Это отказ от принципиально революционного по своему духу и делу марксизма, выступавшего до мировой войны под именем мировой социал-демократии, отказ от борьбы за свержение буржуазного строя, принятие идеологии борьбы за социализм в рамках буржуазного общества, в рамках соревнования «на равных» с буржуазными партиями за получение государственной власти по правилам свободы частной собственности, т.е. по принципу либерализма. В силу чего этот постмарксистский социал-демократизм по праву надо выделять именно как либерал-социал-демократизм, с тем, чтобы четко отделять его от существовавшего до него марксистского, революционного, пролетарского (т.е. классового) социал-демократизма. Тем более, если это понимают и признают сами лидеры постмарксистского социал-демократизма. Так, например, один из лидеров СДРПШ Вигфорс вполне резонно утверждал, что социал-демократия имеет два глубоких корня: марксизм и экономический либерализм [6, с. 197]. Поэтому сущность такой социал-демократии в общественном движении выражает наиболее точно термин либерал-социал-демократия, подчеркивая принципиальное принятие этой социал-демократией буржуазного общества и его либеральных правил борьбы за власть.

В основе выбора – революция или эволюция, классовая борьба или классовое сотрудничество – лежит вопрос о том, идти ли к социализму через расцвет капиталистической экономики или социализм можно базировать на ее крахе, даже имея в ней все еще докапиталистические отношения и силы (как у нас на Руси в начале XX в.). Если революционные марксисты придерживались идеи о неизбежном скором крахе капитализма, то Бернштейн, а за ним и Гильфердинг, Каутский, наоборот, оспаривали ее, после чего стали меняться и представления о материальной базе социализма, которая приравнивалась ими к такому уровню развития производительных сил, когда экономически более продуктивной (можно добавить: единственно возможной) оказывается не капиталистическая, а социалистическая организация народного хозяйства. Дело, таким образом, не сводится просто к возможности обобществления собственности, а упор делается на то, чтобы обобществленная экономика общества могла сразу дать большую продуктивность, чем существующая экономика капитализма.

К требованиям экономической целесообразности западные социалисты присоединили требования гуманитарного, нравственного плана. Э. Бернштейн доказывал, что социалистический общественный строй не может быть введен одним революционным актом, его появление – результат длительного поиска более совершенных видов труда, обеспечивающих свободу и равенство индивидов в процессе общественного производства и потребления. Все это ориентировало на длительный процесс созревания материальной базы социализма в рамках капитализма, отодвигало вопрос о социализме в неопределенное будущее, а, значит, подвергалась критике идея революции. Ленин же был уверен в готовности материальных предпосылок социализма в развитых западных странах. Эта уверенность основывалась на наблюдении происходивших процессов концентрации и централи-

зации экономики собственности в этих странах, возникновения немногих капиталистических монополий в масштабе отраслей и целых стран. «Ибо социализм.., – писал В.И. Ленин, – есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [1, с. 192]. Таким образом, рабочим оставалось только захватить власть в свои руки, слить все монополии в одну и обратить эту монолитную государственную монополию на пользу всего народа, чтобы получить социализм, а сделать это, конечно, можно только революционным путем. С тех пор капитализм пережил не одну модификацию, обнаружил далеко не исчерпанный еще потенциал для развития в своих рамках все более технологически оснащенного хозяйства, «но в начале века такая перспектива отнюдь не была очевидной, многим тогда казалось, что капитализм доживает последние дни, что неотвратимо наступление нового хозяйственного уклада, идентифицируемого с социализмом даже многими буржуазными профессорами» [5, с. 85].

Кто же был прав? Для того чтобы ответить на это вопрос, сегодня, как и сто лет тому назад, надо определить уровень развитости общества, при котором в принципе возможен переход к социализму. Некоторые авторы считают этот вопрос нерешенным и, можно предположить, неразрешимым [5, с. 89]. Но есть такие авторы, которые пытаются определить указанный уровень. Так, В.И. Табаков доказывает: социализм возможен не при нынешней индустриальной технологии, а технологии, представляющей собой период фронтального перехода от машин к роботам. Именно и только такая технология (представляющая собой переход от машин к роботам) ликвидирует непосредственный труд, порождающий, после раздвоения его на прожиточный (для совокупного работника) и на прибавочный (для совокупного собственника, а через него – и для всего эксплуататорского цивилизованного общества), стоимостные отношения. Именно и только она приводит капитализм к кризису, выходом из которого может быть лишь общенародное производство и потребление прибавочного общественного продукта [7, с. 30–67]. Он же отмечает, что до такого тупика капитализма, к сожалению, еще очень далеко, если даже взять самые развитые капиталистические страны, ибо даже сегодня, в XXI веке, мы еще не можем констатировать начало тотальной роботизации хозяйства. Выходит, что либерал-социал-демократы оказались правы, отказавшись от идеи скорого краха капитализма, но не потому, что оказались более дальновидными мыслителями, чем В.И. Ленин, а скорее благодаря совпадению исторических условий, которые они чутко уловили, и целей их политики, направленной на классовое сотрудничество и компромисс с буржуазией. Таким образом, сама действительность пришла им на помощь, чтобы оправдать их теорию и практику.

Но что же создало возможность для реализации данной модели в Западной Европе (и, соответственно, чего не было в условиях других стран)? Возможность для реализации либерал-социал-демократизма в Западной Европе создает, прежде всего, устойчивый экономический рост как материальная основа для подъема общего жизненного уровня населения и либерал-социал-демократической политики перераспределения. Без экономического богатства европейских стран невозможно было бы реализовать подобную политику. Связь между экономическим процветанием и политикой классового сотрудничества наглядно показал В.И. Ленин: «...монополия дает сверхприбыль, т.е. избыток прибыли сверх нормальной... Из этой сверхприбыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто вроде союза ...рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран» [2, с. 173].

Иными словами, западноевропейские капиталисты благодаря сверхприбылям имеют возможность эксплуатировать наемный труд на таких «выгодных» условиях, что пролетариат это вполне устраивает. Причем, международный капитал в состоянии содержать сегодня не только рабочую аристократию, как он позволял себе в начале XX в., но и 2/3 населения стран Западной Европы. Государство благосостояния (с которым и отождествляется западная либерал-социал-демократия) неизбежно стоит дорого, справедливо заметил шведский философ и социолог Г. Эспинг-Андерсен. Но откуда появились у западной буржуазии эти сверхприбыли? Как Запад стал богатым? Здесь, вкратце, можно сказать лишь следующее. Западноевропейская цивилизация, благодаря стремительному (по историческим меркам) прохождению ею переходной азиатской формации и развитию уже в пределах самой II-й (экономической) формации, в то время как остальной цивилизованный мир все еще оставался в пределах азиатской формации, быстро пройдя все логические ступени экономической формации, оказалась на ее капиталистической, последней, высшей ступени раньше других народов, что и позволило европейским странам стать гегемоном всего мирового развития и его капиталистическим эксплуататором до принципиального завершения этого процесса во всемирном масштабе [8]. Благодаря этому обеспечивается высокий уровень жизни работников на Западе, достигаемый не столько за счет собственного труда, сколько за счет прибылей, получаемых своей «отечественной» буржуазией от эксплуатации остального капиталистического и докапиталистического мира. Т.е. рабочий класс Запада стал как бы частью той буржуазии, которая эксплуатирует весь незападный мир, а, следовательно, в его зарплате скрыт уже и нетрудовой доход, которым эта буржуазия делится с ним. Отсюда и вытекает характер «социалистических» партий Запада: либерал-социал-демократизм, основанный на классовом мире и классовом партнерстве.

Итак, потребности и способности Западного общества в реализации либерал-социал-демократической модели, а также возможности для ее реализации вытекают из особенностей капиталистического развития Западной цивилизации, а, значит, вполне правомерным будет являться утверждение: 1) о закономерном появлении в Западной Европе либерал-социал-демократической теории и практики и 2) об уникальном характере западного либерал-социал-демократизма (что вытекает из уникальности, неповторимости развития западной цивилизации, а, значит, и развития западного капитализма, развития, недоступного уже другим цивилизациям). Таким образом, приходится констатировать, что либерал-социал-демократизм – это закономерный феномен именно для Западной Европы. А революционная практика большевиков объясняется не столько «желанием обезопасить большевистский режим в России перед лицом враждебного капиталистического окружения» [4, с. 32], сколько стремлением сохранить Россию как таковую.

Литература:

1. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. Т. 34. – С. 151–199.
2. Ленин В.И. Империализм и раскол социализма // Полное собрание сочинений. Т. 30. – С. 163–179.
3. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / Под ред. Т. Эммонса; пер. с англ. Е.С. Володиной / М. Малиа. – М.: РОССПЭН, 2015. – 405 с.

4. Революция как концепт и событие: монография / Редколлегия: Вартумян А.А., Ильинская С.Г., Федорова М.М. – М.: ООО«ЦИУМиНЛ», 2015. –183 с.
5. Самарская Е.А. Социал-демократия в начале века. – М.: ИФ-РАН, 1994. – 215 с.
6. Создавая социальную демократию. Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции / пер. с англ.; под ред. К. Мисгельда, К. Молина, К. Омарка; предисловие Ю.М. Лужкова. – М.: Издательство «Весь Мир», 2001. – 592 с.
7. Табаков В.И. Русь спасет социзм (сталинское строительство социализма). – Н.Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2004. – 328 с.
8. Хомский Н. Прибыль на людях / пер. с англ.; под ред. Б. Скуратова. – М.: Практис, 2002. – 256 с.

References:

1. Lenin V.I. Grozjashhaja katastrofa i kak s nej borot'sja // Polnoe sobranie sochinenij. T. 34. – S. 151–199.
2. Lenin V.I. Imperializm i raskol socializma // Polnoe sobranie sochinenij. T. 30. – S. 163–179.
3. Malia M. Lokomotivy istorii: Revoljucii i stanovlenie sovremennogo mira / Pod red. T. Jemmonsa; per. s angl. E.S. Volodinoj / M. Malia. – М.: ROSSPJeN, 2015. – 405 s.
4. Revoljucija kak koncept i sobytie: monografija / Redkollegija: Vartumjan A.A., Il'inskaja S.G., Fedorova M.M. – М.: ООО«ЦИУМиНЛ», 2015. –183 с.
5. Samarskaja E.A. Social-demokratija v nachale veka. – М.: ИФ-РАН, 1994. – 215 с.
6. Sozdavaja social'nuju demokratiju. Sto let social-demokraticheskoj rabochej partii Shvecii / per. s angl.; pod red. K. Misgel'da, K. Molina, K. Omarka; predislo-vie Ju.M. Luzhkova. – М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2001. – 592 s.
7. Tabakov V.I. Rus' spaset socizm (stalinskoe stroitel'stvo socializma). – N.Novgorod: Izd. Gladkova O.V., 2004. – 328 s.
8. Homskij N. Pribyl' na ljudjah / per. s angl.; pod red. B. Skuratova. – М.: Praxis, 2002. – 256 s.

Сведения об авторе:

Ирина Геннадьевна **Мясникова**, кандидат философских наук, Средняя общеобразовательная школа № 144 (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 94

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛЕВОГО РАДИКАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

Б.А. Ночвина, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия), e-mail: bella.nochtvina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике влияния левого радикализма на общественно-политическую жизнь ФРГ. Радикальное движение в Европе 1968 г. стало не только выражением социальной революции постиндустриального общества, но и поворотным моментом в судьбе леворадикального движения в целом. Воплотив на практике новый постиндустриальный идеал «революционного террора-жертвоприношения», в конце XX в. левый радикализм утрачивает свое идеологическое влияние на него, уступая свои позиции праворадикальному экстремизму и религиозному фундаментализму.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, неомарксизм, социальная революция, левый радикализм, террор.

THEORY AND PRACTICE OF LEFT RADICALISM IN GERMANY

Abstract. The article is devoted to the characterization of the impact of left radicalism on social and political life of Germany. Radical movement in Europe 1968 was not only an expression of the social revolution of post-industrial society, but also a turning point in the fate of the radical left movement in general. By putting into practice a new post-industrial ideal of «revolutionary terror-sacrifice», at the end of the twentieth century left radicalism loses its ideological influence, yielding position of radical right extremism and religious fundamentalism.

Keywords: post-industrial society, neo-Marxism, social revolution, left radicalism, terror.

Левый радикализм многими социологами и политологами трактуется как практическое выражение теории неомарксизма. Заметим, однако, что само направление неомарксизма разнообразно и неоднозначно трактует многие концепты как классического марксизма, так и дефиниции нового постиндустриального общества. Одним из ключевых понятий в неомарксизме является социальная революция. Представители Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм) определяют революцию как коренное преобразование социальной и политической действительности, где акцент делается на осмысление субъективной стороны революционного процесса. Революционное преобразование общества понимается как коренное качественное преобразование социума, прежде всего, в структуре сознания в условиях тотальной деполитизации. По сути своей, социально-политическая революция в неомарксизме – это культурная революция, именно такую революцию можно «назвать подлинной социальной революцией (а не бунтом)» [2, с. 250]. Окончательная цель новой социальной практики – в использовании обобществления средств производства для развития действительной свободы индивида.

Основное влияние на движение «новых левых» в Германии оказало учение Г. Маркузе об «одномерном человеке». Анализируя становление нового постиндустриального общества, усиление в нем роли средств массовой информации, Маркузе приходит к выводу, что современное западное общество – унифицированная система подавления и манипулирования индивида. В этом информационном обществе техника стала основной формой

социального господства, а производственный процесс заменил собой идеологию, породив «одномерное сознание». В связи с чем, подлинную социальную революцию, революцию сознания способны осуществить индивиды «свободные от потребностей и интересов господства и порабощения» [4, с. 116]. Новой революционной силой должна стать протестующая молодежь и массы аутсайдеров, которая явится «бунтом против лживых отцов, учителей и героев и солидарностью с обездоленными всего мира» [4, с. 120]. Предпосылкой социальной революции должна стать «революция человека» (Великий отказ), отказ от репрессивной цивилизации, от любой формы сотрудничества с существующей общественной системой. Индивидуальный бунт является необходимым условием для появления нового «исторического субъекта личности, которое должно иметь качественное иное сознание» [4, с. 118]. Неомарксистская теория революции понимает революцию как этап контролируемого бунта с использованием насильственного потенциала масс, «оставшихся за бортом демократического процесса» [4, с. 120]. Сам Г. Маркузе заявлял, что не знает результатов революционной борьбы, приведет ли она к подлинной свободе или к новой форме тоталитаризма, т.е. новой форме репрессивного производства. Однако он не исключал неизбежности революционного насилия, которое станет ответом на «насилие институтов цивилизации», тем самым Маркузе заранее фактически оправдывает любую форму революционного террора [3, с. 105].

Стоит также отметить, что современное постиндустриальное общество, характеризующееся новыми видами информационной войны, переводит «реальное» насилие в «символический» террор, генерируя определенный «идеальный тип» его носителя. Модификация происходит через описание террора как травматического симптома и позволяет выявить весь спектр современного социума. Основной формой террора становится негосударственный террор, который понимается как волеизъявление маргинальных социальных групп, которые в условиях диктата «демократии большинства» не могут легитимно реализовать свою политическую волю.

Идеи Франкфуртской школы в послевоенной Германии становятся популярными среди немецкой молодежи также и в связи с последствиями изменения программной стратегии СДПГ. Многие студенты восприняли Годесбергскую программу СДПГ 1959 г. как предательство идей социализма и поражение немецкой социал-демократии перед доктриной либерализма. Радикальные настроения молодежи не смогли быть оформлены и каким-то образом институционализированы в рамках существующих легитимных систем ФРГ, поэтому происходит формирование нелегальных организаций, из которых самой значительной по своему идеологическому влиянию станет RAF. Этому способствует и влияние на движение левых радикалов в Германии тезиса Г. Маркузе о неэффективности традиционных методов политической борьбы, необходимости поиска новых форм сопротивления. В своей знаменитой речи на торжественном заседании в честь юбилея издания «*The Guardian*» в декабре 1968 г. Маркузе заявил, что «новые левые» – единственные из всех левых движений, которые отвечают этим задачам, и поэтому надежды на построение социализма в ближайшем будущем могут быть связаны только с их деятельностью. «Левые должны найти верные средства для того, чтобы сломать конформистский и коррумпированный мир политического языка и политических отношений. Они должны разбудить сознание и совесть остальных» [6, с. 2]. Главной задачей левого движения в условиях тотальной социальной интегрированности становится дезинтеграция всей общественной системы.

Хотя в более поздних работах Г. Маркузе во многом пересматривает свои взгляды на революционное насилие, говоря о его контрпродуктивности, поскольку террор лишь укрепляет систему и лишает левый радикализм поддержки со стороны общества, дискредитируя левое движение в целом [5, с. 62]. Отметим, что на действия левых радикалов в ФРГ повлияли суждения неомарксистов о «репрессивной терпимости» и «репрессивной толерантности». Любая современная западная политическая система в целях поддержания своей устойчивости будет поддерживать умеренную оппозицию власти и, напротив, жестко подавлять, невзирая на демократические ценности, потенциально радикальную оппозицию. В связи с чем «новые левые» полагали, что тактика революционного насилия может раскрыть истинный характер современного постиндустриального общества и показать эффективность методов политической борьбы. Лидер RAF А. Баадер в своих выступлениях утверждал: «Революцию не планируют. Ее делают. Если соглашаться, что мы дети своих отцов, то мы способны вершить насилие в той же степени, что и они... В борьбе против системы возможно все, даже предательство своих. Нам не нужны ваши взгляды. Главное – факты, безоговорочная готовность к практическому нарушению всех и всяческих законов. Всякий буржуа – враг» [1, с. 35]. Другой лидер немецкого левого радикализма Х. Малер говорил: «Атаки небольших вооруженных групп должны заставить аппарат обратиться к сверхжестоким мерам и таким образом обнажить свой фашистский оскал» [1, с. 40]. У идеологов и практиков левого радикализма возникла иллюзия, будто достаточно небольшого «бунта», в форме «Великого отказа», как все общество придет в движение, и наступит долгожданная «социальная революция». Формой «бунта» должен стать метод индивидуального и группового террора, заимствованный из практики латиноамериканской герильи.

Движение левого радикализма в Германии представлено многочисленными организациями, среди которых в 1960 г. самым крупным объединением стал Социалистический союз немецких студентов (СДС). Интересно, что первоначально СДС существовал как молодежная организация при СДПГ, но затем, за крайне левые взгляды его лидера Р. Дучке, союз был исключен из партии. Во время студенческих выступлений Дучке получил всегерманскую известность как блестящий оратор и организатор. Среди других объединений левых радикалов стоит упомянуть западноберлинскую Коммуну № 1, из которой вышел один из ярких лидеров RAF Андреас Баадер, а также Социалистический коллектив пациентов, созданный в 1970 г. супругами психологами Вольфгангом и Урсулой Хубер. Но наибольшее влияние приобрела созданная в 1970 г. группа Фракция Красной Армии, лидерами которой стали У. Майнхоф, А. Баадер, Г. Энслин, Х. Малер.

Особенность немецкого левого радикализма второй половины XX в. связана с историей Германии. Незавершенный и во многом частичный характер денацификации в западной Германии привел к тому, что многие нацистские преступники получили незначительное наказание и заняли высокие государственные посты в общественно-политической структуре ФРГ. Очень многие леворадикальные объединения ФРГ, в том числе и RAF, начинали свою деятельность как антифашистские организации, публиковали списки нацистских преступников, документальные доказательства их вины. Однако отсутствие должной реакции со стороны официальных властей на акции антифашистов, а также принятие в 1968 г. чрезвычайных законов, позволяющих федеральному правительству отменять часть демократических свобод, гарантированных конституцией, позволили «новым левым» воспринимать ФРГ как неофашистское государство. Члены RAF, после жестких ответных мер

полицейским на студенческие демонстрации, утверждали: «Ответное насилие должно превратиться в такое насилие, которое *соразмерно* полицейскому насилию, в такое насилие, в котором продуманный расчет заменит бессильную ярость, такое насилие, которое на использование полиции в качестве вооруженной, *военной* силы тоже ответит вооруженными, *военными* средствами» [7, с. 2].

В конце 1970 г. движение левых радикалов превратилось в откровенный экстремизм, и если вначале немецкое общество сочувствовало действиям «новых левых», то после трагических событий 1977 г. отвернулось от них. Слабостью левого радикализма стало и отсутствие четкой идеологии, пренебрежение к ней, эклектичность идейных установок и лозунгов. Эта спонтанность движения левых радикалов также продиктована учением неомарксистов Франкфуртской школы. Призывая «новых левых» к действиям, Г. Маркузе заявлял: «Традиционные организационные формы – такие, как парламентская партия, – устарели. Мы не хотим никакой революционной политической партии, а также никакого революционного централизма и подполья... То, что можно, кажется, противопоставить этим формам, – это совершенно открытая организация, рассыпанная на малые, в высшей степени гибкие и автономные группы, действующие повсюду на местах... Никакого поспешного объединения левых! Левые расколоты! Левые всегда были расколоты! Сплочены только правые, неспособные бороться за какие-либо идеи!» [6, с. 3].

Итогом действий левых радикалов во второй половине XX в. стал идеологический кризис и спад популярности движения среди немецкой молодежи. Сейчас «новые левые» в ФРГ представлены, в основном, группами «автономов», чей главный лозунг – «антиглобализм». На примере группы RAF можно проследить, как левый радикализм попытался на практике воплотить новый постиндустриальный идеал «революционного терроризма-жертвоприношения». Методом революционного насилия совершить социальную революцию – революцию человека. Однако в конце XX в. левый радикализм утрачивает свое идеологическое влияние, уступая свои позиции праворадикальному экстремизму и религиозному фундаментализму.

Литература:

1. Бычко А.Н. Критический анализ философских концепций молодежного бунтарства. – Киев: «Вища школа», 1985. – 149 с.
2. Бузгалин А.В. Ренессанс социализма: Курс лекций, прочитанный в Молодежном университете современного социализма. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 512 с.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 312 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого Индустриального общества. – М.: REFL-book, 1994. – 314 с.
5. Маркузе Г. Критическая теория общества. – М.: ООО «Издательство АСТ», «Астрель», 2011. – 384 с.
6. Маркузе Г. К ситуации новых левых (Речь 4.12.1968 г. по случаю празднования 20-летия нью-йоркского еженедельного журнала «The Guardian». URL: http://scepsis.net/library/id_2750.html (дата обращения: 10.03.2016).
7. Майнхоф У.М. От протеста к сопротивлению. URL: http://scepsis.net/library/id_659.html (дата обращения 11.03.2016).

References:

1. Bychko A.N. Kriticheskij analiz filosofskih koncepcij molodezhnogo buntarstva. – Kiev: «Vishha shkola», 1985. – 149 s.
2. Buzgalin A.V. Renessans socializma: Kurs lekcij, pročitannyj v Molodezhnom universitete sovremennogo socializma. – M.: Editorial URSS, 2007. – 512 s.
3. Markuze G. Jeros i civilizacija. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak», 2003. – 312 s.
4. Markuze G. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo Industrial'nogo obshhestva. – M.: REFL-book, 1994. – 314 s.
5. Markuze G. Kriticheskaja teorija obshhestva. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», «Astrel'», 2011. – 384 s.
6. Markuze G. K situacii novyh levyh (Rech' 4.12.1968 g. po sluchaju prazdnovanija 20-letija n'ju-jorskogo ezhenedel'nogo zhurnala «The Guardian». URL: http://scepsis.net/library/id_2750.html (data obrashhenija: 10.03.2016).
7. Majnhof U.M. Ot protesta k soprotivleniju. URL: http://scepsis.net/library/id_659.html (data obrashhenija 11.03.2016).

Сведения об авторе:

Белла Анатольевна **Ночвина**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, регионоведения и журналистики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 304.9

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОВРЕМЕННОСТИ

Т.В. Панфилова, Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: panta@inbox.ru

Аннотация. Как любое научное понятие, понятие «революция» выработывалось в конкретных исторических условиях и адекватно им. Общественные и исторические изменения требуют переосмысления содержания понятий.

Ключевые слова: революция, глобализация, финансовая олигархия, социальный состав, бюрократия.

REVISION OF THE NOTION OF REVOLUTION IN ITS RELATION TO MODERNITY

Abstract. As any scientific notion the notion of revolution has been worked out under concrete historical circumstances and was adequate to them. The revision of the notions' content is required when social and historical changes take place.

Keywords: revolution, globalization, finance oligarchy, social structure, bureaucracy.

Традиционное для марксизма понятие социальной революции выработывалось в определённых исторических условиях для осмысления качественного изменения в обществе с переходом на более высокую ступень его развития. Вопрос о характере перехода (вооружённый–мирный) в данном случае не рассматривается. Речь пойдёт о некоторых моментах в истолковании революции, которые, на мой взгляд, следовало бы учесть, чтобы привести его в соответствие с требованиями времени.

После развала Советского Союза исторический спор общественно-политических систем можно было бы считать разрешённым в пользу капитализма, если бы история на этом и завершилась, как предсказывали некоторые учёные, Ф. Фукуяма, например. Дело, однако, на этом не закончилось, чему были свои причины, о которых мне уже доводилось писать [3, с. 36–38]. И сегодня с нами по-прежнему что-то происходит; Россия – волею-неволей – продолжает участвовать в каких-то исторических событиях, в результате чего меняется её место в мире. Приходится изучать ту историческую реальность, участниками которой мы оказываемся. Здесь-то и обнаруживается, что для осмысления современной жизни привычные нам понятия марксистско-ленинской теории далеко не всегда пригодны. И дело тут не в том, будто наши предшественники ошибались. Напротив, считаю, что мы не имеем права предъявлять претензии нашим предшественникам за то, что разработанные ими положения не удовлетворяют нашей потребности в анализе действительности. Это было бы интеллектуальным иждивенчеством. Проблемы нашего времени надо решать нам самим. И хотя можно и нужно использовать разработанный нашими предшественниками теоретический аппарат, необходимо вводить в научный оборот новые понятия или переосмысливать старые. В противном случае мы снова, как в недавнем прошлом, риску-

ем впасть в догматизм, отрицательные следствия которого уже обсуждались на предыдущих конференциях, в том числе и с моим участием [4].

Что же нового можно предложить в вопросе о соотношении двух систем? Возьмем, например, понятие глобализации. Принято подчёркивать, что глобализация имеет капиталистический характер. И это совершенно правильно. Но тогда следовало бы ожидать, что социалистическая система однозначно противостояла глобализации. В действительности же противостояние систем не исключало их жесткой взаимозависимости. Чем объясняется такая зависимость?

Думается, самое время вспомнить положения В.И. Ленина о возможности революции в России в силу того, что она была слабым звеном в империалистической цепи. Сегодня приходится слышать вопрос: а надо ли было прорывать это звено? Не лучше ли было дать России спокойно развиваться в самой этой цепи? Не лучше! Как справедливо подчёркивают авторы книги о глобальном капитализме, «капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации» [7, с. 363]. Надежды на то, что развитое капиталистическое общество подтянет Россию до своего экономического и технологического уровня, несостоятельны. И не потому, что капиталисты плохи, а потому, что такова сущность мировой капиталистической системы. Ленин был тысячу раз прав, когда говорил о необходимости вырвать страну из империалистической зависимости, пока она не превратилась окончательно в колонию империалистических государств. Только при этом условии можно ликвидировать экономическую отсталость страны. Но что же дальше? Можно ли отгородиться от окружающего капиталистического мира? Не получится! Осуществляя индустриализацию, повышая производительность труда, кооперируя крестьянство, мы перенимаем образцы капиталистической организации труда. Идя по пути догоняющей модернизации, мы втягиваемся в систему международного капиталистического разделения труда. Тем самым социалистическое строительство, хоть и осуществлялось в противовес капитализму, оказывалось диалектически связанным с ним. В результате, как показано в процитированном исследовании, «распад коммунизма ...явился важным шагом глобализации, ликвидировавшим закрытые для капитала и информации зоны» [7, с. 362].

Насколько я помню, в советской общественной науке вопрос так не ставился. На официальном уровне социалистическая система однозначно противопоставлялась капиталистической. Даже скромная идея «конвергенции двух систем» многими обществоведами для начала принималась в штыки, а попытки разобраться в её смысле считались ревизионизмом. Конечно, любую идею можно истолковать с разных мировоззренческих позиций. Но с марксистских позиций рассуждая, в идее конвергенции было рациональное зерно: признание того, что спор двух общественных систем осуществляется в рамках единого глобализирующегося мира, чем определяется их неизбежное взаимопроникновение. К сожалению, эта идея осталась недостаточно отрефлектированной в нашем общественном сознании, и объясняется это, по-моему, тем, что мы считали себя диалектиками, а на деле оставались в плену догматизма. В результате мы не заметили, как идея либерализма исподволь захватывала целые слои населения нашей страны, особенно интеллигенцию. И в решительный момент противопоставить либерализму оказалось нечего: к 1980-м годам марксизм-ленинизм был догматизирован настолько, что перестал отвечать духу времени [4, с. 83].

Сегодня, когда Россия попала в жёсткую внешнюю зависимость в качестве сырьевого придатка, ленинская теория «слабого звена» вряд ли сработает: слишком многое изменилось в глобализирующемся мире. Вопрос о возможности, да и необходимости революции в России придётся ставить заново, исходя из анализа глобализационных процессов. Сегодня Россия – вместе со всем миром – оказалась перед необходимостью глобальной революции, смысл которой в кардинальном изменении отношений общества и природы. Эту идею воплощает движение «экологического социализма», в поддержку которого мне уже приходилось высказываться [2, с. 225]. Впрочем, и до всякой революции надо использовать возможности укрепления положения России в качестве самостоятельного субъекта исторического действия, – возможности, проистекающие из внутренних противоречий глобализации. Так, политологи отмечают, что в ответ на бесцеремонное проведение Западом принципа «однополярного мира» возникают региональные объединения государств. «Вольно или невольно вытесняемая из различного рода форматов участия в проекте Запада (например, из членства в «восьмёрке») Россия понуждается к более тесному участию в альтернативных форматах. В этом, возможно, состоит её важная роль в трансформации не только своего общества и государства, но и всей структуры глобального миропорядка» [1, с. 388–389].

Если на международной арене имеют место факторы, способствующие укреплению положения России, то кто-то должен их использовать. Другими словами, нужна политическая сила, заинтересованная в самостоятельности России на международной арене. А есть ли таковая среди правящей элиты? Увы! Делами в стране заправляют олигархи, связанные с международными финансовыми кругами и заинтересованные в подчинении России мировому финансовому олигархату. На их счёт обольщаться не приходится. Но одинок ли этот господствующий слой в своей антинародной политике? Боюсь, что нет.

Я имею в виду социальную прослойку чиновничества, роль которой была недооценена, на мой взгляд, советской общественной наукой. Тогда чиновники считались вспомогательным социальным слоем, своего рода «обслуживающим управленческим персоналом» по отношению к «гегемону» – рабочему классу. Так ли было на самом деле? Оборачиваясь назад в недавнее прошлое, мы отчётливо видим, насколько важное место в советском обществе принадлежало бюрократии, особенно, партийной, и какую негативную роль она сыграла в развале страны. Причём, термин «бюрократия», несущий в себе отрицательный оттенок, куда больше подходит для неё, чем нейтральное «чиновничество». Зацикленные на классовом подходе, мы упустили из виду особенности традиционной социальной структуры российского общества, унаследованные с царских времён, – особенности, определяющие своеобразие «русской власти», по выражению современных историков. Да, советские чиновники – даже высшего уровня – не имели частной собственности, зато сосредоточили в своих руках реальную власть, благодаря которой распоряжались общенародной собственностью. Их положение удачно характеризуется понятием «власть–собственность».

Казалось бы, с разрушением Советского Союза пришёл конец и советской бюрократии. Увы! Бюрократия перестала быть советской, но осталась во власти. Просто на смену неэффективной советской бюрократии пришли «эффективные менеджеры», вся эффективность которых сводится к «успехам» в разбазаривании общенародного достояния ради собственного обогащения. По сути дела, это тот же самый паразитический слой (иногда даже совпадающий персонально), по-прежнему обладающий властными полномочиями.

Как показывают современные исследователи, налицо противоречие: несмотря на демократическую риторику, принятую даже в Конституции, *«действительным верховным принципом в России следует считать властную группу (иногда довольно большую, объединяющую высший слой бюрократии, в том числе несмещаемых местных правителей, иногда малую – ближайших советников и сподвижников верховного правителя, реально способных переназначить всех остальных), которая отождествляет себя с высшей государственной властью и действует от имени государства»* [6, с. 343. Курсив автора книги].

В условиях господства международного финансового капитала на первый план выходит управление финансовыми потоками, оттесняя капитал, связанный с промышленным или сельскохозяйственным производством. Хотя управление финансами не требует собственности на них, роль управленческого аппарата действительно повышается. Правда, наша внутренняя бюрократия отличается тем, что успешно функционирует в системе международных финансов в интересах мировой финансовой олигархии, а отнюдь не в наших. Отсюда вопиющий парадокс, отмеченный автором процитированной книги: *«...Власть и невласть (население, народ) в России действительно разделены фреймом своё–чужое. Со своим народом так не обращаются ни французы, ни немцы, ни американцы...»* [6, с. 231].

Как добиться того, чтобы чиновники работали на благо общества? Ответ, на первый взгляд, кажется очевидным: необходим общественный контроль. Беда в том, что при современном положении вещей чиновничество, обладая властными функциями, не допустит контроля над собой. Больше того, давайте вспомним советы разных уровней, которые по идее должны были быть органами народовластия в Стране Советов. Так ли это было? Не совсем. Советы начали обюрокрачиваться, а, значит, отчуждаться от населения, в то время как руководители советов подстраивались под партийную верхушку, обладавшую реальной властью. Другими словами, советская бюрократия участвовала в отчуждении власти от народа, хотя избирались в советы, как правило, представители трудовых коллективов. Они не были представителями эксплуататорского класса. Но объективно они содействуют отчуждению власти, так как оказываются на стороне господствующих социальных групп.

Как вырваться из этой колеи «русской власти», по выражению проф. Розова Н.С. [6, с. 139]? Сам он предлагает нечто абсолютно не приемлемое для меня. А именно: он считает, что какая-то демократическая держава должна экспортировать в Россию своё политическое устройство. Такое предложение представляется мне несостоятельным ни теоретически, ни практически [5, с. 197]. Полагаю, что только «низовой демократизм», т.е. активность самих граждан, способен изменить расстановку сил в системе власти. Не вижу лучшей возможности для организации народовластия на местах, чем советы, хотя и признаю, что они не реализовали своего потенциала, скатившись в колею «русской власти». Остаётся надеяться на то, что революционные преобразования нашего общества снова выдвинут органы типа советов, причём осознание опасности отчуждения власти от народа поможет им выполнить своё общественное предназначение.

* * *

Предложенные поправки к представлениям о социальной революции, разумеется, не исчерпывают темы. Полагаю, это только начало.

Литература:

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014. 456 с.
2. Панфилова Т.В. В поддержку экологического социализма // Перспективы мирового социалистического движения в XXI веке: материалы международной научной конференции (Н. Новгород, 26–27 апреля 2014 г.). Н. Новгород: Издательство Нижегородской государственной медицинской академии, 2014. 264 с.
3. Панфилова Т.В. О пользе и вреде философии истории. LAP LAMBERT Academic Publishing. Saabrücken, Deutschland. 72 S.
4. Панфилова Т.В. Учение о социализме: теория или идеология? // Социализм: теория, история, перспективы (Советский реальный социализм: что это такое?): материалы Международной научной конференции. Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2011. 280 с.
5. Панфилова Т.В. Что делать? Новая попытка ответа на вечный российский вопрос // Философия и общество. 2012. № 2. С. 192–201.
6. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.
7. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.

References:

1. Pantin V.I., Lapkin V.V. Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Cikly Kondrat'eva, jevoljucionnyye cikly i perspektivy mirovogo razvitija. Dubna: Feniks+, 2014. 456 s.
2. Panfilova T.V. V podderzhku jekologicheskogo socializma // Perspektivy mirovogo socialisticheskogo dvizhenija v XXI veke: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (N. Novgorod, 26–27 aprelja 2014 g.). N. Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii, 2014. 264 s.
3. Panfilova T.V. O pol'ze i vrede filosofii istorii. LAP LAMBERT Academic Publishing. Saabrücken, Deutschland. 72 S.
4. Panfilova T.V. Uchenie o socializme: teorija ili ideologija? // Socializm: teorija, istorija, perspektivy (Sovetskij real'nyj socializm: chto jeto takoe?): materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nizhnij Novgorod: Gladkova O.V., 2011. 280 s.
5. Panfilova T.V. Chto delat'? Novaja popytka otveta na vechnyj rossijskij vopros // Filosofija i obshhestvo. 2012. №2. S. 192–201.
6. Rozov N.S. Koleja i pereval: makrosociologicheskie osnovanija strategij Rossii v XXI veke. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2011. 735 s.
7. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyj kapitalizm: tri velikie transformacii. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2008. 608 s.

Сведения об авторе:

Татьяна Васильевна **Панфилова**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 140.8

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «РЕВОЛЮЦИЯ»: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

М.М. Прохоров, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия), e-mail: mmprow@mail.ru

Аннотация. В статье раскрыта методология исследования категории «революция» в контексте онтологического подхода. Выделены моменты: бытие и революция; революция в свете основных уровней определения бытия: субстанционального, атрибутивного и собственно исторического; революция и основные законы диалектики; альтернативность революции и концепции «конца истории» в условиях глобализации.

Ключевые слова: бытие, уровни бытия, революция и эволюция, диалектичность революции, глобализация.

THE METHODOLOGY OF THE RESEARCH OF CATEGORY «REVOLUTION»: AN ONTOLOGICAL APPROACH

Abstract. In the article the methodology of the study of "revolution" category in the context of the ontological approach is being revealed. The following points are highlighted: the being and the revolution; revolution in the light of the definition of basic levels of existence; substance, the attributive and the actual historical; revolution and the laws of dialectics; alternativeness of revolution and the concept of the "end of history" in the modern globalization of society.

Keywords: being, levels of being, revolution and evolution, dialectics of revolution, globalization.

1. *Бытие и революция.* В ориентированных «на Запад» энциклопедиях термин «революция» (от позднелатинского *revolutio* – поворот, переворот): 1) отсутствует, 2) ограничен трактовкой «переворота» в области мировоззрения, науки, искусства и моды, либо 3) трактуется как внезапное, насильственное изменение существующего общественно-политического строя, противопоставляется «эволюции». Выявление онтологической сущности «революции» требует раскрытия ее важного места в бытии, определение которого разделило философов на материалистов и идеалистов. Определение бытия долгое время сдерживалось механицизмом, затруднявшим введение понятий «материализм» и «идеализм», антитетичных по отношению к понятиям «идеалисты» и «материалисты», что было важно, отмечал В.Н. Кузнецов, «для понимания сути главных философских конфронтаций» [3, с. 55]. Категориальное, адекватное философскому материализму определение бытия – как философской категории материи – впервые дано В.И. Лениным, который преодолел путаницу философии и науки (не говоря уже о других формах знания и заблуждения), выдвинув идею их «союза». Можно утверждать, что бытие постоянно обновляется – качественно и количественно. Революция ответственна за качественное, коренное его обновление. Поэтому недостаточно абстрактной категории «различие», на чем настаивает Ж. Делез, рефлексировав соотношение различия «самого по себе» и бытия, отыскивая различие

не в ставшем (сущем), а в становлении (в бытии как основании сущего) [1, с. 26]. Переход от «различия» к категории «революция» есть восхождение от абстрактного к понятийно-конкретному.

2. *Революция и уровни определения бытия.* Нужно учесть, что бытие определяется на трех уровнях (М. Прохоров): субстанциальном, атрибутивном и собственно историческом, которое являет себя как социальный уровень, а революция – как социальная. Соответственно им должна быть дана характеристика категории революции.

К субстанциальной характеристике бытия выходил уже Парменид. С одной стороны, он выходит к «проблеме познания существующего и существования познаваемого, единства того и другого», выходит на проблему, «ответа на которую он сам не знает». Он выходит к основному вопросу философии (ОВФ), в котором соотносятся друг с другом онтология и гносеология в виде постановки и решения первой и второй сторон ОВФ. С другой стороны, у него мы обнаруживаем *противопоставление* бытия и процесса, которому и «принадлежит» революция как момент естественной «технологии» процесса. Эти «противопоставленные Парменидом части обуславливают друг друга (и не могут не обуславливать)». Поэтому неизбежно возникает вопрос «как их соотнести»; в этом состоит, по В.Я. Комаровой [2, с. 82–84], секрет «парменидовской проблемы».

Представляется, что его разгадка достигается тогда, когда выделяются субстанциальный и атрибутивный уровни определения бытия, причем второй раскрывает «свойство» быть объективной реальностью с помощью представляющих его атрибутов, следовательно, не в виде вещи «самой по себе», а в виде совокупности категорий, характеризующих неотъемлемые свойства материи, атрибуты движения, пространства, времени, закономерности, качества, количества, причинности, противоречия, эволюции, революции, других категорий. Система этих категорий способна дать диалектическую модель объекта как самосогласованную связь атрибутов, воспроизводящих *всеобщее* онтологическое содержание любого объекта. Эта модель, система философских категориальных атрибутов остается в контексте постановки и решения основного вопроса философии.

В такой системе, представляющей бытие-как-процесс, характеризующей *процессуальность* бытия, «революция» раскрывает важнейший «принцип изменения бытия», дополняя «эволюцию». Если «все бытие обнаруживает себя как процесс» (К. Маркс), значит, революция носит всеобщий характер. Благодаря революциям бытие исторично, оно обретает «диалектическую необратимость». Процессуальность, или универсальная историчность, указывающая на *необратимость процесса бытия*, является «формой движения и сущностью всякого бытия», его «основной характеристикой» (Д. Лукач).

Собственно исторический (в узком смысле) уровень бытия появляется как закономерное возникновение человека, истории, общества, где революция принимает форму социальной революции, призванной преодолевать антагонистические противоречия в процессе развития общества. На выделении этого уровня исследования бытия, а, значит, и соответствующей модификации революции, в начале 1990-х гг. настаивал В.М. Межуев; здесь действительность приравнивается не к природе, а к человеческой практике как способу существования самой материальной действительности: «Материя, по Марксу, не только первична, но прежде всего практична, порождается, генерируется практикой». Такой подход в принципе соответствует концепциям ноосферы В.И. Вернадского и постнеклассической науки В.С. Степина, если учесть связь уровней определения бытия с наукой. Классическая наука XIX в. изучала простые системы, исключая все «человеческое», исключая он-

тологически и гносеологически. На рубеже XIX–XX вв. «человеческое» стало учитываться гносеологически – в неклассическом естествознании и зависимом от него материализме. В конце XX в. появляется постнеклассическая наука, исследующая сверхсложные системы, включающие в себя человека с его практической деятельностью и сознанием в качестве существенных моментов их организации и развития. В результате онтология восходит к «отношению» человека с миром. История продемонстрировала три типа *отношения* человека с миром: созерцательное, активистское и коэволюционное (М. Прохоров). Это открывает возможность исследовать «революцию» применительно к каждому из них и представить «революцию» как «поворот» (переворот) от одного типа мироотношения к другому. Соответственно этому, рабовладельческая революция происходила стихийно, в переходе от феодализма к капитализму в революции все большее значение обретает сознательная деятельность как необходимое условие дальнейшей трансформации общества.

3. *Революция и основные законы диалектики.* Революция, глубокое качественное изменение в развитии того или иного явления, тесно связана с основными законами диалектики, раскрывая внутренний механизм (технология) «переворота», прежде всего, на основе закона перехода количественных изменений в качественные. Она есть перерыв постепенности, качественный скачок в развитии. Она отличается от эволюции – постепенно-сти развития, и от реформы какой-либо стороны общественной жизни, сохраняющей основы существующей социальной структуры, остающейся в границах действия количественных изменений (К. Поппер).

Развитие характеризуется не только совершенствованием имеющегося (*старого*), но и формированием *нового*. Именно последнее привносит в развитие момент прерывности, уничтожая «предел», обусловленный господством старого, обнаруживая его относительность. Развитие выходит на новые рубежи, к возможности «крутого поворота» или «переворота». При этом возникает проблема согласования нового со старым, «имеющимся», и включение нового в развитие. «Включение» оказывается более или менее трудным и длительным процессом. «Отпочковавшееся» новое может представляться какое-то время согласующимся с основами старого, от которого оно отделилось, будучи носителем нового содержания, начинающим определять характер процесса развития. Но пока сохраняется видимость общности основ старого и нового, даже при неопределенности характера этой общности, о революции говорить преждевременно (например, в концепциях «конвергенции» и «социального государства»). Революция подводит исследователей «к осознанию диалектического характера процессов» (Ф. Энгельс), демонстрируя превращение движущейся материи из одного состояния в другое, непримиримое с ним (В.И. Ленин).

Преодоление одних рубежей развития сопровождается выходом на новые. В этом заключается важнейшая *позитивная* сторона революции. Позитивная и негативная (*отрицающая* сторона) революции в их единстве выражают прерывность прогресса, принцип релятивности, отвергая «неизменность» не только явления, но и сущности (материи-как-субстанции). В.И. Ленин видел сущность «диалектического» в «развертывании всей совокупности моментов действительности». Значит, революция есть переход от неполного, частичного развертывания «моментов действительности» к более полному и всеохватывающему. Она не просто поднимает развивающееся на новую ступень, но преобразует его, синтезируя новое и старое, которые прежде казались оторванными друг от друга, невзаимосвязанными. Преобразование старого означает его «снятие», с удержанием всего положительного, имеющего содержательную ценность для нового. Революция как разрыв не-

прерывного хода развития бытия не обрывает его, не лишает его внутреннего единства, а поднимает его на новую, более высокую и содержательную ступень. Поступательное развитие идет через единство прерывности и непрерывности, новизны и преемственности.

4. *Революция и/или «конец истории» – главная проблема современной глобализации общества.* В условиях глобализации ведущим противоречием-проблемой становится спор между сторонниками конца истории, которая якобы навсегда окажется (останется) историей капитализма (шире – «вторичной формации»), где будут иметь место исключительно реформы, «количественные изменения» к лучшему, но никогда не произойдет коренного, качественного преобразования, ведущего к за(с)мене капитализма и/или «вторичной формации» (к преодолению социальных антагонизмов), и противниками такой позиции, сторонников ведущей роли коренных, качественных перемен. Концепция «конца истории» впервые была высказана еще К. Поппером («Открытое общество и его враги»). Ф. Фукуяма лишь модернизировал ее. К. Маркс стоял на революционной позиции действия закона не только количественных, но и коренных, качественных перемен в основаниях всей общественной жизни. Сегодня этот спор по-прежнему находится в центре исследований – в форме противоречия позитивной (классической) диалектики и диалектики негативной.

Литература:

1. Голенков С.И. Концепция различия Ж. Делеза (Глава 1. «Различие само по себе», ч. 2) // Конев В. Трансцендентальный эмпиризм Жилья Делеза. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 26–33.
2. Комарова В.Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. СПб.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 264 с.
3. Кузнецов В.Н. Проблема значения понятий «материалисты и материализм» в новоевропейской философии XVII–XVIII веков // Историко-философский альманах. Вып. 2. М.: Современные тетради, 2007. С. 55–77.

References:

1. Golenkov S.I. Konceptcija razlichija Zh. Deleza (Glava 1. «Razlichie samo po sebe», ch. 2) // Konev V. Transcendental'nyj jempirizm Zhilja Deleza. Samara: Samarskij un-t, 2001. S. 26–33.
2. Komarova V.Ja. Uchenie Zenona Jelejskogo: popytka rekonstrukcii sistemy argumentov. SPb.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1988. 264 s.
3. Kuznecov V.N. Problema znachenija ponjatij «materialisty i materializm» v novoevropskoj filosofii XVII–XVIII vekov // Istoriko-filosofskij al'manah. Vyp. 2. M.: Sovremennye tetradi, 2007. S. 55–77.

Сведения об авторе

Михаил Михайлович **Прохоров**, доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 323.27

ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИИ КАК ЛАКМУСОВАЯ БУМАГА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ

Ф.Ф. Серебряков, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия), e-mail: fanserebr@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается, как то или иное отношение к революции, прежде всего социальной, в значительной мере определяет и отношение к другим общественным феноменам, сказывается на исторических и социально-политических воззрениях.

Ключевые слова: революция, социальная революция, история, общественное сознание, интеллигенция.

AN ATTITUDE TO REVOLUTION AS A TEST-PAPER OF A SOCIAL-POLITICAL OUTLOOK

Abstract. This paper presents that an attitude to revolution, particularly to social revolution, considerably determines the attitude to other social phenomena and affects a historical and social-political outlook.

Keywords: revolution, social revolution, history, social consciousness, intelligentsia.

Отношение к революциям, сложившееся у нас в постсоветский период в политической и идеологической среде, как консервативно-официозной или «почвеннической», так и либеральной (единодушных, однако, в своём негативном отношении к Октябрьской социалистической революции), очень напоминает отношение к философии Эпикура, установившееся в европейских умах, благодаря стараниям и искренним в том убеждениям и античных, и христианских авторов, – уподобление Лютером древнегреческого философа свинье отнюдь не самое грубое и ругательное, что при этом досталось возделывателю афинского Сада, мечтавшему избавить людей от всевозможных страхов и предрассудков. Дидро, конечно, имел все основания заявить, что философия Эпикура – самая оклеветанная в истории философская система.

Надо сказать, что порой и иным серьёзным исследователям не удаётся вполне скрыть это устоявшееся в некоторых философских традициях отношение к Эпикуру даже за подчёркнуто-объективистской, «научной», позицией, внешне беспристрастным тоном изложения. Делается это в таких случаях указанием на отсутствие у него философской оригинальности, глубины, подчёркиванием его равнодушия к теории, «науке», «узости» его взглядов, указанием на элементарность, простоту, неприязнительность его учения. Любопытно, что это, в разной степени, мы наблюдаем, например, и у неокантианца В. Виндельбанда и в «Истории философии» профессора и иезуитского священника Фредерика Коплстона, и (значительно меньше) у позитивиста Джорджа Льюиса в его версии истории философии, хотя последний и называет «предрассудком» предубеждение против философии Эпикура. В этом случае, конечно, совершенно непонятным становится тот великолепный

гимн афинскому мудрецу, который слагает Лукреций: «Он, превзошедший людей дарованием своим и затмивший Всех, как и звёзды, всходя, затмевает эфирное солнце!».

Есть ведь и другая оценка Эпикура: «величайший греческий просветитель» [4, с. 64], как писал о нём молодой Маркс, сделавший, как видим, иной вывод из того же самого материала, которым располагали и уважаемые профессора философии. Нетрудно предположить, что за разными оценками такого принципиального и представительного «теста» для обнажения (или «разоблачения») собственной, исследователя, мировоззренческой позиции, каким является фигура Эпикура, скрывается разное отношение и ко многим другим феноменам из истории философии.

Подобно этому (как бы это сравнение кому-то ни казалось натянутым) и отношение к революции опосредует, во многом, определяет отношение к другим общественным феноменам, является своего рода лакмусовой бумагой, позволяющей «засветить» как общий строй политического мировоззрения индивида, так и предположить конкретные исторические и социально-политические воззрения. Почему? Революция (я имею в виду социальную революцию, затрагивающую и переворачивающую, как плуг пласты земли, все аспекты социальности и индивидуального бытия) – самый кардинальный, самый фундаментальный и самый драматичный из всех социальных катаклизмов (даже по сравнению с войной: войны могут объединять социумы, революции их всегда разрушают, разрывают «связь времён», чтобы, правда, выстроить новую). Но здесь требуется несколько уточнений.

Очевидно, что изменение отношения к революции вообще, Октябрьской, прежде всего, является одним из важнейших идеологических следствий той ситуации («потеря прежних ценностных ориентаций»), которая возникла из смены общественной формации и которую А.А. Зиновьев характеризует так: «Всё высшее политическое, всё военное руководство, вся интеллектуальная элита оказались предателями, предали страну, народ и себя самих» [2, с. 67]. Конечно, оно обнаружилось не в умах поголовно всех, имевших прежде о ней определённое представление, жителей страны, но, преимущественно, именно «интеллектуальной элиты», что ещё не совпадает с интеллигенцией вообще, но умы обывателя, привыкшего доверять СМИ и авторитету «известных» писателей и артистов, оно затронуло тоже нешуточно.

В чём выражается это изменение? Это, конечно, не является каким-то «биномом Ньютона». Приведём его описание, сделанное одним современным российским автором, вполне адекватное, на мой взгляд. «Громадные потери, – пишет Р.Я. Евзеров, – которое понесло при этом (в XX веке во времена войн и революций. – Ф.С.) человеческое общество, побуждали к формированию резко негативного отношения к "революционным потрясениям", противопоставлению им "спокойных реформ"» [1, с. 3].

Это одна из причин, причём для конкретных, «живых» людей, выступающая определяющей. Так, должно быть, настроены думать и чувствовать люди, прошедшие через горнило современных «цветных революций», так оценивали бы «революционные потрясения», оживи они, и аристократы, и санкюлоты, прошедшие все круги Террора во времена Французской революции, или россияне, пережившие «окаянные дни» русской революции и гражданской войны. Это понятно. Понятно было бы также, если бы именно этим гуманистическим соображением (а не чем-либо иным), то есть вполне искренно была бы мотивирована отрицательная оценка революции и историками – всё же ведь люди-человеки, куда денешься. Понятно, но вряд ли достаточно в качестве позиции ученого историка, науч-

ного исследователя – не плакать, не смеяться, не ненавидеть, но понимать, говорил Спиноза.

Если бы выставленного объяснения было бы достаточно для «резко негативного отношения» к историческому событию, его неприятия, то, например, следовало бы отрицательно отнестись к самому факту согласия ленинградцев во время Великой Отечественной войны лучше находиться в блокаде, чем сдавать город, ибо, чтобы избежать многотысячных жертв, надо было сдать город, объявить его открытым городом, как это сделали цивилизованные парижане со своим городом. Мы знаем, есть ведь в некоторых кругах этой самой «интеллектуальной элиты» и такая точка зрения. И объяснение очень трогательное и человеческое: нет ничего дороже человеческой жизни. Только вот не каждому веришь, когда он приводит эти аргументы в качестве мотивов собственных поступков и оценок.

И со Сталинградом можно было бы не так горячиться – зачем столько жертв во имя защиты руин. И 300 спартанцев напрасно пожертвовали своими жизнями – всё равно ведь персы вошли бы в Элладу. И ведь вошли... Ясно, что примеров такого рода, когда событие заслуживает отрицательной оценки в силу названной мотивировки, – что называется, вагон и маленькая тележка.

В основе приведенного выше отрицательного отношения к революции и противопоставления ей «спокойных реформ» лежит, что очевидно, представление о том, будто революции происходят по злему умыслу и злему деянию бланкистов и прочих «запломбированных» большевиков, ну, а реформы, ясное дело, – доброжелателей народа, вроде Столыпина или Александра Освободителя.

Своеобразным проявлением подобной позиции являются и весьма забавные, но сделанные с апломбом и даже некоторой театральностью заявления-лозунги, что «Россия исчерпала лимит на революции», точно История, как педантичный аптекарь или занудный бухгалтер, отвешивает революции по дозам, как чиновник в старом советском министерстве по-барски распределял фонды, а они, эти заявители, являются её, Истории, полномочными представителями, призванными доносить до смертных её приговор. За этим, конечно, стоит, в лучшем случае, поверхностность, некомпетентность (если не невежество), отсутствие привычки думать, причём, самостоятельно и со знанием дела. Революции, если уж до них дошло или до них довели дело, не задаются вопросом «быть или не быть», просто бывают.

Но в любом случае итог мы имеем один: как справедливо продолжает цитированный выше доктор наук Евзеров Р.Я., такое отношение к революции ведёт «в конечном счёте, к искажённому представлению о революциях, их обусловленности и роли, механизмах их движения» [1, с. 3]. А если иметь в виду, что такое отношение к революции «к тому же "опрокидывается в прошлое", влияет на освещение и интерпретацию» [1, с. 3] прежних революций, революции вообще и связанных с ней исторических событий, то мы имеем поистине великую клевету и великую фальсификацию истории. Как тут не возникнуть аналогии с оклеветанным Эпикуром.

Однако «резко негативное отношение к революции» и набор самых непочтенных эпитетов, сопровождающих одно только упоминание о ней, вызваны, чаще всего, не этой скорбью о «потерях, которые понесло человечество» в результате их, а той идеологической ситуацией, образовавшейся по причине смены общественной формации, о которой применительно к нашей стране было сказано выше, то есть, проще говоря, вызвано сообщениями идеологическими, антисоциалистическими, буржуазными, по своей сути, даже

если ими руководствуются искренние «патриоты-почвенники». Ничего удивительного – в истории это не новость. Мы хорошо знаем из неё, истории, что носители и разработчики подобных взглядов встречались и среди потомственных дворян, и среди эстетствующей интеллигенции, и среди квалифицированных пролетариев, и среди профессоров философии.

Что же касается ситуации применительно к буржуазному миру вообще, то эта дискредитация-клевета на революцию, как известно, установилась уже давно. Она, например, хорошо демонстрируется эволюцией отношения в исторической и социологической литературе к Великой французской революции. Специалистам эта эволюция (даже на родине её, революции) хорошо известна. И объясняется она отнюдь не только расширением наших познаний о революции, как иногда пытаются представить дело, но именно торжеством, всеобщим господством буржуазности, буржуазных интересов и буржуазного отношения к человеку, миру. Ибо, как ни крути, а революция «представляет собой разновидность прогрессивного ...типа изменений, противостоящую изменениям консервативным, реакционным, регрессивным» [1, с. 3]. Именно с такими изменениями ассоциируется революция вообще и поэтому, когда мир, Европа левели, был и возвышенный образ революции и в общественном сознании, и в исторической литературе, и в настроениях. Это сказывалось даже в школьных программах. Так, французский автор Ж.Б. Кошнен пишет: «Изучению истории Французской революции в 1950-х гг. было отведено [во французской школе] основное место в программе [по истории] начального цикла, а в 1960–1980-х гг. – в программе средней школы» [3, с. 58]. Но, когда мир и Европа сдвигались вправо (а, особенно, после «исторического поражения коммунизма» и установления капиталистической реакции), складывался и в общественном сознании, и в литературе, и среди «интеллектуальной элиты», и в СМИ, и (под их воздействием) у обывателя совсем иной образ революции – негативный, фальсифицированный и оклеветанный.

А когда речь заходит об Октябрьской социалистической революции, сказанное, по понятным причинам, становится справедливым тем более.

Можно, вероятно, заключить, что по тому, какую репутацию в общественном сознании имеет революция, можно судить, находится ли социальная цивилизация в стадии изменений прогрессивных либо консервативных, регрессивных.

Полагаю, из всего ранее сказанного ясно, что разное отношение к революции предопределяет и разное отношение к другим историческим событиям, является лакмусовой бумагой политического мировоззрения индивида, его социально-политических взглядов.

Так, равно и в либеральной, и в «консервативно-патриотической» литературе и Ленин, и другие революционеры, – в лучшем случае, «фанатики» (см., например, журнал «Загадки истории», 2016, № 1–2, с. 18), декабристы – предатели, честолюбцы и обманщики, Н.Г. Чернышевский сотоварищи предстаёт не более, чем, говоря словами Юркевича П.Д., «философом петербургских трущоб»; не делавшие, по словам А.И. Герцена, чести поэту несправедливые и уничижительные оценки Пушкиным А.Н. Радищева становятся своего рода руководством. А Столыпин, Врангель и Деникин – подлинными героями России.

Ясно, что оценки и акценты будут иными, если мы и главное событие оценим иначе. Вот так, например, как это делает А. Зиновьев: Октябрьская революция есть «самый дерзкий и самый великий в истории социальный эксперимент» [2, с. 222].

Литература:

1. Евзеров Р.Я. Революция на марше: Германия в 1918–1919 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. № 1. С. 3–9.
2. Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.
3. Кошнен Ж.Б. Герои истории и уроки истории: опыт французской школы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. №1. С. 57–62.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 690 с.

References:

1. Evzerov R.Ja. Revoljucija na marshe: Germanija v 1918–1919 gg. // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniija v shkole. 2004. № 1. S. 3–9.
2. Zinov'ev A.A. Ja mechtaju o novom cheloveke. M.: Algoritm, 2007. 240 s.
3. Koshnen Zh.B. Geroi istorii i uroki istorii: opyt francuzskoj shkoly // Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniija v shkole. 2004. №1. S. 57–62.
4. Marks K., Jengel's F. Iz rannih proizvedenij. M.: Gospolitizdat, 1956. 690 s.

Сведения об авторе

Фаниль Фагимович **Серебряков**, кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 179.8

ДЕКОНСТРУКЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ: КАК ОТНОСИТЬСЯ К РЕВОЛЮЦИИ?

Д.А. Скородумов, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: daskorod@gmail.com

Аннотация. В статье производится попытка дать анализ революции с помощью методов современной философской мысли, с привлечением идей Ф. Ницше, Ж. Деррида.

Ключевые слова: революция, мораль, Ницше, Деррида.

DECONSTRUCTION OF REVOLUTION: HOW TO RELATE TO REVOLUTION?

Abstract. The article tries to give an analysis of the revolution with the help of modern methods of philosophical thought, with the involvement of the ideas of Friedrich Nietzsche, Jacques Derrida.

Keywords: revolution, moral, Nietzsche, Derrida.

Чем является революция и как следует к ней относиться? Что такое революция – локомотив истории или её стоп-кран? Служит ли она целям прогресса и увеличению уровня благосостояния людей или, наоборот, приводит к нищете и упадку? Эти вопросы для нашего народа, традиционно определяемого в виде народа любящего крайности, не просто праздная мысль, но положение, требующее продумывания и сливающееся затем с соответствующим действием.

Адекватное осмысление революции должно осуществляться из адекватной топики. Адекватной (то есть единичной, соответствующей) чему? Текущей ситуации или текущей форме развития мирового духа, выражающего себя, в первую очередь, через метафизику. Если понимание не будет исходить из сегодняшнего состояния мирового духа, то оно будет заведомо устаревшим, потерявшим силу и ложным, не способным высказать ничего существенного – затрагивающего саму суть дела, становящуюся и осуществляющуюся теперь.

Первый вопрос, который ставится перед нами: а почему мы вообще должны оценивать революцию, исходя из категории развивающейся истории и прогресса? В этом положении допущены как минимум две лукавые презумпции: 1) что тот способ, которым мы должны подходить к революции – это способ оценки с помощью объективных и научных методов, 2) что эта оценка должна происходить согласно с идеей «прогресса».

Что если оценить какое-то явление или действие с помощью объективных, научных и интеллектуальных методов просто невозможно? Что если оценка того или иного явления, в конечном счёте, сведётся не к тому, на чьей стороне будет истина, но к тому, на чьей стороне будет достаточное количество некоего ресурса. Та эпоха, в которой мы живём и которая началась как минимум в XIX веке, – это эпоха *воли к власти*, воли, которая получила право утверждать, устанавливать и полагать ценности [4, с. 143–176]. Ещё И. Кант устано-

вил, что разум может доказать и опровергнуть что угодно, если дело касается сверхчувственной области [2, с. 327], а область этики является именно таковой, ибо там нет строгих доказательств. Ницше же, получается, лишь дошёл до логического конца его рассуждения, выразив мысль о том, что все элементы некогда блистающего и определяющего бытие сверхчувственного мира, все блага и добродетели человечества стали ...ценностями. То есть теми, скажем так, «идеями», которые полагаются по произволу воли, исходя из некоего консенсуса людей, исходя из того или иного способа приложения воли к власти. Хотя ещё некоторое время назад эти ценности были объективными идеями, реально определяющими способ существования людей в Европе и мире, идеями, наделёнными *мироморфической* силой. Но состояние мирового духа изменилось, возможно, даже так, что, исходя из сегодняшнего его состояния, эти ценности уже никогда и не были не ценностями. Всё это говорит о том, что дать объективную оценку событиям революции попросту невозможно, *так как нет самой объективности*, и вопрос будет сводиться всегда лишь к тому, в чьей из дискутирующих сторон, при отстаивании своей позиции, воля к власти окажется более могущественной.

Традиционная критика идеи прогресса заключается в том, что прогресс оказывается религиозной идеей, в которой обожествляется будущее, которому в жертву приносится настоящее и прошлое. Действительно, в чем заключается прогресс? В увеличении разнообразия элементов общества? Но к чему всё это увеличение? Оно имеет смысл только, если мы допустим, что в конце всё это «развитие» приведёт к такому состоянию, в котором все противоречия будут сняты и жизнь станет более полной и счастливой, что она станет некоторым раем. Хотя становится непонятно, чем в этом рае будут заниматься люди, и как будут поступать с теми, кто не захочет жить в этом раю. Но само это «общество всеобщего благоденствия», по сути дела, – очередная регулятивная идея разума, чьи основания сегодня безвозвратно подорваны. А без отсылки к конечной точке развития, о каком развитии, а, стало быть, прогрессе может идти речь? Лишь о бесконечном изменении и усложнении, о росте комфорта. Хотя вопрос о том, действительно ли растёт комфорт людей, – остаётся открытым. Как и тот вопрос, а нужен ли людям этот комфорт?

Поэтому ничто нас вообще не заставляет оценивать революцию с точки зрения её *полезности*, которая, в конечном счёте, оказывается полезностью для здоровья или для чьего-то кошелька. Всё равно, вредна ли революция для общества, так как она подрывает его силу, заставляет людей страдать, мешает планомерному и обстоятельному развитию, вносит хаос и неразбериху в общество; или же полезна, в силу того, что позволяет обществу освободиться от старого, сковывающего и не дающего идти груза истории, традиций и пережитков, позволяет перейти к новым производственным отношениям, создать обновлённую, более соответствующую эпохе «прогрессивную» мораль и сознание. Это всё совершенно неважно, так как мышление, которое основывается на понятии «пользы» и «блага» «общества», является 1) лишь одной из форм мышления, требующей достаточного основания, чтобы встать на её сторону, 2) формой с изначально подорванным основанием, заблуждающимся в самом себе, в силу полагания в качестве основания того, что основанием не является. Ибо не «благо» суть начало, а «воля к власти».

Но если небеса идей рухнули, то что же осталось? Что стало тем мерилom, с помощью которого мы можем охватить, если мы, конечно, можем это сделать, существо революции? Если сверхчувственное пропало, то, видимо, осталось лишь чувственное – напрашивается ответ? Чувственное, в качестве наших «естественных» стремлений, инстинктов,

импульсов, исходящих из нашей животной природы, и воздействующих на неё. Однако на деле оказывается, что чувственное исчезло вместе с исчезновением сверхчувственного, так как являлось его другой стороной [1, с. 116]. Холод существует лишь постольку, поскольку существует жар, а верх, – так как есть низ. Если исчезает один из элементов оппозиции, второй теряет смысл, так как разрушается само пространство, которое придавало смысл этим элементам. Посему с исчезновением сверхчувственного и чувственное становится чем-то другим. Это уже не такое чувственное, которое могло бы забыться в своих животных наслаждениях и естественной природной жизни, так как подобная естественная жизнь была плодом определённой философии, которая перестала действовать. То, что мы имеем перед собой, можно назвать смесью чувственного и сверхчувственного. Истина сверхчувственного мира упала на землю и растворилась в плоти, одухотворив собой материю, что дало человеку возможность рожать истину – настоящую Истину, а не только лишь блеклое мнение – исходя из своей полноты жизненных сил, действующих, бурлящих и требующих своего оформления и воплощения. Вот только эта Истина одновременно является настоящей ложью (а ничем другим она и не может являться в силу падения небес). Однако, как это понять, ведь в таком случае мы имеем дело с явным противоречием? Истина становится интерпретацией или в виде полемоса – бесконечно бурлящего языкового котла, в котором кипит нескончаемая языковая война одного против другого. Истина, как интерпретация, с одной стороны, в конкретный момент времени, в определённом срезе является истинной; но одновременно незавершенной и неполной, предполагающей своё продолжение и переименование [3].

Поэтому ничто не мешает рассмотреть революцию с тех или иных позиций. Например, с позиции вечности. Время рано или поздно закончится, коль скоро оно началось. Вселенная исчезнет и не останется ничего и никого. Что в этом плане будет означать революция? Ничего. Была она или нет – это не имеет никакого значения, равно как и все остальные вещи. Так как в итоге всё закончится одним. Все действия же человека продиктованы лишь какими-то внешними и случайными побуждениями, которые не имеют, в общем-то, никакого конечного смысла, а, соответственно, могут быть любыми. Ибо смысл действий, их этическая ценность возникает лишь при многократном уменьшении масштаба. Если наше интеллектуальное око перестаёт обзирать вселенную в своей вечности и нисходит до теперешней конкретной ситуации, то, соответственно, у нас и возникает, к примеру, жалость к обездоленному или страдающему. Но с точки зрения «вечности», повторяю, всё это лишено смысла, и жалости достойны все, в том числе и ныне живущие и здравствующие. Соответственно, революция с такой точки зрения безразлична, её можно как приветствовать, так и опровергать. Это будет зависеть, в конечном итоге, от того, чего захочет твоя жизненная сила в данный момент, и что она примет за истину.

Ничто не мешает поставить во главу, к примеру, логику христианского взгляда на революцию, коль скоро это понимание и переживание революции будет высказано честно и открыто, из полноты христианского мироощущения, насколько бы безумными или нелепыми не казались бы выводы и мысли.

Христианские чаяния направлены в конечном итоге на одно (согласно символу веры) – на момент страшного суда и окончание истории, на тот момент, когда время, отпущенное человечеству, закончится и явится Бог, который будет судить живых и мёртвых. Человеческая история включает в себя череду изменений и событий, истощение которых приведёт к скорейшему наступлению свершения времени. Соответственно, по-христиански верным

будет приветствовать революцию в качестве символа приближающегося Царства Божия. С другой стороны, надо понимать, что революция, по своему определению, – то, что причиняет боль, страдания и скорбь. Но, в конечном счёте, они неизбежны и наступят так или иначе, ибо время человеческое выйдет. С другой стороны, революция – это то, что вовлечёт человека в новые свершающиеся события и, тем самым, приблизит завершение истории.

Таким образом, исходя из сегодняшнего состояния метафизики, адекватно заявить, что революцию невозможно оценить объективно, с позиции надчеловеческого «блага», так как его нет. Всё зависит от того, как человек проинтерпретирует революцию и своё к ней отношение (если, конечно, он будет этим заниматься). Возможно, это и было бы самым революционным сегодня – мыслить и интерпретировать революцию не в русле классических концепций (что было бы блужданием по кругу), но в духе современной философии.

Литература:

1. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: AD MARGINEM, 2000. – 511 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. – М.: ЭКСМО, 2007. – 736 с.
3. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс. – URL: http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt_with-big-pictu. (дата обращения: 13.03.2016).
4. Хайдеггер М. Слова Ницше Бог мёртв // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 143–176.

References:

1. Derrida Zh. O grammatologii. – M.: AD MARGINEM, 2000. – 511 с.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma. – M.: JeKSMO, 2007. – 736 с.
3. Fuko M. Nicshe, Frejd, Marks. – URL: http://www.lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt_with-big-pictu. (data obrashhenija: 13.03.2016).
4. Hajdegger M. Slova Nicshe Bog mjortv // Voprosy filosofii. – 1990. – № 7. – S. 143–176.

Сведения об авторе

Дмитрий Анатольевич **Скородумов**, аспирант кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 1:3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «РЕВОЛЮЦИЯ» И «ЭВОЛЮЦИЯ» В ЛОГИКЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ МИРА

А.И. Субетто, Смольный институт Российской академии образования (Санкт-Петербург, Россия), subal1937@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена методологической проблеме инвариантности и цикличности развития, в котором революция есть неотъемлемый компонент эволюции. Формулируется выведенный автором периодический закон наступления революций как качественных скачков между циклами любых систем.

Ключевые слова: эволюция, революция, периодический закон наступления революций.

METHODOLOGICAL QUESTION OF THE CORRELATION BETWEEN CONCEPTS «REVOLUTION» AND «EVOLUTION» IN THE LOGIC OF A SCIENTIFIC COGNITION OF THE WORLD

Abstract. The article is devoted to the methodological problem of invariance and rhythm of development in which revolution is an integral part of evolution. The author formulates his own periodical law of revolutions' emergence as qualitative leaps between cycles of any system.

Keywords: evolution, revolution, periodical law of revolutions' emergence.

Возникает методологический вопрос – очень важный для научного познания логики истории как социальной эволюции: каково соотношение между «эволюцией» и «революцией», является ли «революция» моментом любой прогрессивной эволюции или же она является антиподом эволюции, ей противостоит, нарушает ход эволюции, т.е. противостоит её законам?

Этот методологический вопрос может быть переведен и в плоскость философии истории, поскольку история и есть социальная эволюция. В этом случае вопрос может быть сформулирован и так: является ли революция неотъемлемым элементом хода истории, или же возможна, хотя бы в будущем, история без революций?

Дискуссия по этому поводу в общественном сознании, в социологии, в философии в явном или неявном виде идет уже давно. Ключевой момент в ответе на этот методологический вопрос состоит в сущности прогрессивной эволюции, т.е. эволюции, сопровождающейся ростом сложности эволюционирующих систем.

Может ли существовать «эволюция» в ее прогрессивном значении только как медленное, постепенное накопление изменений, закрепляемых в структуре эволюционирующих систем? Положительный ответ формирует «кумулятивную парадигму» трактовки эволюции. Многие ученые, социологи, философы, которые заражены «революциофобией», стоят на позиции этой парадигмы. Но эта парадигма есть, конечно, ложь, она далека от истины, она пренебрегает диалектическими законами перехода количества в качество и отрицания отрицания (по Гегелю), за которыми стоят системогенетические законы ин-

вариантности и цикличности, спиральности развития.

Ответ автора на этот методологический вопрос состоит в следующих аксиомах (постулатах).

Аксиома 1. Нет прогрессивной эволюции, моментом которой не была бы революция.

Аксиома 2. Переход от одного цикла эволюции по спирали ее «движения» («развития») к другому циклу и есть революция, означающая собой смену качеств (от качества, представляемого одним циклом, к качеству, представляемого циклом развития, пришедшему на смену предыдущему циклу).

Аксиома 3. Спираль любой прогрессивной эволюции калибруется на циклы революциями, смысл которых в смене качеств или, другими словами, в качественных скачках.

Аксиома 4. Развитие или эволюция любой системы имеет периоды постепенного накопления изменений и периоды революций, сопровождающиеся качественными скачками.

Аксиома 5. Революции – это всегда качественные скачки, которыми калибруется и квантуется на циклы эволюция. Наличие в иерархии системного описания мира циклов разного масштаба, образующих иерархию циклов, сопряженную с иерархией систем, определяет революции разной глубины и масштабности, соответствующие масштабности циклов, смена качеств которых и образует их содержание.

Аксиома 6. В эволюции, как синониме прогрессивной эволюции или развития, всегда есть периоды инволюции, т.е. процессов деградации, «упрощения» эволюционирующих систем, когда эволюция в своем ходе «отбрасывается назад». «Качественный скачок» со знаком минус, т.е. не по линии прогресса, а по линии регресса, и есть «революция со знаком минус» или же «контрреволюция».

Аксиома 7. Если революция всегда является качественным скачком по линии прогресса эволюции, то контрреволюция всегда направлена против революции, она пытается «законсервировать» предыдущее состояние или качество, достигнутое эволюцией.

Итак, революция – неотъемлемый компонент эволюции.

Автором ранее [2] было показано, что закон инвариантности и цикличности развития порождает *вторичный закон*, как следствие действия первого закона, – закон периодической кризисности развития любых систем. А кризис, как правило («как правило» означает, что данное явление не наступает с вероятностью равной единице, т.е. стопроцентно), сопровождается революциями. Поэтому можно говорить о *периодическом законе наступления революций*, сканирующем ритм спиральности развития любой прогрессивной эволюции.

Открытый автором закон спиральной фрактальности системного времени, обобщающий принцип Э. Геккеля «онтогенез повторяет филогенез», в соответствии с которым любой системоонтогенез в любой прогрессивной эволюции повторяет системофилогенез, позволяет расширить представления о механизмах действия периодического закона наступления революций: системновременная структура периодичности революции в системоонтогенезе повторяет системно-спиральнофрактально системновременную структуру периодичности революций в системофилогенезе.

Например, периодические кризисы и качественные изменения в структуре физиологии человеческого организма, а также в психической его организации (кризис одного года, кризис трех лет, кризис 5 лет, кризис 12 лет и т.д.), могут трактоваться как «революции» в онтогенетическом развитии человека, которые повторяют соответствующие «револю-

ции», как качественные скачки в прогрессивной биологической эволюции, в том числе в антропоэволюции или антропогенезе.

Качественные скачки между циклами развития той или иной системы, т.е. революции, могут генерироваться внешними или внутренними циклозадатчиками. Внешние циклозадатчики отражают циклы развития надсистем по отношению к данной системе, т.е. циклы развития разной масштабности внешней среды. Эти внешние качественные скачки индуцируют качественные скачки – «революции» – извне. А.Е. Куликович сформулировал «уравнение Рока» или «уравнение таймфинчей» (сочетающего в себе два уравнения – «уравнение черных клавиш» и «уравнение белых клавиш»), развивающее, применительно к спирали прогрессивной космогонической эволюции, авторский закон дуальности управления и организации систем (как генератор циклов в эволюции), и, фактически, определяющее достаточно точно межцикловые качественные скачки – революции [1, с. 139–151].

В биосферной эволюции наблюдаются периодические катастрофы, которые резко меняли «вектор» прогрессивной эволюции живых систем на Земле. Эти катастрофы отражают какую-то внешнюю ритмику (цикличность) катастрофического воздействия из Космоса на Биосферу Земли, например, циклы периодом в ~ 80 и ~ 120 миллионов лет, отражающие зоны неоднородности структуры Галактики, которые пересекает Солнечная система в течение «галактического года», т.е. за один оборот вокруг центра Галактики.

Каждая такая катастрофа предстает и как революция в эволюции Биосферы Земли. Например, катастрофа Биосферы, вызванная внешним фактором около 80 миллионов лет назад, приведшая к гибели огромного количества видов из «хладнокровных», в частности динозавров, предстала как революция в биологической эволюции, выведшая на «передний край» как «локомотив развития» млекопитающих («теплокровных»), эволюция которых и привела около 5–10 миллионов лет назад к появлению протогоминид, эволюция которых, в свою очередь, породила современного человека и социальную эволюцию (или историю человеческого общества), экологический кризис которой мы, человечество, переживаем на рубеже XX и XXI веков в летоисчислении от Рождества Христова.

Внутренние циклозадатчики задают периодические качественные скачки или революции по внутренней логике развития той или иной системы. Например, качественный скачок в эволюции Биосферы от одноклеточных организмов к многоклеточным организмам около 800 миллионов – миллиард лет назад, с одновременной качественной перестройкой энергетики поддержания жизни (переход на «кислородную энергетику»), произошел по внутренним причинам.

К чему бы познающий ум человека не прикоснется, т.е. в любой прогрессивной эволюции любого «мира систем», он не может не заметить действие определенного автором периодического закона наступления революций.

Например, в эволюции науки мы наблюдаем периодически происходящие парадигмальные революции, т.е. периодическую смену оснований и картины мира, на которых эта наука базируется. Очевидно, можно говорить и о революциях, сопровождающих эволюцию культуры. Эпоха Западноевропейского Возрождения может трактоваться как великая парадигмальная культурная революция, затронувшая взгляд европейца на предназначение человека и культуры. В истории китайской культуры можно говорить о конфуцианской парадигмальной культурной революции. Автором доказывается, что Россия в своей культурной истории породила Эпоху Великого Русского Возрождения (с начала XVIII

века по нынешнее время) с ноосферно-космическим вектором устремлений, которая может рассматриваться и как великая русская парадигмальная культурная революция [3].

Литература:

1. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке: Коллективная монография / Под науч. ред. А.И. Субетто. СПб.: Астерион, 2003. 592 с.

2. Субетто А.И. Зов Будущего: мир, человечество и Россия на пути к ноосферной гармонии / Под науч. ред. В.Т. Пуляева. СПб.: Астерион, 2014. 634 с.

3. Субетто А.И. Эпоха Русского Возрождения (Титаны Русского Возрождения). СПб., Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 500 с.

References:

1. Vernadskianskaja revoljucija v sisteme nauchnogo mirovozzrenija – poisk noosfernoj modeli budushhego chelovechestva v XXI veke: Kollektivnaja monografija / Pod nauch. red. A.I. Subetto. SPb.: Asterion, 2003. 592 s.

2. Subetto A.I. Zov Budushhego: mir, chelovechestvo i Rossija na puti k noosfernoj garmonii / Pod nauch. red. V.T. Puljaeva. SPb.: Asterion, 2014. 634 s.

3. Subetto A.I. Jepoha Russkogo Vozrozhdenija (Titany Russkogo Vozrozhdenija). SPb., Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2008. 500 s.

— ● —

Сведения об авторе

Александр Иванович **Субетто**, доктор философских наук, доктор экономических наук, проректор, Смольный институт Российской академии образования (Санкт-Петербург, Россия).

— ● —

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 304.5

РЕВОЛЮЦИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ИЗЛОМЕ ЗАКОНОМЕРНОГО И ЖЕЛАННОГО (ТЕЗИСНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ)

А.Н. Фатенков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: kfa@fsn.unn.ru

Аннотация. Социальная революция, в её сущности и явленности, рассматривается в контексте перехода от классической диалектики объективного и субъективного к неклассической диалектике закономерного и желанного.

Ключевые слова: революция, диалектика, закономерное, желанное.

REVOLUTION IN THE DIALECTICAL CONTRADICTION OF THE LAW-GOVERNED AND DESIRABLE (THESES)

Abstract. A social revolution as an essence and a phenomenon is being viewed in the context of transition from the classical dialectics of the objective and the subjective to the non-classical dialectics of the law-governed and the desirable.

Keywords: revolution, dialectics, the law-governed, the desirable.

Революция – понимается ли она как прогрессистский прорыв к светлому будущему или как возвращение к непревзойдённому Золотому веку – несёт в себе и с собой существенное изменение потока времени: его ускорение, прерывность, возможный поворот вспять. Адекватное описание революционного процесса может быть только диалектическим: с легитимными содержательными парадоксами, с мыслимыми и снимаемыми умом противоречиями.

Диалектика как философское учение о развитии существует во множестве авторских версий и представлена несколькими концептуальными типами. Эвристически ценным оказывается её деление на классическую и неклассическую вариации. Хотя, по большому счёту, даже классическая диалектика, от Гераклита до Г.В.Ф. Гегеля, не вмещается полностью в собственно классическую, классицистскую мысль, всегда выказывая склонность к модернизму. В частности, к сопряжению высокого и низкого, восхитительного и ужасного.

Не притязая на исчерпывающую полноту в разграничении двух диалектик, обратим внимание на одну теоретически значимую между. Классическая диалектика в своём архетипе есть диалектика противоположностей, контрарностей (белое – чёрное), неклассическая – диалектика конкретных контрадикторностей, различностей, не полярно различающихся сторон (красное – чёрное, красное – белое). Контрарные инстанции и противостоят, и в значительной степени уравнивают друг друга. В контрадикторных отношениях неопределённость и нестабильность куда больше. Не ось, а ломаная линия, асимметричная фигура графически репрезентирует их.

Любопытная хроматическая символика. «Красное и чёрное» – роман Стендаля о пореволюционной Франции, чреватой контрреволюцией. «Красные» и «белые» – главные социальные силы русской революции в её военной фазе.

Революция есть экстремум, пик социальной кривой, образующийся при резком переходе от периода роста противоречий (не исключено, достаточно длительного) к периоду их быстрого и радикального снятия. Классическая диалектика объясняет событийный революционный поворот предельным обострением отношений между полярными, антагонистическими общественными силами, дополняя этот «дионисийский» тезис «аполлоническим» принципом соответствия, меры: объективно сложившиеся предпосылки назревших социальных изменений должны быть адекватно осмыслены и своевременно использованы наличествующим субъектом преобразований.

В.И. Ленин [2] в качестве первого из объективных признаков революционной ситуации формулирует знаменитое: «верхи» не могут, а «низы» не хотят жить по-старому. Тут же уточняется: без объективных обстоятельств, независимых от воли отдельных общественных групп, классов и партий, революция невозможна, даже потенциально; актуальной же она становится только с прибавлением субъективных обстоятельств: способности революционного класса на массовые действия, достаточные для слома, или хотя бы надлома, правящей власти.

Показательно, однако, что ведущий теоретик и политический лидер большевизма, говоря о важнейшей черте революционной ситуации, отклоняется от строгой терминологии марксистского классового учения и прибегает к метафорам. Конечно, социальные «верхи» и «низы» тоже полярны друг по отношению к другу, но на каждом из этих полюсов может располагаться не по одному классу. Не о чистом антагонизме пролетариев и буржуа у В.И. Ленина, очевидно, идёт речь. Да и как иначе, если всерьёз обсуждается возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране, притом крестьянской по составу населения.

Впрочем, и буржуазные революции затруднительно адекватно осмыслить через единственный антагонизм зависимых крестьян и господствующих феодалов. Буржуазные революции сословны по своему доминирующему характеру и движущим силам. Весь комплекс меж- и внутрисословных противоречий, заведомо не укладывающихся в бинарный схематизм, необходимо здесь принимать в расчёт. Неклассическая диалектика тут явно корректнее, предпочтительнее.

Элементы её мы обнаруживаем и у В.И. Ленина при анализе возможностей социалистической революции в эпоху империализма, крайне неравномерного экономического и политического развития отдельных государств. Он не только апеллирует к многосложным хитросплетениям объективно складывающейся революционной ситуации, но и зримо повышает роль субъективного фактора радикальных преобразований (уже и без того подчеркнутую в учении о революционной партии нового типа). В пореволюционных записках [3] им в очередной раз оправдывается (со ссылкой на К. Маркса) стратегическая гибкость революционной борьбы и комплиментарно пересказывается фраза Наполеона: «Сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уже видно будет». Если формирование авангардной партии как-то ещё можно списать на историческую необходимость и «объективность», то «ввязаться в серьёзный бой» – это исключительно по разряду субъективных рисков, человеческих желаний и хотений. Ни чувство долга, ни какая-то иная законосообразность не играют здесь уже главенствующей роли, но и не исчезают вовсе с горизонта.

В этой связи не обойти вниманием провокативный постмодернистский тезис: «Революционеры часто забывают или не хотят признавать, что революцию хотят и делают из желания, а не из долга» [1, с. 543]. Мысль, понятно, не лишена жизненных оснований, но и

не обладает особой бытийной и теоретической крепостью: акцентированное анти-долженствование, как и всякое анти, больно отрицаемым; оттенённое не-долженствование, как и всякое не, обременено единством различия и не единственно возможным – различными потенциальными единениями. Декларативное неприятие диалектики, случай Ж. Делёза показателен, подчас скрывает бунт одной из её неклассических вариаций против других и, главное, против классического диалектического канона. Не в классификационной клетчатке, разумеется, суть. Важно разобраться с реальным – без экзистенциальной недостачи и субъективистских приписок – соотношением закономерного и желанного.

Ремарка Ж. Делёза и Ф. Гваттари, игнорируя моральные трафареты, подталкивает к экзистенциально заострённому вопросу: зачем человек идёт в революцию? Вряд ли ради помощи ближнему или конкретному дальнему: таковую можно оказать, при желании, в любой текущий момент без масштабных социальных пертурбаций. Уж точно, не ради эмпирически удостоверяемого всеобщего счастья и верифицируемой вселенской справедливости: жизненный опыт неопровержимо свидетельствует, что даже по отношению к близким мы часто несправедливы, бессердечно множим их страдания, и общественный строй здесь ни при чём. Не хочется думать также, что революционер пленён абстракцией. Если отбросить, далее, тривиальные меркантильные соображения, садистские наклонности и параноидальное упоение чистой властью, то напрашивается здравый вывод: революция притягательна для человека возможностью установить или восстановить его единство со сверхиндивидуальной реальностью, во многом воображаемой.

Революция – не болезнь, какой её пытаются представить хронические оппортунисты, а лекарство от болезни, от душевного расстройства; одна из прописываемых культурой и историей микстур, сладкая с горьким послевкусием. Небеспричинно иронизируя по адресу фрейдизма, который невротически рассекает человеческое на природу влечений и культуру запретов, Ж. Делёз и Ф. Гваттари пишут в сердцах: «Психоанализ – это как русская революция, неизвестно, когда что-то пошло не так» [1, с. 91]. Но удивляться особенно нечему. Любая революция в определённый момент сворачивает на обочину или сползает в кювет. Так, во всяком случае, начинает воспринимать её вскоре участник-герой, устоявший перед соблазнами конформизма; так реконструирует её ход нелукавый наследник.

Революционный настрой – не привносимое извне смятение, не результат политической пропаганды (всегда дешёвой, какие бы деньги за ней ни стояли), а имманентно присутствующее человеку качество. И всё потому, что человек – это желающий воображала. Не желающая машина – ни в коем случае, не машина вовсе. Уж лучше животное (если определять-таки не из себя, из другого), но, перво-наперво, не стадное и не одинокое, не мыслящее и не производящее, а воображающее. Тут не обмануться: самый вычурный технический проект реализовать легче, чем отыскать диковинное живое существо, коим и сам ты на свете пребываешь. Воображение – не чета фантазии и вымыслу. Оно глубже и основательнее их, прочнее связано с реальной, не виртуальной, реальностью, настаивая на воплощении в ней. Оно образнее, а стало быть, конкретнее и содержательнее сухих логических проформ. Оно причудливее и живее механически правильного отражения. Желание, в свою очередь, и рациональнее, и сентиментальнее инстинктов. Желающий воображала – это здравый, незакомплексованный иррационалист: чаще – симпатяга с улыбкой на лице и грустинкой в глазах, нежели непроницаемо надменная особа невзрачной наружности; нередко – парадоксалист, но никогда – не догматик. Не талмудист, не мудрец – философ. Не

педант от силлогистики – диалектик. И в ней он видит не алгебру – поэтику революции. Поэзию, не отгороженную от прозы жизни.

В ленинской диалектике революции несколько уязвимых звеньев. И так, «верхи» не могут, а «низы» не хотят. Допустим. Необходимо, однако, разобраться: а чего хотят «верхи», хотят ли вообще чего-нибудь, и что могут «низы», могут ли что-нибудь вообще? Може-ние и хотение. Прелюбопытны и сами очерченные модальности, и связь между ними. О може-нии свидетельствует реальность хотения, и ничто иное. Как у мужчины в отношении женщины, и наличие хотения легко удостоверяется эмпирически. Неможе-ние ничего не го-ворит о хотении, его реальности или нереальности. Кризис «верхов», таким образом, мо-жет быть трояким: 1) они не могут и не хотят управлять по-старому; 2) хотят, но не могут; 3) могут, но не хотят. В.И. Лениным постулируется объективность неможе-ния «верхов», хотя не исключён, как уже показано, и другой расклад, с субъективной подоплёкой немочи, с не-хотением ими чего-то или с ничегонехотением. С «низями» другая морока. Не хотящие, они вместе с тем могут жить по-старому, а чаще всего и живут, покорно снося эксплуатацию, ведут себя не по-мужски и не вносят никакого вклада в революционную ситуацию. Далее. Нехотение и нежелание старой жизни «низями» не гарантирует их хотения и, тем более, може-ния жить по-новому. Вследствие чего они могут быть цинично использованы в роли стенобитного орудия (и не более) авангардными партийцами, которые, уж точно, желают по-новому жить.

В завершение – о заглавном диалектическом изломе желанного и закономерного. Желание есть хотение, становящееся може-нием. Пока человек остаётся существом при-родно-культурным, его желания небезосновны и склонны к возвращению. Отсюда с высо-кой долей вероятности вытекает их закономерность. Пусть некоторые из них незаконны с точки зрения общественной морали и права – но закономерны ли сами указанные соци-альные регуляторы, и если да, то насколько? Вопрос, собственно, и выносимый каждый раз революцией на обсуждение. Закономерность желания не умалит его – если сама она не закостенела в объективизме, если отказаться, наконец, от классицистского догмата о сугубо объективном характере общественных закономерностей. Если бы люди сначала действовали, а потом осознавали свои действия, даже в объективно отражённом свете, они давно бы вымерли: и как культурная общность, и как биологическая популяция. Так ут-верждал Ф. Ницше, на этом же настаивает современная психофизиология. Тщета реакции. Беспросветная. Жизнь не реактивна, а самосуца (живое – только из живого). И революция, по существу, зарождается не в ответ – она сама вызов. Обладательница немалой соци-альной величины. Но ничто великое не совершается без страсти. Так учит диалектика.

Литература:

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
2. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. Т. 26. – С. 209–265.
3. Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полное собра-ние сочинений. Т. 45. – С. 378–382.

References:

1. Deljoz Zh., Gvattari F. Anti-Jedip: Kapitalizm i shizofrenija / per. D. Kralech-kina; nauch. red. V. Kuznecov. – Ekaterinburg: U-Faktorija, 2007. – 672 s.
2. Lenin V.I. Krah II Internacionala // Polnoe sobranie sochinenij. T. 26. – S. 209–265.
3. Lenin V.I. O nashej revoljucii (Po povodu zapisok N. Suhanova) // Polnoe sobranie sochinenij. T. 45. – S. 378–382.

— ● —

Сведения об авторе

Алексей Николаевич **Фатенков**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

— ● —

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 165.12

СОВА МИНЕРВЫ В СУМЕРКАХ РЕВОЛЮЦИИ: АЛЕКСАНДР КОЖЕВ О ВСЕМИРНОМ ГОСУДАРСТВЕ И КОНЦЕ ИСТОРИИ

А.М. Фейгельман, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: artf1986@gmail.com

Аннотация. Исследуется учение Александра Кожева об историческом прогрессе как результате труда, революционной борьбы и философского дискурса. Также анализируется связь концепции всемирного государства с учением Кожева об абсолютном знании и конце истории.

Ключевые слова: революция, субъективность, абсолютное знание, неогегельянство.

MINERVA'S OWL AT THE DUSK OF THE REVOLUTION: ALEXANDRE KOJEVE ON THE GLOBAL STATE AND THE END OF HISTORY

Abstract. The teachings of Alexandre Kojève on historical progress as a result of the labor, the revolutionary struggle and philosophical discourse are being studied. Also the relationship of the concept of the global state with the teachings of Kojève on the absolute knowledge and the end of history is being analyzed.

Keywords: revolution, subjectivity, absolutely knowledge, neohegelianism.

Александр Кожев (1902–1968) – влиятельный французский философ русского происхождения, один из тех мыслителей, чья деятельность послужила актуальному переосмыслению наследия Гегеля в XX веке. По мнению философа, «основное содержание» и «новизна» [2, с. 657] философии Гегеля раскрывается в следующих словах из предисловия «Феноменологии духа»: «На мой взгляд, который должен быть оправдан только изложением самой системы, все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*» [1, с. 15].

Однако, соглашаясь с гегелевским утверждением о диалектическом тождестве субъекта и субстанции, Кожев лишает его всякого объективно-идеалистического содержания. На место «хитрого» и «коварного» абсолютного духа, который вершит историю посредством деятельности людей, приходит «человеческий» дух, имеющий причину развития в себе самом. Таким образом, «атеизация» гегелевской системы сочетается у Кожева с ее «антропологизацией», акценте на осмыслении человеческого существования и человеческой деятельности.

Антропологическое учение Кожева неразрывно связано с его концепцией *онтологического дуализма*, в рамках которой проблеме человека уделяется центральное место. «Тождественность и отрицательность – суть две всеобщие и исходные онтологические категории» [2, с. 587], – утверждает философ. Каждая из этих категорий имеет в концепции Кожева множество синонимов. Категория тождественности раскрывается через такие категории как «налично-данное бытие», «субстанция», «себетождетсвенность», «тезис», «объект», «природа» и т.д. Согласно Кожеву, главная особенность налично-данного, природного

бытия – неспособность к диалектическому развитию, поэтому природа всегда тождественна самой себе.

По мнению Кожева, сущностные, диалектические изменения и развитие в природное бытие привносит лишь элемент Негативности. Носителем негативности является Человек, который выступает субъектом преобразования окружающей его реальности.

Историческое становление человеческой субъективности Кожев называет антропогенезом. Центральным для Кожева становится здесь интерпретация гегелевского понятия *вождедения*, которое является следствием присущей человеку негативности, направленной на изменение окружающей реальности – в данном случае в форме уничтожения и усвоения объекта отрицания.

Однако, чтобы стать подлинно антропогенным фактором, вождедение природной вещи должно смениться желанием человеческого желания. Человек, чтобы стать человеком, должен пожелать то, что отсутствует в мире природы, то, что не имеет отношения к его биологическому выживанию. Поэтому «антропогенное» желание имеет своим объектом другое человеческое желание, возможное, соответственно, только в рамках социума.

Согласно Кожеву, желание желания также можно назвать *желанием признания* [2, с.16]. Чтобы стать человеком, мало почувствовать желание признания. Нужно вступить ради признания в борьбу «не на жизнь, а на смерть», которая порождает социально-историческую диалектику Раба и Господина, а вместе с ней и эволюцию человеческого духа. Вступая в борьбу за признание, человек подавляет собственную налично-данную природу, идя против инстинкта самосохранения. Возвышаясь над собственной природой, субъект заставляет другого признать, что он человек, а не животное.

Именно возможность (или невозможность) преодоления природного стоит у истоков диалектики Раба и Господина, которая зарождается на заре истории в результате смертельной схватки между людьми. Раб – это тот, кто в своем риске не смог пойти до конца (то есть сражаться до смерти) и был вынужден подчиниться противнику в обмен на сохранение жизни (и подчиняется он здесь не только победителю, но и своей животной природе, которая не в силах переступить через инстинкт самосохранения). Что касается Господина, то он «поставил на карту жизнь и восторжествовал над природным миром, над Рабом, стало быть» [2, с. 62] и таким образом завоевал право на господство.

Казалось бы, вместе с правом на господство Господин завоевывает и право называться Человеком, то есть тем, кто способен отрицать свою жизнь, свою природу ради внеприродных («не-жизненных») целей. Однако Кожев, напротив, утверждает, что Господин – это «тупик» на пути антропогенеза. Господину дано «либо умирать, либо убивать», он не знает другой формы отрицания налично-данного. Господин «*умирает* по-человечески, но *живет* как животное» [2, с. 64].

Почему Кожев сравнивает Господина с животным? Потому что Господин потребляет продукты рабского труда, не приложив никаких усилий. Раб, напротив, преобразовывая окружающую его природу, обретает человеческую субъективность. Таким образом, страх смерти, страх перед Господином заставляет раба жить по-человечески, то есть жить, творчески отрицая налично-данное.

Осуществляя негативное действие, человек не только изменяет окружающий его мир, но и меняется сам. Преобразовывая «внешнее» природное бытие, Раб подавляет и преобразует и свою внутреннюю животную природу. Последняя всегда удовлетворена налично-данном и не нуждается в сущностных изменениях окружающего мира. Поэтому первона-

чально человека можно только заставить трудиться, что и делает Господин по отношению к Рабу [2, с. 619]. Но затем несвобода диалектически переходит в свободу, в автономность от внутренней и внешней природы, которую Раб преобразует своим отрицающим действием.

Впрочем, независимость Раба от природы не является полной свободой, так как он остается подчинен Господину. Чтобы обрести подлинную свободу и удовлетворение, Раб должен пройти через отрицание своего налично-данного, рабского социального бытия. Сделать это он может, только упразднив Господина в процессе «необходимо кровавой» революции и став гражданином всемирного гомогенного государства, осуществление которого знаменует конец истории.

Выше уже отмечалось, что, согласно Кожеву, человек есть сущее, которое отрицает настоящее ради будущего посредством Борьбы, а также Труда, направленного на осуществление проекта. Проект в данном случае выступает как идея преобразования реальности, созданная посредством мысли и речи на основе «знания Прошлого». Другими словами, человеческая практика неразрывно связана с дискурсом (логосом), поэтому человек у Кожева – это не только субъект деятельности, но и субъект речи.

Совокупность всех речей (дискурсов), раскрывающих отдельные фрагменты тотальности, раскрывает ее как целостность. Последнее и истинностное раскрытие тотальности, по мысли Кожева, возможно лишь в рамках «Науки» – философии Гегеля, возникшей в империи Наполеона – прототипе всемирного гомогенного государства.

Именно с победой Великой французской революции и возникновением империи Наполеона связывает Кожев смерть человеческой субъективности. Наполеоновское государство – прототип всемирного и гомогенного (однородного) государства конца истории, которое лишено каких бы то ни было противоречий, в рамках которого больше невозможно никакое различие, развитие и отрицание. Только в империи Наполеона человек получает окончательное удовлетворение желания признания, то есть становится подлинной индивидуальностью, в которой осуществлен синтез единичного и всеобщего.

Однако относительная социальная гармония, рисуемая здесь Кожевом, имеет высокую цену – готовность единичного гражданина отдать свою жизнь ради всеобщности государства. Индивид, который хочет быть гражданином, должен подвергнуть свое налично-данное единичное существование отрицанию со стороны всеобщности государства. Последнее отправляет человека на войну, вырывая его из мира привычных ему социальных связей ради своих политических целей.

Таким образом, государство у Кожева выполняет роль опосредующего элемента в диалектике желания желанного. Только отчуждая свою жизнь и субъективность в пользу государства, человек, по мысли Кожева, может утолить желание признания. Государство «убивает» человека как единичность и «возрождает» его как гражданина и индивидуальность. Но чтобы это диалектическое превращение совершилось, человек должен подвергнуть свою жизнь смертельному риску на поле боя.

Согласно Кожеву, удовлетворенность граждан всемирного однородного государства означает конец истории. Источник человеческой негативности – желание желанного – угасает. Человек больше не нуждается в революционном изменении и преобразовании налично-данного бытия. Антропогенез останавливается. Однако на вершине эволюционной цепочки находится не только «признанный всеми» Наполеон. Рядом с ним возвышается титаниче-

ская фигура Гегеля – носителя абсолютного знания, творца абсолютной, последней философии – Науки.

Во всемирном государстве конца истории нет почвы для формирования различий, а, значит, не может быть и творческо-революционной работы негативности. Больше не будет ничего нового, отличающегося от этой наличной данности. Поэтому и знание об этой данности по необходимости будет абсолютным, исчерпывающим всю историю человека-в-мире.

В стремлении представить исторический процесс как историю борьбы, труда и раскрывающей их речи прослеживается попытка Кожева синтезировать историософские подходы Гегеля и Маркса. Если для первого главным двигателем истории является развитие философской мысли, то для второго – это человеческий праксис и социальные революции, которые изменяют общество в соответствии с результатами практической деятельности. Что касается Кожева, то он не устает утверждать важность труда и революционной борьбы для исторического прогресса. Однако, по его мнению, последнее слово все равно остается за философией. «Сова Минервы вылетает в сумерках»: никакая эпоха не может считаться завершенной, пока не придет мыслитель, который сможет раскрыть ее смысл в рамках философского дискурса [2, с. 544].

Явление Абсолютного знания знаменует смерть человеческой субъективности. История, приведшая к созданию гегелевской Науки, исчерпана. Удовлетворивший жажду признания человек теряет связь с негативностью, исчезает как «отрицающее наличное Действование и Ошибка, или вообще Субъект, противостоящий Объекту». Последнее «означает просто прекращение Действования в точном смысле слова», то есть исчезновение труда, войн и кровавых революций, а также раскрывающего их философского дискурса [2, с. 538].

Удовлетворенный наличным бытием в рамках всемирного гомогенного государства, человек превращается в счастливое животное. Впрочем, если смотреть на этот вопрос с позиции Кожева, то постисторического человека нельзя назвать подлинно свободным, т.к. свобода подразумевает связь с негативностью и смертью. Разумеется, постисторический человек смертен, однако он живет и умирает как животное, не нуждающееся в отрицании налично-данного бытия. Перестав быть субъектом негативности, homo sapiens теряет свободу – такова цена счастливого существования во всемирном гомогенном государстве конца истории.

Литература:

1. Гегель Г.Ф.В. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
2. Кожев А. Введение в чтение Гегеля / пер с нем. и послесл. А.Г. Погоняйло. М.: Наука, 2003. 792 с.

References:

1. Gegel' G.F.V. Fenomenologija duha. M.: Nauka, 2000. 495 s.
2. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelja / per s nem. i poslesl. A.G. Pogonjajlo. M.: Nauka, 2003. 792 s.

Сведения об авторе

Артем Маркович **Фейгельман**, кандидат философских наук, ведущий социолог кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 94(44).081

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА 1871 ГОДА: ЧТО ЭТО БЫЛО?

И.В. Чемоданов, Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия),
e-mail: igor.che.modanov@gmail.com

Аннотация. В статье освещаются обстоятельства создания Парижской Коммуны 1871 года, ее социальный и партийно-политический состав. Анализируются меры по организации революционной власти и основные направления социально-экономической политики Коммуны. Выявляются причины гибели Коммуны. Приводятся ее исторические оценки.

Ключевые слова: Парижская Коммуна, Франция, революция, классовая борьба, буржуазия, пролетариат.

THE PARIS COMMUNE OF 1871: WHAT WAS IT?

Abstract. The article deals with the circumstances of the creation of the Paris Commune of 1871, social and party-political composition of the Commune. The author analyzes the measures to organize the revolutionary power and the main directions of economic and social policy of the Commune. The reasons of the death of the Commune are revealed. The historical evaluations of the Commune are given.

Keywords: Paris Commune, France, revolution, class struggle, bourgeoisie, proletariat.

Парижская Коммуна 1871 года представляла собой высший этап четвертой революции во Франции (1870–1871 гг.). 19 июля 1870 г. началась франко-прусская война. Вступая в войну с Пруссией, правительство Наполеона III преследовало следующие цели: не допустить окончательного объединения Германии, отвлечь внимание общественности от внутренних проблем и укрепить пошатнувшийся престиж режима Второй империи. 11 августа был принят закон о повсеместном создании и вооружении отрядов Национальной гвардии (ополченческие формирования, куда вступали все французы старше 21 года). Однако война развернулась для Франции крайне неудачно. 2 сентября состоялся разгром французской армии под Седаном, император попал в плен. Поначалу правительство попыталось скрыть от общественности сам факт поражения, но 4 сентября все же вынуждено было официально обнародовать манифест о катастрофе под Седаном.

Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. В тот же день, 4 сентября 1870 г., толпы парижан ворвались в зал заседаний Законодательного корпуса и заставили депутатов объявить о низложении императора Наполеона III и провозглашении республики. Власть перешла к правительству Национальной обороны, состоявшему, главным образом, из деятелей республиканской оппозиции [2, с. 368]. Главной задачей правительства Национальной обороны являлась стабилизация нового республиканского режима, недопущение дальнейшей радикализации революционного процесса, сохранение власти в руках крупной буржуазии. Ради этого оно пошло на примирение с Германией. 28 января 1871 г. было подписано перемирие. Для ведения переговоров о мире Франция

должна была провести выборы в Национальное собрание и сформировать «законное» правительство.

Выборы состоялись 8 февраля 1871 г. Победили сторонники мира (монархисты и умеренные республиканцы). Национальное собрание начало работу в Бордо 12 февраля. Председателем Национального собрания был избран республиканец Жюль Греви, а главой исполнительной власти – орлеанист Адольф Тьер. 26 февраля 1871 г. Тьер подписал в Версале прелиминарный (предварительный) мирный договор. Франция теряла Эльзас и Лотарингию, а также выплачивала Германии контрибуцию в размере 5 млрд. франков в течение трех лет; до ее выплаты ряд департаментов Франции должен был оставаться под оккупацией прусских войск [1, с. 55–56].

На фоне военных неудач и тяжелого внутреннего положения страны происходило обострение классово-борьбы и активизация деятельности революционных сил, которые опирались на поддержку Национальной гвардии. В дни переговоров Тьера с Бисмарком 24–26 февраля 1871 г. в Париже начались народные демонстрации, в организации которых приняла участие Национальная гвардия. Войска, посланные на их разгон, братались с демонстрантами. 27 февраля, узнав о предстоящем вступлении в Париж прусских войск, Национальная гвардия с помощью народа перетащила имеющиеся пушки из района предполагаемого окружения на Монмартр и в Ля-Виллет. 3 марта был сформирован Центральный Комитет Национальной гвардии, который стал руководящим органом по подготовке и осуществлению восстания. В ЦК Национальной гвардии входил ряд членов французской секции I Интернационала (Асси, Варлен, Дюваль, Ранвье и др.).

Правительство Тьера начало собирать силы против революционного Парижа (эти меры можно рассматривать как «превентивную контрреволюцию»). Военный министр Ле Фло направлял из Бордо в Париж приказы подавить в зародыше готовящееся восстание. Было издано постановление об отмене жалованья национальным гвардейцам, которые фактически превращались в безработных. Ранее правительство Национальной обороны временно запретило взывание платы за наем помещений и по долговым обязательствам. Но 10 марта Национальное собрание постановило прекратить через два дня отсрочки по платежам. В считанные дни ко взыванию было предъявлено 150 тыс. долговых обязательств. 11 марта были составлены списки подлежащих аресту членов ЦК Национальной гвардии, однако префект полиции не решился осуществить эту меру. В тот же день губернатор Парижа распорядился закрыть все республиканские и социалистические газеты. 10 марта Национальное собрание решило перенести свои заседания из Бордо в Версаль (который был объявлен столицей Франции), чтобы лучше владеть ситуацией. 15 марта Тьер с министрами прибыл в Париж, а 17 марта в Версале состоялся военный совет совместно с заседанием кабинета министров, где был принят план разоружения Национальной гвардии.

18 марта в 3 часа утра солдаты регулярных войск и жандармы приступили к выполнению операции. Они попытались захватить артиллерию Национальной гвардии. Операция затянулась до 6 часов. Грохот перевозимых орудий разбудил Париж. Национальная гвардия была поднята по тревоге и вернула почти все орудия (за исключением нескольких пушек, вывезенных на рассвете). Национальные гвардейцы стали брататься с солдатами. Эти события послужили толчком к восстанию. Начали его рабочие, к которым присоединились представители мелкобуржуазных слоев, мелких служащих и интеллигенции. ЦК Национальной гвардии взял на себя функции революционного

правительства. К вечеру 18 марта весь Париж был в руках восставших. Тьер с министрами и административным аппаратом около 4 часов дня бежал в Версаль, отдав приказ вывести из Парижа регулярные войска. Вслед за правительством в Версаль потянулись представители имущих классов. Большой ошибкой ЦК Национальной гвардии было то, что он поторопился сложить полномочия, занявшись подготовкой выборов в Коммуну Парижа. 19 марта ЦК издал декрет об отмене военного положения и объявил амнистию за политические преступления [1, с. 61–69].

26 марта (в воскресенье, точно в намеченный срок) состоялись выборы в Коммуну. Они проходили на основе всеобщего избирательного права (для мужчин с 21 года) из расчета 1 член коммуны на 20 тыс. жителей, путем открытого и устного голосования. В Коммуну было избрано 86 чел. Из них 21 – отказались от полномочий. В конечном итоге, в Коммуну было избрано 65 чел. (в т.ч. известные деятели революционного движения – Шарль Делекюз, Феликс Пиа и Луи Огюст Бланки, который находился под арестом). 16 апреля состоялись дополнительные выборы на вакантные места. Социальный состав Коммуны был таков: 28 рабочих, 8 служащих, 29 журналистов и представителей других профессий. Что касается партийно-политического состава Коммуны, то в ней преобладали неоякобинцы (19 чел.), бланкисты (17 чел.) и прудонисты (20 чел.) [3, с. 418].

Коммуна приступила к организации революционной власти. Показательно отсутствие столь характерного для буржуазных форм государственности принципа разделения властей на законодательную и исполнительную ветви. Для руководства государственными делами учреждались 10 комиссий (исполнительная, военная, внешних сношений, юстиции, финансов и др.) во главе с назначенными Коммуной «делегатами». С 1 мая (в связи с ухудшением обстановки на фронте) был создан Комитет общественного спасения с неограниченными полномочиями. Устанавливались выборность, сменяемость и подотчетность чиновников, зарплата которых приравнивалась к средней зарплате рабочего. Уничтожалась полиция, провозглашалась замена армии всеобщим вооружением народа. Церковь отделялась от государства.

В социально-экономической политике Коммуны можно выделить ряд направлений.

- Прогрессивное рабочее законодательство: запрещались штрафы, на ряде предприятий вводился государственный и рабочий контроль, брошенные владельцами мастерские передавались кооперативным товариществам.

- Меры социального обеспечения: вводились пенсии для национальных гвардейцев, получивших ранение в боях, и пособия членам семей погибших гвардейцев.

- Создание системы государственного вспомоществования: организация муниципальных лавок (цены – на треть ниже рыночных), возвращение владельцам вещей, заложенных в ломбардах (на сумму до 20 франков), отсрочка квартплаты (на полгода) и платежей по векселям (на 3 года).

- Введение всеобщего бесплатного начального обучения.

Но тем временем над Парижской Коммуной сгущались тучи. В конце марта произошли первые столкновения Национальной гвардии с версальцами (ими был захвачен единственный форт, прикрывавший Париж с запада – Мон-Валерьен). В апреле–мае состоялось крупномасштабное наступление армии версальцев, которые нанесли ряд крупных поражений коммунарам. Кульминацией стала «кровавая неделя» (21–28 мая 1871 г.): после серии баррикадных боев на улицах Парижа последовало падение Коммуны. Масштабы белого террора впечатляют. За неделю баррикадных боев погибло от 3 до 5

тыс. коммунаров. Из 79 членов Коммуны погибло 23 чел. По приговорам судов было расстреляно 17 тыс., без суда и следствия – около 30 тыс. Общее число казненных, сосланных на каторгу, заключенных в тюрьмы, эмигрировавших доходит до 100 тыс. чел. [1, с. 87].

Причины поражения Коммуны можно выделить следующие.

1) Капитализм во Франции был недостаточно развит, большую роль играли мелкие предприятия, преобладала мелкая буржуазия, степень классовой организованности и политической сознательности пролетариата была слабой.

2) Французский пролетариат не имел во главе себя марксистской партии.

3) Коммуна не предприняла своевременных решительных мер по недопущению консолидации контрреволюционных сил: не помешала выезду из Парижа правительства Тьера и выводу регулярных войск, не организовала немедленного похода на Версаль, не сумела пресечь шпионско-диверсионную деятельность у себя в тылу, не закрыла контрреволюционных газет и т.д.

4) Коммуна не смогла заручиться поддержкой крестьянства.

5) Коммуна не покусилась на буржуазную частную собственность: не были национализированы банки и промышленные предприятия, не был даже введен 8-часовой рабочий день.

По своим финансовым возможностям Коммуна изначально превосходила версальское правительство, но не смогла в полной мере этим воспользоваться. За 72 дня своего существования (с 18 марта по 28 мая) Коммуна израсходовала в общей сложности 46 млн. франков (30 млн. собственных средств и 16 млн. заемных). Между тем, в одном только Французском банке имелось ценностей на 3 млрд. франков (в т.ч. 1 млрд. наличными деньгами). Но эти средства не были экспропрированы. После бегства в Версаль в распоряжении правительства Тьера было не более 10 млн. франков. Однако через подставных лиц версальцы получили из Французского банка 257 млн. франков, которые были использованы ими для формирования армии против революционного Парижа [1, с. 75].

В подавлении Коммуны сыграл свою роль и буржуазный интернационализм. Тьер принял предложение Бисмарка о пропуске через немецкие линии провинциальных батальонов Национальной гвардии и о возвращении из плена еще 40 тыс. французских солдат. Всего германское правительство пропустило через свои линии свыше 100 тыс. французских солдат в обмен на сокращение сроков выплаты контрибуции и оккупации еще нескольких департаментов Франции в качестве залога до окончательной уплаты [1, с. 80–81].

В отношении исторических оценок Парижской Коммуны выделяются два подхода.

1) Самая ранняя в истории социалистическая революция, которая потерпела поражение («первый опыт диктатуры пролетариата») [4; 5]. Такой подход (с подачи основоположников марксизма) закрепился в советской историографии.

2) Пик буржуазно-демократической революции (высшая форма буржуазной демократии).

В целом, Парижскую Коммуну 1871 года можно рассматривать как необычайно радикальную буржуазно-демократическую революцию с социалистическими тенденциями. Для перерастания в социалистическую революцию (и своего спасения) Парижская Коммуна должна была избрать четкий курс на отстранение от власти правительства Тьера. Однако в

Коммуне преобладали умеренные (мелкобуржуазные) силы, которые были нацелены не на свержение версальского правительства, а на достижение компромисса с ним. И «игра в поддавки» с контрреволюцией, в конечном итоге, привела к гибели Коммуны.

Литература:

1. Антюхина-Москвиченко В.И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М.: Мысль, 1986. 488 с.
2. Желубовская Э.А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. 504 с.
3. История Франции в трех томах. Т. 2. М.: Наука, 1973. 663 с.
4. Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. С. 317–370.
5. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 189–201.

References:

1. Antjuhina-Moskvichenko V.I. Tret'ja respublika vo Francii. 1870–1918. M.: Mysl', 1986. 488 s.
2. Zhelubovskaja Je.A. Krushenie Vtoroj imperii i vzniknovenie Tret'ej respubliki vo Francii. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 504 s.
3. Istorija Francii v treh tomah. T. 2. M.: Nauka, 1973. 663 s.
4. Marks K. Grazhdanskaja vojna vo Francii // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. T. 17. S. 317–370.
5. Jengel's F. Vvedenie k rabote K. Marksa «Grazhdanskaja vojna vo Francii» // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. T. 22. S. 189–201.

— ● —

Сведения об авторе

Игорь Владиславович **Чемоданов**, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и культурной антропологии, Вятский государственный гуманитарный университет (Вятка, Россия).

— ● —

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 32

РЕВОЛЮЦИЯ КАК КРИЗИСНЫЙ ПРОЦЕСС В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ П.А. СОРОКИНА И В.И. ЛЕНИНА И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Ц.Ц. Чойропов, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ, Россия), e-mail: ciren@mail.ru

Аннотация. В статье воспроизведен вопрос о предпосылках революции, разработанных В.И. Лениным и П.А. Сорокиным. Показано, что теории двух идейных противников в сумме дают наиболее адекватную модель революции. Сделан вывод о том, что социально-экономические кризисы современного общества могут зародить социальное движение несогласия, возможного в случаях, когда они совпадают с периодами серьезной политической неустойчивости и неясности.

Ключевые слова: кризис общества, политическая нестабильность, предпосылки революции, революционная ситуация, протестные настроения и действия.

REVOLUTION AS A CRISIS PROCESS IN THE INTERPRETATIONS OF P.A. SOROKIN AND V.I. LENIN AND MODERN REALITIES

Abstract. The article reproduces the question of the preconditions of the revolution by V.I. Lenin and P.A. Sorokin. It is shown that the theory of two ideological opponents provides the most adequate model of revolution. It is concluded that socio-economic crises of modern society may contribute to social protest mobilization which is possible in cases when they coincide with periods of serious political instability and uncertainty.

Keywords: the crisis of society, political instability, the preconditions of revolution, revolutionary situation, the protest moods and actions.

Питирим Александрович Сорокин решал вопрос о предпосылках революции, пользуясь выражением о трех необходимых составляющих всякого революционного подъема: 1) растущее подавление «базовых инстинктов», 2) его всеобщий характер, 3) бессилие «групп порядка», то есть правительства и властвующей элиты, неспособных противостоять восстанию [1, с. 2235].

В главных своих положениях теория революции П.А. Сорокина совпала с революционным учением, созданным одним из его политических оппонентов. Известны три признака революционной ситуации у Владимира Ильича Ленина: 1) кризис «верхов», которые не могут править по-старому, тогда как «низы» не хотят жить по-старому; 2) обострение нужды среди «низов» выше обычного; 3) активизация народных масс, мобилизуемых обстановкой кризиса. Для того, чтобы революционная ситуация переросла в реальную революцию, к трем объективным условиям должно добавиться одно субъективное: «...способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...» [2, с. 218, 219]. Видно, что первый признак из ленинского учения о революционной ситуации практически совпадает с

третьей составляющей революционного подъема из работы Сорокина, а первая и вторая составляющие очень напоминают второй и третий признаки.

Теории двух идейных противников в сумме дают наиболее адекватную модель революции. Сорокин отчетливо и детально представил те структурные предпосылки, которые у Ленина выведены в интуитивно понятных выражениях «низы», «верхи» и «обострение нужды выше обычного» [3].

Более поздние теории революции лишь повторяют и закрепляют достижения мысли двух наших соотечественников. Надо сказать, что этим концепциям революции не уделяется должное внимание, но обострение политической борьбы может привести к мысли, что она снова может понадобиться аналитикам уже в ближайшем будущем.

Известно, что обострение политической борьбы происходит там, где превалируют недейственные способы осуществления власти. И люди выражают беспокойство, когда чем-то недовольны. Социально-экономические кризисы могут способствовать социальному движению несогласия, но массовые неудовольствия возникают только в тех случаях, когда они совпадают с периодами серьезной политической неустойчивости и неясности. Чаша терпения народа чаще всего переполняется, когда осознаваемые людьми социальные ценности длительное время не реализуются на практике, и рядовые граждане, ранее не принимавшие участие ни в каких акциях, вливаются в ряды манифестантов.

Далее попытаемся выявить объективное противостояние, имманентное взаимонедоверие народа и властвующего административно-политического аппарата. Истоки и механизм такой драмы – в противостоянии, можно сказать, в социальной несовместимости народа и властвующего аппарата.

Некоторые из упомянутых и подобных прежних «линий» социального расхождения между тем же многострадальческим народом и обновленным (что еще досаднее) аппаратом власти оказались живучими и протянутыми дальше, соединив, казалось бы, невозвратное прошлое с настоящим. И даже получили перспективу. А что совсем досадно, так это порождение «новых» (или, точнее, пробуждение «старых», ранее дремавших) факторов расхождения, противостояния. Последующие констатации поэтому, наверное, будут иметь «смешанный», «старо-новый» характер, отчего их отрицательная значимость как бы удваивается...

Например (соответственно):

– с одной стороны, бедственное, полунищенское (с усугубляющейся тенденцией) существование того же народа, а с другой, – вполне самоуверенное (хотя и несколько пристыженное) самодостаточное да еще более «цивилизованное», полностью легализованное и по-новому узаконенное, благополучие обновленного официального и заново народившегося полуофициального аппарата плюрализованной бюрократии;

– с одной стороны, по-прежнему фактически лишенный собственности на условия и средства, процесс и результаты своего труда (материального и духовного) все тот же народ и человек-труженик, а с другой, – увлеченный азартным перераспределением (захватом) «ничейной» собственности полиструктурный, плюрализированный аппарат власти и оппозиции;

– с одной стороны, создающий «прибавочный продукт», но усугубляющий свое относительное обнищание, все тот же народ (рабочие, крестьяне и интеллигенция), а с другой, – легализованное и узаконенное властвующим аппаратом сословие так называемых «компрадоров», стремительно обогащающееся исключительно посредством перераспреде-

ния (включая спекуляцию, коррупцию и прочие способы «цивилизованного» жульничества) созданных народом материальных и духовных ценностей;

– ближайшая перспектива для того же народа состоит в рекрутировании отрядов безработных (пусть даже «неквалифицированных» и «нерадивых»), а для того же сословия «компрадоров» (пусть даже «предприимчивых» коммерсантов), т.е. субъектов торгово-финансового капитала, – скупка-захват неразделенной еще собственности (заводов, земель, торговых площадей, акций и т.п.) и обращение ее с помощью того же аппарата в свою частную собственность;

– с одной стороны, тот же народ, добросовестно поверивший лукавым обещаниям «новых» властителей и оппозиционеров насчет сокращения и удешевления официального аппарата и отмены номенклатурных привилегий, а с другой – те же властители, неуклонно и уверенно (хотя пристыжено) наращивающие расходы на все более разбухающий аппарат, кратно увеличивающие должностные оклады и «приработки на стороне», камуфлируя посредством «высоких комиссий» номенклатурные привилегии, а тем самым заражающие вирусом потребительской жадности свою многоликую и все разрастающуюся «оппозицию»;

– с одной стороны, предельное терпение и переутомление того же народа от политизированных экспериментов и их последствий, от политиканских игр и противоборства претенциозных группировок за власть и собственность, от манипулирования компилятивными «платформами» и «заявлениями», от бесконечных словопрений и т.п., а с другой, – эскалация всех этих пагубных традиционных «ценностей» и поэтапное порождение новых, пореформенных;

– с одной стороны, двусмысленное (мягко говоря) состояние системы власти и управления «внизу» (в глубинной структуре общества), ее разорванность и распыленность, состояние, угрожающее обществу и народу хаосом и произволом, а с другой, – отнюдь не двусмысленная концентрация (хотя и по стыдливому сценарию «демократизации») рычагов власти и управления «наверху», на верхнем этаже государственно-партийной пирамиды, вплоть до одновременного восседания на «двух стульях» (по поговорке, а фактически на нескольких), к тому же – при официозном восхвалении такого восседания как своеобразного «политического искусства», недоступного «политической психологии» народа... и т.п.

Словом, остается не понятым и оттого не разрешенным до сих пор (хотя и намерения, и стремления налицо) стародавнее противостояние между народом и аппаратом. Почему? Не потому ли, что это по своей глубинной сути социальное противоречие до сих пор воспринимается (и теоретически, и практически) как сугубо или преимущественно политическое?

Двадцатипятилетие «реформ» отмечено знаком устойчиво углубляющегося социального угнетения народа – знаком беды, похожим на социальную судьбу!

Грустно становится от невольного предположения, что реформа может и дальше продолжаться без социально обоснованной концепции и программы, а политические решения будут иметь ситуационный характер, вытекать из переменчивого соотношения сил претенциозных группировок...

Властвующим и их служителям пора бы уже понять, учитывая уроки истории, что социальные потребности управляемого ими народа находятся не в чересполосице владений политизированных группировок, тронных кресел и не между ними. Но там, где народ живет и работает, несет человеческий «крест» своего общества. Поэтому именно он (народ) мо-

жет и имеет социальное (до-юридическое) право воспротивиться политизированному манипулированию в пределах своих исконных владений... И не надо торопиться оппонентам с официозно эффектными негодованиями, вроде таких: недоверие реформаторскому руководству, противопоставление народа и власти, антиреформаторщина и т.п. Разумнее – задуматься о том, что терпение людей не беспредельно...

Литература:

1. Иванов Д.В. Питирим Сорокин и русские революции // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года / Отв. редактор Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2015. – С. 2235–2237.
2. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полное собрание сочинений. Т. 26. – С. 209–265.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 544 с.

References:

1. Ivanov D.V. Pitirim Sorokin i russkie revoljucii // Desjatye Kovalevskie chtenija / Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii 13–15 nojabrja 2015 goda / Otv. redaktor Ju.V. Asochakov. – SPb.: Skifija-print, 2015. – S. 2235–2237.
2. Lenin V.I. Kraх II Internacionala // Polnoe sobranie sochinenij. T. 26. – S. 209–265.
3. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. – M.: Politizdat, 1992. – 544 s.

— ● —

Сведения об авторе

Цырен Цыдыпович **Чойропов**, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (Улан-Удэ, Россия).

— ● —

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 316;1.14

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

Е.Д. Шетулова, Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия), e-mail: shetulowa@yandex.ru

Аннотация. Основным предметом анализа в данной работе выступает проблема социальной революции, которая раскрывается как форма отчуждения. В качестве теоретико-методологической основы исследования привлечена теория К. Маркса, наиболее полно отражающая тему социальной революции во взаимодействии с социальным отчуждением. Результат работы заключается в открытии перспектив дальнейшего изучения проблем революции и отчуждения.

Ключевые слова: социальная революция, отчуждение, формы отчуждения, социальное познание, марксизм, интерпретации марксизма.

SOCIAL REVOLUTION IN THE CONTEXT OF THE MODERN UNDERSTANDING OF ALIENATION

Abstract. The main problem to be analyzed in this paper is a problem of social revolution which is viewed as a form of alienation. The theoretical-methodological base of analysis is the theory of K. Marx. This theory most fully reveals the theme of the social revolution in the complex interaction with social alienation. The result of this work lies in opening of prospects for further study of the problems of the revolution and alienation.

Keywords: social revolution, alienation, forms of alienation, social study, Marxism, interpretations of Marxism.

Ситуативным провокатором анализа проблематики социальной революции выступает ситуация на Украине. Провокатором философским – многогранный интерес к современности, отчетливо демонстрируемый сегодняшним социально-гуманитарным познанием. Социально-гуманитарное познание фиксирует понятие революции как ключевое для теорий развития любых систем – и природных, и социальных, и антропологических, и эпистемологических. Как широко известно, основным моментом в содержании понятия «революция» выступает акцентация качественного характера изменений, происходящих с объектом, подчеркивание прерывного характера происходящих изменений. Одновременно подчеркивается и сопряженность понятия «революция» с понятиями «прогресс» и «развитие» [7].

Все эти характеристики всецело относятся и к социальной революции. В современном понимании социальная революция есть качественное скачкообразное изменение в развитии общественных явлений, способ перехода от одной, исторически изжившей себя фазы развития к другой [9, с. 774]. Справедливо отметить, что в формировании этого современного понимания сущности социальной революции, а, в общем, и других социальных феноменов, фундаментальная роль принадлежит марксистской философии. И в этом смысле марксизм высоко оценивается и немарксистскими исследователями. Приведем, в этой связи, оценку довольно известного американского исследователя Т. Рокмора: К.

Маркс – «...создатель самой впечатляющей общей теории современного мира из всех, какими мы располагаем, теории, которая при всех ее многочисленных изъянах на самом деле не имеет полноценных конкурентов» [8, с. 355].

Основные положения марксистского учения о революции достаточно широко известны. Понятие «социальная революция» в марксизме выражает одну из закономерностей общественного развития; объективная основа ее кроется в наличии классовых отношений, системы «господство–подчинение»; источник революции – развитие и смена способов производства, основанных на частной собственности, противоречия внутри способа производства. В плане последнего положения подчеркивается наличие исторических рамок социальной революции, как закономерность она уйдет в прошлое с утверждением бесклассового общества. Его утверждение приведет к тому, что: «социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» [4, с. 185]. Социальные революции являются путем утверждения новой, следующей общественно-экономической формации (они – «локомотивы истории») [5, с. 86]. При этом основополагающая роль в марксизме отводится конкретно-историческим условиям возникновения и прохождения революции, именно от этих условий зависит ее форма (насильственная или мирная). А, в целом, марксистское учение о революции демонстрирует преходящий характер любого типа общества, в том числе, капиталистического.

Марксизм обладает множеством интерпретаций. Вопрос о множественности этих интерпретаций решается неоднозначно разными авторами. В качестве примера приведем подход к интерпретациям (версиям) марксизма, принадлежащий Дж.Дж. Ньюмайер. С ее точки зрения, проблема должна быть рассмотрена с двух позиций.

Во-первых, версии марксизма можно выделять и анализировать на основе взаимоотношений между теорией, ее применением и социальным контекстом. Тогда мы имеем следующие версии: версия германской социал-демократии в период до Первой мировой войны, последующие версии германской социал-демократии, ленинские версии, марксистско-ленинская версия, разработанная под контролем Сталина, западные версии марксизма и стран «третьего мира» в период после Первой и Второй мировых войн, версии философов Восточной Европы в период до и во время перестройки и гласности, постсоветские версии, западные и восточные, личностные версии марксизма и марксистской философии, выработанные отдельными индивидами [6, с. 57].

Во-вторых, версии марксизма можно выделить на основе рассмотрения значений, в которых используется сам термин «марксизм»: философия или философии, основывающиеся на главных принципах и идеях К. Маркса, марксизм как социальная теория (или, в другой форме, наука об изменении общества), диалектическая методология, марксизм как политическое движение, с партией как руководящей силой, марксизм как метод анализа идеологии и важнейших проблем взаимоотношения морали и политики [6, с. 57].

В каждой из этих интерпретаций, в том или ином плане, присутствует тема революции, в ряде случаев понимаемая иначе, нежели в классическом или, к примеру, в советском марксизме. Ввиду заявленной темы нашей работы, остановимся на одной из интерпретаций, в которой аспект сопряженности революции и отчуждения наиболее ярко выявлен. Эта версия марксизма представлена югославской философией, прежде всего, философами, группировавшимися вокруг журнала «Праксис» (М. Кангр, М. Маркович, Г. Петрович, З. Пешич-Голубович, С. Стоянович, Р. Супек).

В качестве основного объекта анализа ими была взята социалистическая революция. Основа революции была вынесена ими за пределы классовой борьбы. Это было сделано на базе определенного истолкования ряда идей К. Маркса в антропологически-гуманистическом духе. Этот абстрактный гуманизм привел к пониманию социалистической революции как революции, не установившей действительного общественного самоуправления, сохранившей отчуждение, классы, государство. Основное противоречие социалистического общества виделось в противоречии между новым этатистским классом бюрократии и пролетариатом. Причем, переход к т.н. «истинному» социализму виделся в снятии этого противоречия, что упразднит отчуждение, выступающее в качестве центральной проблемы социалистического общества.

На первый взгляд, рассмотрение югославского варианта марксизма в условиях сегодняшнего дня выглядит явным анахронизмом. Однако представляется, что это далеко не так. Во-первых, потому, что и сегодня в работах ряда левых теоретиков воспроизводится и сама постановка проблемы (наличие этатистских классов при социализме, тотального отчуждения и т.д.), и, по сути, аргументация. В качестве примера назовем публикации А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, А.Н. Тарасова [1; 2; 10]. Отдавая отчет в сложности рассматриваемых вопросов и невозможности их однозначного решения, отметим, что, по нашему мнению, в таком подходе кроется опасность смешения идеала и реальности. Это, в определенных политических условиях, может иметь серьезные следствия. Во-вторых, не кажется бессмысленным вопрос сопряженности революции и отчуждения. Другое дело – его конкретный анализ.

Ещё со времен ранних буржуазных революций в Европе, а особенно со времени Великой французской буржуазной революции, едва ли не общим выступает тезис, согласно которому социальная революция представляет собой форму некоего «ужаса космического масштаба» (учитывая, что революция есть своеобразное социальное землетрясение, то для такого утверждения, конечно, есть ряд оснований). При этом, как известно из истории общественной мысли, в период идеологической подготовки революции, хоть буржуазной, хоть социалистической, формулируется и обосновывается идея о том, что революция есть способ перехода от «неразумного» к «разумному» обществу, от изжившей себя общественной формы к новой форме (для этого тезиса также есть основания). Причем, эта новая общественная форма, кроме прочего, будет характеризоваться отсутствием сложившихся в дореволюционную эпоху угнетения, отчуждения и т.д. Собственно снятие отчужденных форм понимается как одна из задач революционного преобразования общества. Соответственно, образуется своеобразный диссонанс.

По нашему мнению, никаких оснований для него нет, если признать, что революция сама выступает в качестве формы отчуждения. Ранее нами был предпринят анализ в этом направлении [11, с. 48]. Подходя целостно, отметим, что проблему возможно исследовать как в конкретно-историческом, так и в методологическом плане. Конкретно-исторический анализ выявляет основные формы отчуждения, порождаемые революцией. Демонстрирует, что любая революция представляет собой, в известной мере, отпадение от прежних ценностей, разрыв с незыблемыми ранее формами организации социальной жизни (к примеру, работы С.А. Аскольдова, А.С. Изгоева, Д. Лукача, П.Б. Струве) [11, с. 48–49]. В этом же ключе лежат рассуждения А.Дж. Тойнби о «цене революции». С поверхностной точки зрения, этот конкретно-исторический анализ позволяет оценивать революцию как форму отчуждения сугубо однозначно (как, впрочем, сугубо однозначно оценивается и само отчу-

ждение, отчужденное значит враждебное). Но эта однозначность уходит, когда мы обращаемся к методологическому плану анализа.

Во-первых, констатируем уход в современной литературе от однобокого понимания отчуждения (работы В.С. Барулина, В.М. Лейбина, Б.А. Лоскутова, В.Н. Руденко). Отчуждение практически, как любой социальный феномен, обладает двойственной природой (мы также ранее останавливались на этом аспекте) [12, с. 265–266]. Это означает, что революция как форма отчуждения также обладает такого рода двойственной природой. Кроме явных негативных проявлений (прежде всего, насилия), революция обладает позитивным смыслом, ибо способствует развитию общества, освобождению личности.

Во-вторых, обращение к анализу революции как формы отчуждения инициирует обращение к вопросу ликвидации отчуждения как такового, что для социальной философии представляет собой фундаментальную проблему. Сегодня все большую весомость приобретает подход, утверждающий, что ко всему многообразию форм отчуждения следует подходить дифференцированно и исторически (работы А.К. Гостищева, И.В. Камынина, Г.С. Киселева, А.Н. Кочергина), т.е. какие-то формы снять удастся, какие-то окажутся трансформированными, какие-то возникнут вновь, а ряд форм и проявлений отчуждения носят «вечный» характер (наш анализ этого вопроса см.: [12, с. 269–271]). Относительно «судьбы» социальной революции, вероятно, можно отметить следующее: развитие регулирования, планирования и прогнозирования предоставляют общую возможность доминирования эволюционного пути [3, с. 109].

В целом, подводя некоторый итог рассмотрению социальной революции в контексте современного понимания отчуждения, отметим, что и о социальной революции, и об отчуждении можно сказать, как о грубых шлепках по телу человечества, но шлепках, которые двигают это человечество вперед (В. Гюго, Ж. Жорес).

Литература:

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Гуманистическая философия истории. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/170> (дата обращения 3.06.2011).
2. Бузгалин А.В. На пути к социальному освобождению Человека (ассоциированное социальное творчество versus либерализм). URL: http://www.alternativy.ru/ru/razdely/teorija/na_puti_k_socialnomu_osvobozhdeniju_cheloveka (дата обращения 19.05.2013).
3. Камынин И.В. Проблема обоснования преодолемости социального отчуждения в философии: дисс...канд. филос. наук. Уфа, 1992. 153 с.
4. Маркс К. Нищета философии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 65–185.
5. Маркс К. Классовая борьба во Франции / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 7. С. 6–110.
6. Ньюмайер Дж.Дж. От тезиса Бертрانا Рассела к 11 тезису о Фейербахе // Социс. 1994. №2. С. 56–63.
7. Перевалов В.П. Революция // Новая философская энциклопедия: в 4 т. URL: <http://www.iph.ras.ru/elib/2559.html> (дата обращения: 08.02.2016).
8. Рокмор Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. М.: Канон+, Реабилитация, 2011. 400 с.

9. Солодовников С.Ю. Социальная революция // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. Мн.: МФЦП, 2002. 1008 с.

10. Тарасов А.Н. Суперэтатизм и социализм. URL: http://scepsis.net/library/id_102.html (дата обращения 11.04.2014).

11. Шетулова Е.Д. Социальная революция как форма отчуждения // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. Вып. 12. 2009. №18 (156). С. 47–52.

12. Шетулова Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе: дисс...докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2010. 310 с.

References:

1. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Gumanisticheskaja filosofija istorii. URL: <http://www.alternativy.ru/ru/node/170> (data obrashhenija 3.06.2011).

2. Buzgalin A.V. Na puti k social'nomu osvobozhdeniju Cheloveka (associirovannoe social'noe tvorchestvo versus liberalizm). URL: http://www.alternativy.ru/ru/razdely/teorija/na_puti_k_socialnomu_osvobozhdeniju_cheloveka (data obrashhenija 19.05.2013).

3. Kamynin I.V. Problema obosnovanija preodolimosti social'nogo otchuzhdenija v filosofii: diss...kand. филос. наук. Ufa, 1992. 153 s.

4. Marks K. Nishheta filosofii / K. Marks, F. Jengel's. Soch. 2-e izd. M.: Gospo-litizdat, 1955. T. 4. S. 65–185.

5. Marks K. Klassovaja bor'ba vo Francii / K. Marks, F. Jengel's. Soch. 2-e izd. M.: Gospolitizdat, 1956. T. 7. S. 6–110.

6. N'jumajer Dzh.Dzh. Ot tezisa Bertrana Rassela k 11 tezisu o Fejlerbahe // Socis. – 1994. – № 2. – S. 56–63.

7. Perevalov V.P. Revoljucija // Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. URL: <http://www.iph.ras.ru/elib/2559.html> (data obrashhenija: 08.02.2016).

8. Rokmor T. Marks posle marksizma: Filosofija Karla Marksa. M.: Kanon+, Reabilitacija, 2011. 400 s.

9. Solodovnikov S.Ju. Social'naja revoljucija // Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar': filosofija, sociologija, religija, jezoterizm, politjekonomija. Mн.: MFСP, 2002. 1008 s.

10. Tarasov A.N. Superjetatizm i socializm. URL: http://scepsis.net/library/id_102.html (data obrashhenija 11.04.2014).

11. Shetulova E.D. Social'naja revoljucija kak forma otchuzhdenija // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Kul'turologija. Vyp. 12. 2009. №18 (156). S. 47–52.

12. Shetulova E.D. Social'no-filosofskij analiz otchuzhdenija v istoricheskom processe: diss...dokt. филос. наук. Nizhnij Novgorod, 2010. 310 s.

Сведения об авторе

Елена Дмитриевна **Шетулова**, доктор философских наук, профессор кафедры методологии, истории и философии науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия).

Раздел I. Социальная революция: современные теоретические реконструкции

УДК 101.8

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНОЕ БЫТИЕ ДИАЛЕКТИКИ

А.Н. Шими́на, Воронежский государственный педагогический университет
(Воронеж, Россия).

М.А. Шими́на, Московский государственный университет путей сообщения
императора Николая II - Нижегородский филиал (Нижний Новгород, Россия),
e-mail: MariaShimina@yandex.ru

Аннотация. В статье утверждается, что революция является единственным способом разрешения противоречий, которые приобрели в обществе остроконфликтный характер. Диалектика является и объективным бытием революционного процесса, и способом теоретического его понимания и организации.

Ключевые слова: революция, ценностное к ней отношение, противоречивость революции, обывательский страх перед революцией, цветные революции как суррогат революции.

REVOLUTION AS AN OBJECTIVE DIALECTICAL BEING

Abstract. The article states the revolution is the only way to settle contradictions that have acquired the character of a sharp conflict in a society. Dialectics is the objective being of a revolutionary process and the way of its theoretical understanding and organization.

Keywords: revolution, contradictoriness of a revolution, value consideration of a revolution, common horror of a revolution, orange revolutions as a substitute of a revolution.

Революция как процесс глубочайшего социального преобразования оказывается тесно связанной с понятием о ней и ценностным к ней отношением. Известно, что революции в умах всегда предшествуют революциям на площадях. При этом революционные идеи приобретают свое бытие и жизненную силу как на уровне рефлексивного сознания, в среде интеллектуалов, так и стихийно складываются в гуще народных масс. Исторически ценностное отношение к революции разворачивается в крайних точках колебания социального маятника: от эйфории до мрачного скептицизма и нигилизма. Достаточно сослаться на ту картину революции, которая представлена в книге Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», и отношение И. Бунина, для которого это были «Окаянные дни». Две эти противоположные позиции изложил и объяснил Л.К. Науменко в своей работе «"Наше" и "Мое". Диалектика гуманистического материализма» [3].

Победоносность литературы никогда не может быть гарантирована ввиду необозримости факторов, от которых она зависит. Не все революционные силы обладают способностью даже поражение превратить в победу.

Научный анализ этого сложнейшего социального феномена зависит от принятых мировоззренчески-методологических предпосылок. Научная теория революции обязана своим происхождением диалектико-материалистическому мировоззрению в лице марксистской философии. Классики марксизма, и здесь особая роль принадлежит В.И. Ленину, выявили основные закономерности развития и функционирования революции, ее типы и дви-

жущие силы, методы осуществления и многое другое. В философском отношении важен тот факт, что понимание революции подвластно только диалектическому способу мышления. Неслучайно наши отечественные философы, приверженные марксизму, в качестве узловой называют проблему «Диалектика и революция». Можно назвать работу Г.Г. Водолазова с таким названием [2], соответствующий раздел вышеназванной книги Л.К. Науменко [3], работу Е.Г. Плимака «Революционный процесс и революционное сознание» [4].

Но в новых рыночных условиях современной России тематика, связанная с исследовательским интересом к проблемам революции, исчезает, теряет свою актуальность. В немалой степени сказывается значение распространения и постоянного тиражирования тезиса о том, что лимит на революцию исчерпан. Теоретическим обоснованием исключения и искоренения идеи неустрашимости революционных изменений из общественного сознания служит понимание развития как чисто эволюционного процесса. Эта концепция метафизического характера, выдвигаемая в прошлом, оказалась востребованной и в настоящее время в качестве охранительной платформы тех социальных сил, которые заинтересованы в сохранении своего господствующего положения.

Но самая высокая степень манипулирования общественным сознанием не может устранить и отменить объективный характер общественного развития. А объективные законы общественно-исторического развития не раз демонстрировали ту истину, что исторические новообразования осуществляются революционным способом, что разрушение изживших себя форм является необходимым условием социального прогресса и развития общества. Новое качественное состояние общественной системы не может возникнуть как простое продолжение предыдущих этапов развития. Диалектика в данном случае действительно революционна и неумолима.

Но законы диалектики обнаруживают свою силу, как правило, в длительном временном диапазоне. При ссылке на сравнительно короткие, с точки зрения исторического времени, периоды развития общества может сложиться убеждение, что социальные революции – это атавизм, что они могли иметь место лишь в прошлом, что с изменением условий данная форма ушла в небытие. Не только ангажированность сказывается на популярности тезиса о невозможности революций в современном обществе. В силу противоречивости диалектической природы революций при ее подготовке и осуществлении или блокировании решающее значение принадлежит не только объективным предпосылкам, но и идейно-идеологическому фактору, тому образу революции, который внедряется как ценностный эталон. В условиях капиталистической России понятие революции спустилось с высот теоретической мысли до уровня обывательского сознания. Революция – это то явление, одно упоминание о котором способно запугать обывателя, вызвать страх у собственника в связи с тем, что революции приписывается примитивный девиз «все отнять и поделить».

Но не только такого рода «предохранительные клапаны» были открыты для защиты порядка, основанного на преобладании частнособственнических отношений. Никакая идеология не сработает без наличия объективных условий, поддерживающих ее. Здесь сработала установка, некогда провозглашенная А. Чубайсом – превратить массу населения в мелких частных собственников. Эта программа была осуществлена через систему определенных акций. Самая ранняя из них – закрепление массы тружеников на шести сотках. Затем граждане страны обрели право собственности на свои квартиры, которые они получили бесплатно при Советской власти. Было утверждено право передавать их по наследству. И, наконец, появление армии автовладельцев, доступность возможности иметь

личный транспорт. Обыватель оказался в крепких объятиях собственности, которая обеспечивала его личное благополучие. В этих условиях победил принцип «мое», а не «наше». Анализ значимости данных социальных трансформаций дал в одной из своих статей в газете «Советская Россия» кандидат философских наук, преподаватель из Уфы Рустем Вахитов, думающий и талантливый автор [1].

Обладание этими объектами собственности привело к разобщенности массы населения, к разрывам в системе общественных связей, ранее скрепляющих простых тружеников в некое единство, обозначаемое понятием «советский народ». Тот процесс, который выступал как типичный для Запада, – социальная атомизация общества, обрел свою действительность и в России. Исконно присущий российской жизни – коллективизм – потеснила психология и идеология индивидуализма. В этих условиях перспектива революционных изменений не могла не восприниматься как угроза потери благоприобретенной собственности.

Несмотря на все идеологические опошления феномена революции, сам термин «революция» не исчезает из употребления в общественном лексиконе. Произошла целая серия так называемых «цветных революций». Что это за революции и являются ли они в подлинном смысле слова революциями? Революция – сложный фундаментального значения процесс. Революции совершаются массами народа, это всегда творческий процесс, не просто стихийное выступление против существующих порядков, но руководимое осознанно созидательными целями. Без опоры на передовую теорию и прогрессивные социальные силы революция невозможна. В цветных революциях недовольство масс и их энергия используется реакцией в антинародных целях. Призывно звучащий термин «революция» служит целям придать данным формам выступлений некий возвышенный ореол и замаскировать их подлинный антинародный смысл, который становится очевидным не в первоначальных ожиданиях и массовом энтузиазме, а в конечных результатах.

Отношение к революции – это маркер принадлежности к передовым или реакционным силам общества. Немало усилий для теоретического обоснования недопустимости революции затратил К. Поппер и его сторонники. Марксистской концепции революции он противопоставляет свою программу «социальной инженерии», в соответствии с которой изменению подлежит работа социальных институтов, постепенный процесс совершенствования форм и организационных структур их работы. Но утопично и бессмысленно, с его точки зрения, ставить вопрос о коренных изменениях основы существующих порядков, эффективными могут быть только преобразования частичного порядка, постепенное совершенствование существующего. Социальная программа К. Поппера органически связана с негативным отношением к диалектике. Выше формально-логического понимания противоречий он не может подняться.

Революция по сути своей глубоко диалектична. Это живая жизнь диалектики. Диалектичность революции состоит не просто в полярности и антиномичности ее ипостасей, хотя наличие противоположных ее определенностей неоспоримо. В революции всегда наличествуют и разрушения и созидание, и объективное и субъективное, и практическое действие и идейные мотивы, и массовидность и значение личностей, возглавляющих процесс и др. Но главное в революции – это факт разрешения назревших противоречий, возникновение таких социальных новообразований, которые поднимают общество на более высокую ступень развития.

Литература:

1. Вахитов Р.Р. Радуга мыльного пузыря. (Чем подкупили простых советских людей?) // Советская Россия. – 2015. – 14 мая. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=599809> (дата обращения: 08.02.2016).
2. Водолазов Г.Г. Диалектика и революция (методологические проблемы социальной революции). – М: Изд-во МГУ, 1975. – 229 с.
3. Науменко Л.К. «Наше» и «Мое». Диалектика гуманистического материализма. – М.: Либроком, 2015. – 464 с.
4. Плимак Е.Г. Революционный процесс и революционное сознание. – М.: Политиздат, 1983. – 240 с.

References:

1. Vahitov R.R. Raduga myl'nogo puzyrja. (Chem podkupili prostyh sovetskih ljudej?) // Sovetskaja Rossija. – 2015. – 14 maja. URL: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=599809> (data obrashhenija: 08.02.2016).
2. Vodolazov G.G. Dialektika i revoljucija (metodologicheskie problemy social'noj revoljucii). – M: Izd-vo MGU, 1975. – 229 s.
3. Naumenko L.K. «Nashe» i «Moe». Dialektika gumanisticheskogo materializma. – M.: Librokom, 2015. – 464 s.
4. Plimak E.G. Revoljucionnyj process i revoljucionnoe soznanie. – M.: Politizdat, 1983. – 240 s.

Сведения об авторах

Аида Николаевна **Шими́на**, доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин, Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж, Россия).

Мария Андреевна **Шими́на**, старший преподаватель кафедры философии, социологии и истории, Московский государственный университет путей сообщения императора Николая II - Нижегородский филиал (Нижний Новгород, Россия)

